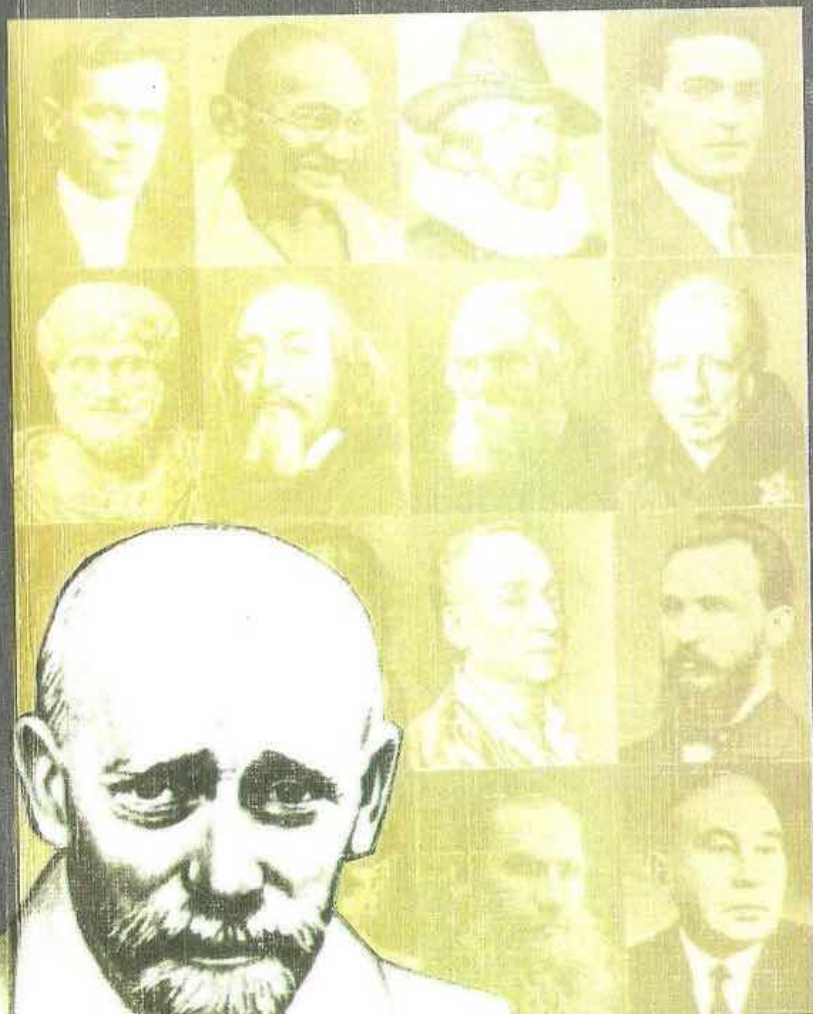

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КОРЧАК

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.Л.

Гиршович В.С.

Давыдов В.В.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Никандров Н. Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А. В.

Рябов В. В.

Сартания В.Ш.

Семашкин А.А.

Шадриков В.Д.

Щетинин М.П.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

СОСТАВИТЕЛЬ
И АВТОР
ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Матятин
Олег Петрович**
Журналист,
Москва

**Ямбург
Евгений
Александрович**
Заслуженный
учитель
школы Российской
Федерации,
Москва

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КОРЧАК

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
Москва
1998

УДК 37.01
ББК 74.00
К70

Корчак. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили,
К70 1998. — 224 с. — (Антология гуманной педагогики).
ISBN 5-89147-017-9

В этом томе, наряду с, казалось бы, известными всем учителям работами Януша Корчака «Как любить детей» и «Право ребенка на уважение», — читатель найдет практически новые для него произведения, подлинные шедевры великого педагога-гуманиста — молитвы для тех, кто не молится, объединенные в цикл «Наедине с Господом Богом».

К 430300000-16
76С(03)-98 Без объявл.

ББК 74.00

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КОРЧАКА

*Нет детей — есть люди,
но с иным масштабом понятий,
иными источниками опыта,
иными стремлениями,
иной игрой чувств.*

Януш Корчак

Есть в мире книги, читая и перечитывая которые, сопутствуя слову и мысли благородного таланта, испытываешь такую признательность автору, которая сродни высшему духовному наслаждению. Я говорю о Януше Корчаке, об одном из самых ярких, талантливых, честных и сердечных педагогов Европы XX века.

Хочу, читатель, начать наше знакомство с ним в мансарде под крышей Дома сирот, где он жил и работал, чтобы ни на час не расставаться со своими питомцами.

Войдем в комнату, где нет вещей, а царствуют книги. Библиотекой это не назовешь, но в то же время случайных книг нет. Собрано только то, что должно быть всегда под рукой, по вкусу души.

На широком подоконнике — крошки хлеба для птиц...

В другое время, при жизни хозяина, мы могли бы здесь встретить детей. «Дети имеют в мою комнату свободный доступ, — объяснял он в одной из своих книг. — И каждый вечер непременно они стоят у открытого окна. Ребенку требуется движение, воздух, свет, — я согласен, но и что-то еще. Пространство, чувство свободы — открытое окно...»

А еще в комнате Корчака веяло несомненно теплом родительского участия, целебным для сиротской души. Дети несли сюда свои заветные переживания — тревоги, обиды, тайные страдания. А кто-то и просто горсть цветных камушков — свое сокровище.

Ребенок получал здесь любовь и сердечное понимание, а в ответ платил учителю доверием.

Этими чувствами согрето, наполнено каждое слово, каждое действие Корчака, обращенное к ребенку. Но его голос мог быть и гневным, негодующим, если детству угрожали тупое недомыслие, равнодушие, жестокость, шовинизм взрослых. От кого бы это ни исходило — от воспитателя, от родителей или власти —

он открыто, бескомпромиссно выражал свой протест. «После моего грубого письма к одному сановному лицу мы получили относительно недурное подкрепление в виде колбас, даже ветчины. А потом даже приятная неожиданность в виде двухсот килограммов картошки. Но вот загвоздка. Персоны попробуют отыграть...» (Из дневника.)

Откуда эта решимость и твердость? Глядя на фотографии Корчака, представляешь себе тихого, деликатного школьного учителя. Таким он и был с детьми. Но деликатность его родилась не в тиши аудиторий и библиотек Варшавского университета, где получил он диплом врача. Состраданию, гуманизму учился он в детских больницах, куда пришел после выпуска, в кварталах варшавской бедноты, откуда брал под крышу Дома сирот брошенных, погибающих малышей.

Тихий доктор прошел две войны — русско-японскую и Первую мировую. Но и в огне войны он не переставал думать о детях. Отмыв руки после очередной операции, садился у горящей свечи и под грохот пушек писал книгу о любви к ним. С этой рукописью он и вернулся с фронта. Она была издана и стала одним из шедевров в мировой педагогике. «Как любить ребенка» — назвал он свой труд.

Название подчеркнуто дидактично. И вызывало, я думаю, тогда (да и теперь) недоумение: «Какой тут вопрос? — слушаться должен и всё». Но автора не пугало возмущение, более того — он его провоцировал. Он вступал в борьбу с вековыми заблуждениями и был уверен в себе, был готов поделиться своими открытиями.

Эти открытия и уверенность, опирающаяся на них, не были обусловлены лишь озарением. Хотя, убежден, и озарения имели место... Им предшествовала непростая жизнь.

Генрик Гольдшмит родился 22 июня 1878 г. в семье известного варшавского адвоката. Он рано потерял отца и должен был зарабатывать — помогать семье и оплачивать свое обучение в университете. Выбор у студента небогат — санитар, грузчик, репетитор?

Он пробует репетиторство. И это — счастливый выбор для мировой педагогики. Встретившись с детством, неблагополучным в школьном учении, Корчак впервые начинает размышлять о причинах детских несчастий. В семье достаток, мать не работает, есть прислуга, а ребенок брошен, оставлен наедине с «землетрясениями» роста, стихийно впитывает не лучшие нравы домашнего окружения. Вскоре тревога и сочувствие, наблюдения и размышления позволяют репетитору прийти к диагнозу, который будет высказан в книге «Дитя гостиной».

Это пока прикидка, проба мысли, взгляда, пера. Но уже тогда сформировался интерес к миру детства, желание посвятить ему свою жизнь. Продолжая заниматься литературой, Генрик вновь и вновь пишет о детях, об их жизни, конфликтах и переживаниях. Его работы публикуются в журналах...

Писатель, а затем и педагог **Януш Корчак** родился с выходом драмы «Каким путем?», получившей премию на литературном

конкурсе. Это был литературный псевдоним двадцатилетнего лауреата—студента медицинского факультета Варшавского университета Генрика Гольдшмита. Этим псевдонимом отныне он будет подписывать все свои литературные работы. С этим именем войдет он в историю.

Почему до сих пор с таким уважением произносим мы это имя? Что открыл Януш Корчак мировой педагогике?

До него многие века считалось почти неоспоримым утверждение о том, что личность ребенка представляет собой «*tabula rasa*» — чистую доску, на которой можно чертить любые письмена. Ее сравнивали с мягким воском, легко поддающимся лепке в руках любого скульптора-воспитателя. Передовые педагоги протестовали против такого уподобления детской личности бездушному, безвольному материалу. В начале XX века на волне этого протеста родилась «теория свободного воспитания», но эта полюсная крайность авторитарной педагогике тоже оказалась во многом несостоятельной.

Корчак взял себе другой жизненный идеал. Есть очень важное его признание, выраженное в форме отстраненного сравнения: «Гениальный французский энтомолог Фабр гордится, что произвел свои эпохальные наблюдения над насекомыми не умертвив ни одного, — писал Корчак. — Фабр наблюдал их полеты, обычаи, радости и заботы. Внимательно присматривался к насекомым, как они резвились в солнечных лучах, сражались и гибли в сражениях, искали еду, строили убежища, делали запасы. Он не возмущался, а мудрым взглядом прослеживал могущественные законы природы в их еле заметных проявлениях. Фабр был учителем в народной школе. Он наблюдал невооруженным глазом. Воспитатель, будь Фабром детского мира!» (Из дневника.)

В этом высказывании, как легко увидеть, изложена научная методика воспитания. Корчак и стал первым Фабром детского мира. Работая в детских больницах, в воспитательных учреждениях, в летних лагерях, он наблюдал за ребенком во всех обстоятельствах его жизни, тщательно отбирая для своих исследований самое важное, самое существенное. Эти наблюдения имели великую цель — создать всеобъемлющую науку о ребенке, опирающуюся на передовые достижения медицины, психологии и педагогики.

Выдающимся свершением Корчака стало открытие космоса детской души, страны детства, где должны действовать твердые законы, защищающие ребенка от любых форм бесправия.

Важнейший из этих законов он сформулировал в названии своей программной работы — «Право ребенка на уважение». Эта книга и сегодня должна не только присутствовать в каждой семье, в школе, в правоохранительных органах, но и стать неотъемлемой частью всего воспитательного процесса подрастающего поколения.

До выхода его книги, в 1924 г., Лига наций в Женеве приняла Декларацию прав ребенка. Честный взгляд Учителя безошибочно распознал бюрократическую пустоту этого документа. «Женевские законодатели спутали обязанности и права; тон де-

кларации не требование, а увещевание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности», — комментирует он этот документ. И в строках, полных сердечной боли и сострадания, открывает взрослым то, чего они не хотят видеть: «Проверим на совесть, сколько мы выделяем в пользование ребячьему народу, малорослой нации, закрепощенному классу. Чему равно наследство и каким обязан быть дележ; не лишили ли мы, нечестные опекуны, детей их законной доли — не экспроприировали ли?»

Тесно детям, душно, скучно, бедная у них, суровая жизнь...

Требуем: устрани́те голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение!

Это вы плодите больных и калек, вы создаете условия для бунта и инфекции...»

Во избежание недоразумений уточняю: это не о сегодняшней России. Это о Польше 1929 г.

Не довольствуясь частными обличениями, Корчак сам берет-ся «проверить себя на совесть».

В Доме сирот он гласно, публично внедряет в жизнь свои педагогические идеи — педагогику гуманизма. Сверхается чудо жизни — в несколько лет (два-три года) сиротское учреждение, имеющее очень скудные средства на содержание, становится лучшим учебным заведением, его называли гордостью Польши.

Как жил Дом сирот, на чем строилась воспитательная система Януша Корчака? Обратимся к воспоминаниям одного из сотрудников этого Дома, Александра Левина, ставшего впоследствии видным ученым-педагогом. Итак, впечатления очевидца.

«Хотя Дом сирот постоянно испытывал материальные и финансовые затруднения, дети всегда получали хорошую, питательную еду. Спали они в больших, просторных помещениях. Рядом со спальнями находились хорошо оборудованные умывальники. Каждый ребенок имел свой индивидуальный комплект туалетных принадлежностей... Раз в неделю производился обряд купания. Корчак, если у него было время, сам принимал участие в этом обряде. Он мыл самых маленьких детей и при случае учил этому воспитателей. Когда дети после ужина находились в спальнях, их взвешивали и измеряли. Это делал чаще всего сам Корчак. Ежедневные результаты измерений записывались. Таким образом создавались диаграммы веса и роста, которые становились предметом обсуждения воспитателей. Они спрашивали себя: почему некоторые дети не прибавляют в весе, чем объяснить это? Переживаниями ребенка? Обеспокоенностью? И так от вопросов относительно простых доходили до более сложных — таких, как состояние здоровья ребенка, контакты его с семьей, ровесниками, воспитателями, учителями, успехи его и неудачи...»¹.

Как будто все просто, не так ли? Как в любом детском доме. Но суть педагогики, как известно, заключается в том, как и за-

¹ Левин А. Дом сирот. Воспоминания. — М., 1970. — С. 35.

чем обучаются дети элементарным правилам жизни. И каков воспитательный результат. Воспитанники Корчака выносили из Дома укоренившуюся на всю жизнь любовь к чистоте, гигиене, ритуалу ежедневного наведения порядка.

Процедура же взвешивания, кроме очень важного медицинского контроля за физическим развитием и состоянием ребенка, имела и еще одну цель. О ней говорил и писал сам Корчак — проверять, не воруют ли на кухне детские продукты. Согласитесь, эта проблема весьма актуальна.

Еще несколько фрагментов из жизни Дома сирот.

«В небольшом холле, ведущем в глубь Дома, на наиболее видном месте размещались щетки, ведра, тряпки. Именно эти предметы в других учреждениях стыдливо прятали по углам... Здесь же они как бы являлись визитной карточкой. Почти все работы по Дому (кроме приготовления пищи и стирки, хотя и в этом помогали дети) выполнялись самими воспитанниками»².

В Доме сирот трудолюбие не только поддерживалось похвалой, но и оценивалось в «единицах труда». Дети, получившие, скажем, пятьсот единиц, по предложению совета самоуправления вознаграждались... памятной открыткой. Такая открытка была предметом гордости и общественного почта в Доме.

Говорят, всё великое просто. Наверное, это не совсем точно. У настоящего педагога простое и сложное живут в диалектическом единстве. Важно прицельно продумывать смысл и цель каждого педагогического маневра. Тогда найдутся простые ступеньки к высоким целям. Корчак понимал это лучше, чем кто-либо. Одна из последних его статей, написанная для еженедельной газеты Дома сирот, называлась «Зачем я убираю со стола посуду?».

Спорили и спорят о том, как назвать систему, разработанную и примененную Янушем Корчаком в воспитательных учреждениях.

Суть, разумеется, не в названии, а в принципах, заложенных в организацию жизни детского коллектива. Важнейший из них — самоуправление. Не директорские приказы управляли жизнью Дома. Зашите интересов ребенка, утверждению нравственных норм взаимоотношений, разумного порядка служили авторитетные ребята, избранные коллективом, — совет самоуправления, товарищеский суд, детский парламент. Много значило в Доме общественное мнение — регулярно (еженедельно) выходило несколько газет, устраивались плебисциты доброжелательности, на которых воспитанники высказывали (по системе плюс-минус-ноль) свое отношение к ровесникам.

Духовная жизнь в Доме была ясной и чистой, без двуличия, без разлада между сущим и должным. Идеалы, утверждаемые Корчаком, были близки любой честной душе — и ребячьей, и взрослой. У зеленого знамени Дома (зеленый — цвет надежды)

² Там же. — С. 180.

Корчак вместе с детьми дал клятву «Жить и работать согласно с правдой и справедливостью».

По мысли Корчака, всё, чем живет воспитательное заведение, должно быть подчинено тому, чтобы вызывать у детей раздумье о себе, о своем поведении, побуждать к постоянному стремлению стать лучше.

Януш Корчак был не только уникальным педагогом, но талантливым литератором. Литературному его дарованию были доступны все жанры, «кроме скучного». Беседы по радио, «правила жизни», юмористическая педагогика, сказки, фантастические повести, публицистика, наконец даже «молитвы тех, кто не молится» — всюду проявляли себя его яркий талант и великодушие.

Диву даешься, как успел он в границах своей короткой жизни (64 года), посвященной неотступным заботам о сиротах, которые, казалось, поглощали все его время, вместившей три войны, — как успел он создать и оставить нам бесценное педагогическое и литературное наследие, с которым, увы, еще мало знакомы российские учителя, родители, студенты.

Перу Януша Корчака принадлежит более 20 книг о воспитании. Правда, по объему это немного — два-три привычных для нас «педагогических» тома. Он не любил писать длинно и нудно. «Горю желанием в малом объеме дать много». Этот девиз Константина Циолковского сродни литературному наследию Корчака.

В библиотеке его особняком стояли томики Марка Аврелия, А. П. Чехова, Марселя Пруста. Однако никаких заимствований в книгах Корчака найти нельзя. Но излюбленный жанр проповеди, лаконичный и мудрый — от Аврелия, художественное внимание к малейшим проявлениям детской жизни — от Пруста. А о третьем своем кумире он сам сказал: «Из писателей больше всего я обязан Чехову — гениальному диагносту и клиницисту общества».

Януш Корчак был достойным последователем своих великих учителей. Свидетельство тому его талант, его творчество, героическая судьба.

Любовь у Корчака была одна на всю жизнь — дети. Способ отношений — гуманная педагогика. Он понимал, что ему дано знать то, чего другие не знают. И спешил, торопился поделиться явленными ему откровениями. Он — первый автор еженедельных газет Дома сирот. Случилась возможность — стал вести беседы по радио под именем Старого Доктора (пока их не запретили власти: гуманная педагогика часто оказывалась не ко двору).

Ни от чего он не отворачивался — всё видел ясно и обо всем говорил честно. Но вечной была забота и тревога о том, чтобы видение свое воспитатель соотносил, сопереживал с ощущениями ребенка, воспитанника. Надо уметь, писал он, «... по-детски радоваться и грустить, любить и сердиться, обижаться и стыдиться, бояться и доверять».

В любой его работе ясно и тонко обозначается позиция ребенка — не только как объекта воспитания, а как единствен-

ной, неповторимой личности — потенциальной и уже существующей.

Не довольствуясь учебными наставлениями, он обращается к художественной прозе, чтобы сполна, без дидактики высказать свои представления о взаимоотношениях ребенка и взрослого (повесть «Когда я снова стану маленьким»).

Ему показалось важным и интересным вообразить страну, где властвуют дети. Об этом — «Король Матиуш I». Из этой книги Дом сирот взял зеленое знамя детского королевства. Не чурался он и прозы рыночной жизни тогдашней Польши, посвятив ей книжку «Джек-кооператор».

Этот сборник завершает книга, которой, пожалуй, не было в мировой литературе. Название: «Наедине с Господом Богом». А ниже на обложке неожиданное пояснение: «Молитвы тех, кто не молится». Знающие, читающие Корчака не удивятся: у него, как и у Льва Николаевича Толстого, были сложные отношения с церковью. Достаточно сказать, что уроков религии в Доме сирот не было. Но моления, чтение молитв по свободному волсизъявлению воспитанников были. Без Бога Корчак не мыслил воспитания.

Я не посмею вторгаться в интимные сложности его души. К нашему счастью, мы располагаем послесловием Ольги Медведевой — переводчицы «Книги молитв» и Президента Российского общества Януша Корчака. Именем Общества и освящено это издание, осуществленное в Швейцарии. Тираж ... 150 экземпляров. Так что наше включение в антологию гуманной педагогики этого раритета, с любезного согласия госпожи Медведевой, можно считать эксклюзивным.

...Я смотрю на портрет его, в глаза, полные добра, мудрости и печали. «Мир уродлив, и люди грустны», — сказал замечательный американский поэт Уоллес Стивенс. Будто о нем. Но печаль Корчака не знала отчаяния, он был деятелен и мужествен до конца. Его вопрос к взрослым в одной из последних статей «Одиночество старости»: «Жил ли ты? Какой же след ты оставляешь на земле? Сколько деревьев посадил? Сколько кирпичей уложил на стройке? Кому и сколько отдал тепла?» Это вопрос-совет любому, подводящему итоги своей жизни. Сам он ответил на него всей своей жизнью, отдав ее детям.

Стыдно, позорно мало издавали мы великого педагога, признавая его значение как бы через силу, сквозь зубы. В стране, имеющей 2,5 миллиона учителей, он выходил тиражом в ... 40000 экземпляров, да и то раз в двадцать—тридцать лет. Не нравился он ни партбюрократам, ни ученым-догматикам из бывшей Академии педнаук. Такова судьба гуманной педагогики, поскольку плохо поддается она авторитарному управлению, а, минуя инстанции, обращается прямо к сердцу, уму, душе ребенка. И учитель предстает в ней как полноправный представитель духовных ценностей человечества.

И слова Корчака обращены к нам сегодняшним.

Как будто не лежат между нами десятилетия. «Современную жизнь формирует грубый хищник, homo гарах: это он диктует методы действий. Ложь — его уступки слабым, фальшь — почет старцу, равноправие женщины и любовь к ребенку. Скитается по белу свету бездомная Золушка — чувство. А ведь именно дети — князья чувств, поэты и мыслители.

Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное святое детство!»

Читая труды Януша Корчака, я ощущаю себя в храме добра, мудрости, вечного детства. Его проповеди очищают душу. Несравненная гармония стиля сродни лучшей поэзии.

«... Я полил цветы, бедные цветы детдома. Пересохшая земля вздохнула.

К моей работе приглядывается часовой. Сердит его, умиляет этот мирный в шесть часов утра труд?

Часовой стоит и смотрит. Широко расставил ноги... Моя лысина в окне, такая хорошая цель. У него винтовка. Почему он стоит и смотрит? Нет приказа». (Из последних записей в дневнике, 4 августа 1942 г.) Но приказ уже был приготовлен. Друзья Корчака узнали об этом, достали для него документы, чтобы он мог скрыться. Корчак отказался: «Не оставишь своего ребенка в больнице, несчастье, в опасности. А здесь двести детей. Как можно оставить их одних в заплombированном вагоне, в газовой камере?»

С развернутым знаменем вместе с детьми вышел Старый Доктор из Дома сирот под конвоем гитлеровцев. Дети не знали, что идут в последний путь. Отправились на вокзал, оттуда в товарных вагонах — в Трeблинку, лагерь смерти. За 16 месяцев здесь было уничтожено 800 тысяч человек, среди них и двести сирот вместе с учителем. Теперь на месте газовых камер памятные гранитные глыбы. На одной из них надпись: «Януш Корчак и дети». Нет, это не память, это знак жесточайшего из преступлений.

А память о Корчаке, сам Корчак живы, пока его читают во всем мире. По всему миру рассеяны и дети Корчака, живущие по его заветам. Есть они и в России. Есть общество его имени, созданное энтузиастами-педагогами, студентами педвузов. Каждый год они собирают трудных подростков в летние лагеря по типу тех, что устраивал Корчак.

«...Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается», — записал он в дневнике незадолго до гибели.

Каждый бы в нашем мире имел право так сказать!

Олег Матягин

Признаться, когда составители книги предложили прокомментировать «Право ребенка на уважение», первой реакцией было внутреннее сопротивление. Текст известный, не раз издававшийся, отточенный, афористичный, как, впрочем и все у Я.Корчака. Кому сегодня придет в голову оспаривать права ребенка? Напротив. — на эту тему пишется и делается немало: существуют даже целые международные программы и учебные пособия.

Но по зрелом размышлении, в десятый раз возвращаясь к знакомому тексту, пришлось признать правоту составителя и отнюдь не хрестоматийно-мемориальное значение этой работы Я.Корчака. В минуту прозрения он пишет: «Педагогика — наука не о ребенке, а о человеке».

Можно распечатать немислимыми тиражами Декларацию прав ребенка, ввести на всех этапах обучения специальные предметы, разъясняющие эту проблему, но надеяться на скорый успех в стране, где нет устойчивой исторической традиции уважения личности взрослого человека, не говоря уже о ребенке, не приходится.

Помнится, в одном из последних интервью И.Бродский на просьбу оценить то, что происходит сегодня в России, сказал: «Да кто я такой, чтобы, не живя так много лет, давать какие бы то ни было оценки». А затем задумался и продолжил: «В сущности, в этом и суть проблемы, когда говорят «А кто ты такой?». В неуважении, пренебрежении личности он увидел корневую причину многих, едва ли не всех, сегодняшних бед.

Что же касается детей, откроем знаменитый «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского. Февраль 1876 года... Писатель размышляет о нашумевшем судебном деле Кронберга: «Напомню дело — отец высек ребенка, семилетнюю дочь, слишком жестоко, по обыкновению — обходился с ней жестоко и прежде. Одна посторонняя женщина, из простого звания, не стерпела крика истязаемой девочки, четверть часа (по обвинению) кричавшей под розгами: «Папа! Папа!» Розги же, по свидетельству одного эксперта, оказались не розгами, а «шпицрутенами», то есть невозможными для семилетнего возраста. Впрочем, они лежали на суде в числе вещественных доказательств, и их все могли видеть... Обвинение, между прочим, упоминало и о том, что отец перед сечением, когда ему заметили, что хоть этот сучок надо бы отломить, ответил: «Нет, это придает еще силы». Известно тоже, что отец после наказания сам почти упал в обморок» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. — М., 1981. — Т. 10. — С. 50). Вся вина девочки заключалась в том, что она взяла без спросу чернослив.

Интересна сама фигура представшего перед судом отца. Это не какой-нибудь потерявший человеческий облик алкоголик, опустившийся на самое дно. Напротив, дворянин, кончил курс наук, учился сначала в Варшаве в университете, затем в Брюсселе, потом опять в Варшаве, где в 1867 г. кончил курс в главной школе со степенью магистра прав (sic!). По-своему благороден. Узнав о существовании появившегося в результате внебрачной связи ребенка, разыскал девочку, привез ее, дал свою фамилию. И вот, поди ж ты, такая дикая ситуация. Стараниями ловкого адвоката суд оправдал отца.

Любопытна и поучительна оценка Ф.М.Достоевским этой ситуации: «Я очень рад, что судившегося отца могут уже не принимать за злодея, за любителя детских мучений (такие типы бывают), и что тут всего только «нервы», и что только «худой педагог», по выражению его защитника... Дело было поставлено обвинением так, что в случае обвинительного приговора присяжных отец мог быть сослан в Сибирь. Спрашивается, что осталось бы у этой дочери, теперь ничего не смыслящего ребенка, потом, в душе, на всю жизнь, и даже в случае, если б она была потом всю жизнь богатою, «счастливою»? Не разрушено ли б было семейство самим судом, охраняющим, как извещено, святыню семьи?» (Там же. — Т. 22. — С. 51).

Гениальная интуиция и здесь не подводит писателя. Он, специалист по «безднам», в определенном смысле предтеча З.Фрейда, намеренно выводит за скобку патологию и ставит диагноз: «нервы» и «худой педагог». Что, впрочем, одно и то же.

А теперь подчеркнем на первой же странице Я.Корчака то, что проясняет, дополняет, уточняет историю древней болезни, именуемой «пренебрежением к ребенку».

Злополучный Кронберг — не исключение, скорее правило, правда, в его крайнем проявлении. Во всех других отношениях достойный человек. А перед ним всего-навсего маленький ребенок. Масштаб несопоставим. В этом-то и суть вопроса. Можно сколь угодно сетовать на неблагоприятный социальный и исторический фон, на котором развиваются такие душераздирающие детские истории, которые не снились и Федору Михайловичу (любой детский приют сегодня буквально нашпигован ими), блуждать в лабиринте архетипов, инцестов, находя изощренные объяснения всему и вся, но при этом просмотреть коренную педагогическую причину неуважения к личности, понять которую дано было Я.Корчаку.

ПРАВО РЕБЕНКА НА УВАЖЕНИЕ

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ — НЕДОВЕРИЕ

С ранних лет мы растем в сознании, что большое — важнее, чем малое.

— Я большой, — радуется ребенок, когда его ставят на стол.

— Я выше тебя, — отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослым, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе заслоняют его, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневен, неинтересен. Маленькие люди — маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление — большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим:

— Великий подвиг, великий человек.

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, усадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить; а ведь сколько раз пытается ослушаться, прежде чем поймет, сладся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, тряхнуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, сильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться; может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, что слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование.

Облик мира изменился. Уже не сила мускулов выполняет работы и обороняет от врага, не сила мускулов вырывает у земли, у моря и лесов владычество, благосостояние и безопасность. Закабаленный раб — машина! Мускулы утратили свои исключительные права и цену. Тем больший почет уму и знаниям.

Подозрительный чулан, скромная келья мыслителя разрослись в залы исследовательских институтов. Нарастают этажи библиотек, полки гнутся под тяжестью книг. Святыни гордого разума заполнились людьми. Человек науки творит и повелевает. Иероглифы цифр и знаков опять и опять обрушивают на толпы новые достижения, свидетельствуя о мощи человечества. Все это надо охватить памятью и постичь.

Продлеваются годы упорной учебы, все больше школ, экзаменов, печатного слова. А ребенок маленький, слабенький, живет еще недолго — не читал, не знает...

ВВ *Детство и юношество — уникальный полигон для предварительной обкатки этих грозных проблем. Сегодня, как и во времена Я.Корчака, мы слишком далеки от того, чтобы «в мире без России, без Латвии, жить единым человеческим общезжитием».*

Жизнь слишком несовершенна, чтобы ожидать наступления золотого века просвещения. Но его никогда не было и в прошлом, если, конечно, не цепляться за историко-культурные мифологемы. А значит, мы не уникальны в своих размышлениях на тему образования юношества. Бывали времена посложней. Но в конечном итоге все как-то образовывалось. Обращаю внимание на двойное значение слова: структурировалось, приходило в порядок, возвращалось к нормальному течению жизни и — окультуривалось, преображалось, приходило в соответствие с вечными ценностями и смыслами. Второй пласт и составляет сокровенный смысл педагогической деятельности во все времена.

Грозная проблема — как делить завоеванные пространства, какие кому давать задания и вознаграждения, как освоить покоренный земной шар. Сколько и как разбросать мастерских, чтобы накормить алчущие труда руки и мозг, как удержать человеческий муравейник в повиновении и порядке, как застраховать себя от злой воли и сумасбродства личности, как наполнить часы жизни действием, отлехом, увлечениями, уберечь от апатии, пресыщения, скуки. Как спланировать людей в дисциплинированные союзы, облегчать взаимопонимание: когда разъединять и делить. Здесь подгонять, ободрять, там слерживать, здесь разжигать пыл, там гасить.

Кому выпало на долю выполнять более достойную задачу? Можно быть счастливым, по крайней мере тем, что сегодня, когда огромное количество людей в России страдает оттого, что еще вчера оцененный всеми труд якобы на благо государства ныне признается никому не нужным, — педагогу такая смыслоутра-та не грозит. Он в подлинном смысле слова представитель вечной профессии. Не так уж мало для обретения внутреннего до-стоинства и терпения в сизифовом труде исправления хотя бы детской части человечества. Обретенное достоинство, придавая уверенность в непреходящей ценности педагогической деятель-ности, одновременно спасает от самодостаточности, учитель-ской гордыни, стремления переделать детей по своему образу и подобию.

Осторожно действуют политики и законодатели, да и то час-то ошибаются.

И о ребенке взрослые совещаются и решают; но кто станет спрашивать у наивного его мнения, его согласия: что он может сказать?

Кроме ума и знаний в борьбе за существование и за вес в об-ществе помогает смекалка. Человек расторопный чует поживу и срывает куш; вопреки всем расчетам, сразу и легко защищает деньги; поражает и вызывает зависть. Досконально приходится знать человека, и уже не алтари, а хлева жизни.

А ребенок семенит беспомощно с учебником, мячом и кук-лой, смутно чувствуя, что без его участия где-то над ним совер-шается что-то важное и большое, что решает, есть ему доля или нет доли, карает и награждает и сокрушает.

Цветок — предвестник будущего плода, цыпленок станет ку-рицей-несушкой, телка будет давать молоко. А до тех пор — ста-рания, траты и забота — убережешь ли, не подведет ли?

В В нашем отечестве это особенно укоренено. «Через четыре года здесь бу-дет город-сад!» А пока бу-дем жить в корчах и пре-одолении. Через двадцать лет нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме... Со-здадим цивилизованный ры-нок — и тогда запируем на просторе... Мифологемы меняются — интенция ос-тается. Между тем Сене-ка писал: «Пока мы откла-дываем жизнь — она про-ходит».

Все растущее вызывает тревогу, долго ведь приходится ждать; может быть, и будет опорой старости, и воз-даст сторицею. Но жизнь знает засу-хи, заморозки и град, которые поби-вают и губят жатву.

Мы ждем предзнаменований, хо-тим предугадать, оградить: тревож-ное ожидание того, что будет, усили-вает пренебрежение к тому, что есть.

Мала рыночная стоимость несоз-ревшего. Лишь перед законом и Бо-гом цвет яблони стоит столько же, что и плод, и зеленые всходы — сколько спелые нивы.

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Ребенок получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все — мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он — ничто, мы — все.

Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и предвещающие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

ВВ «А судьи кто?», «Врачу — излечися сам!»

Мы поручаем и проверяем выполнение по нашему хотению и разумению — наши дети, наша собственность — руки прочь!

(Правда, кое-что изменилось. Уже не только воля и исключительный авторитет семьи — еще осторожный, но уже общественный контроль. Слегка, незаметно.)

ВВ Сотни ежедневных микродрам на этой почве.

Отец купил дорогой велосипед. Сын во дворе дал покататься друзьям. Сломали — скандал! Девушка одолжила

подруге платье на свидание. Пятно — скандал! Подростку подарили на день рождения видеокамеру. Хочет взять в поход — скандал! Пусть снимает на память лишь идиллические семейные торжества. Но подарили-то ему! Взрослых можно понять. Даром, как говорится, с неба ничего не падает. Крайне раздраженная позиция: ничего твоего в доме нет. Когда будешь зарабатывать — тогда и будешь иметь право чем-либо распоряжаться.

Другая история: мать выбросила «хлам» из-под ванной. Второклассник в слезы. В категорию хлама попали сломанные отцовские часы, израсходованные зажигалки, фантики от жвачек и т.п. — все то, что сын хранил в тайном месте в специальной коробочке.

Не воспитываем ли мы изначально неуважение к чужой собственности? Еще совсем недавно собирательный отец — государство — милостиво позволяло нам пользоваться, но ни в коем случае не владеть. И между прочим правильно делало, ибо собственность — синоним независимости. Родителям также трудно примириться с независимостью ребенка, тем более что она эфемерна.

Нельзя порвать, сломать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению.

Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустячки, которые вызывают у нас удивление и жалость; разный

хлам — единственная по-настоящему собственность и богатство — шнурок, коробок, бусинки.

Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением — выпроси или вымани, но только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно. (Возникает печальная аналогия: подруга богача.)

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует. Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадки и усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение: не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама; отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них и судить. Мы его разгадываем моментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, мы обманываемся, видя в ребенке лишь то, что хотим видеть?

· Быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?

Мы опустошаем горы, вырубам деревья, истребляем диких зверей. Там, где раньше были дебри и топи, — все многочисленнее селения. Мы насаждаем человека на новых землях.

Нами покорен мир, нам служат и зверь, и железо; порабощены цветные расы, определены в общих чертах взаимоотношения наций и задобрены массы. Далеко еще до справедливых порядков, больше на свете обид и мытарств.

Несерьезными кажутся ребячьи сомнения и протесты.

Светлый ребячий демократизм не знает иерархии. Прежде времени печалит ребенка пот батрака и голодный ровесник, злая доля Савраски и зарезанной курицы. Близки ему собака и птица, ровня — бабочка и цветок, в камушке и ракушке он видит брата. Чуждый высокомерию выскочки, ребенок не знает, что душа только у человека.

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни.

Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний. А ребенок бегает и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легкомысленно льет слезы и щедро радуется.

Цепен погожий осенний день, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо,

стараться не к чему. Мы поспешно и небрежно отделяемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней и страдает.

С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заявляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависящий — ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все — пренебрежение.

Сопляк, еще ребенок — будущий человек, не сегодняшний. По-настоящему он еще только будет.

В *Поразительным образом все, о чем пишет Я. Корчак, направлено против заботливых, ответственных, во всех отношениях положительных родителей. А ведь сколько сегодня таких, кто совсем не утруждает себя даже минимальной опекой собственного чада. У них дети растут, как сорная трава в поле.*

Соотношение успешных и неуспешных в обеих ситуациях примерно одинаково. Контроль и свобода — всего лишь полюса. По медицинской аналогии, любое лекарство в больших дозах становится ядом. Однако сегодня известно, что в разных частях света одни и те же болезни переносятся по-разному. В нашем Отечестве неизменный талитарный синдром есть не что иное, как подсознательное стремление направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, привлекать, преодолевать.

Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, порвет, сломает, испортит, засунет куда-нибудь, потеряет, подожжет, выпустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать — никаких самостоятельных начинаний — полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха.

Как долго? С какого времени? Всегда. С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьшается, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что не важно. Чужды ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдержи-

вать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать.

Преодолевать капризы, прихоти, упрямство.

Прививать осторожность, осмотрительность, опасение и беспокойство, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф.

Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии — и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хоть не в чем было бы себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он лнет именно к дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку — готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам самим, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает.

«Помни, знай, пойми».

«Сам убедишься, сам увидишь».

Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходки, необъяснимые вспышки?

Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, угаит, а то и вовсе солжет.

Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же — вместе, под одной крышей?

НЕПРИЯЗНЬ

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша утлада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы...

Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок? Откуда неприязнь к любимому ребенку?

На эту тему исписаны тома. Шекспир и Толстой, Достоевский и Бальзак, Фрейд и Фромм...

Я.Корчак раскрывает лишь анатомию этого обычного родительского чувства, его, так сказать, истоки. Физиология и психосоматика пострашнее: закомплексованная мать, ревнующая собственную дочь, отец — не реализовавший себя физик, вымещающий на ребенке собственные неудачи, — «бездарь», «дебил». Классика психоанализа! А между тем в школе этот ребенок переходит из шестого класса сразу в восьмой. Учителя должны были доказывать папе, что его сын архиталанлив. Оскорбления прекратились. Так через сына пришлось осуществлять психотерапию отца! Довольно распространенный ход в современной педагогике, еще раз убеждающей в правоте тезиса Корчака: «Педагогика — наука не о ребенке, а о человеке».

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкрались растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета.

Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, быть может, даже и терпеливо.

А когда наконец он начнет ходить и говорить, — путается под ногами, все хватает, лезет во все щели, основательно-таки мешаает и вносит непорядок — маленький неряха и деспот.

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требует и понимает лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется; мы-то думали — засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой — в пику тому — не спускает и придирается; кроме матери имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблажку одного ребенок отвечает перед другим. Часто за мнимой

добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается от-
ветчиком за чужие вины.

(Девочки и мальчики не любят, когда их называют: дети. Об-
щее с самыми маленькими название заставляет отвечать за дав-
нее прошлое, разделять дурную репутацию малышей, выслуши-
вать многочисленные попреки, к ним, старшим, уже не относя-
щиеся.)

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто
рост его сопровождается чувством разочарования!

— Кажется, ведь уже должен бы...

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стар-
аться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь
отказываться; и прежде всего — испытывать благодарность. И
обязанности, и требования с годами растут, а выполняются чаще
всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Часть идущего на воспитание времени, прав, пожеланий мы
передаем школе. Удваивается бдительность, повышается ответст-
венность, возникают столкновения противоречивых полномо-
чий. Обнаруживаются недостатки.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их выте-
кает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли

В *И вновь психоаналитиче-
ская классика (так называе-
мая рационализация).*

*Ребенок страдал энурезом. Терпеливая работа ква-
лифицированных психотера-
певтов позволила докопаться
до истинных причин болез-
ненного состояния
мальчика. Его родители дав-
но не могут быть близки
(импотенция мужчины). Не
смая признаваться в этом
друг другу, после одно-
единственного казуса, слу-
чившегося с ребенком в ран-
нем детстве, они установи-
ли поочередное ночное де-
журство у постели якобы
страдающего энурезом
мальчика, поднимая его по
ночам в туалет. Результа-
том, естественно, стал на-
вязанный невроз со всеми
вытекающими последст-
виями. Увы! И здесь лечить
пришлось не ребенка, а ро-
дителей.*

вред, искалечив. Порой мать ищет
против чужих обвинений и собст-
венных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает
доверия. Он пристрастен, некомпе-
тентен. Обратимся лучше к мне-
нию опытных воспитателей-специа-
листов: заслуживает ли ребенок на-
шего расположения?

Воспитатель в частном доме ре-
дко находит благоприятные условия
для работы с детьми.

Скованный недоверчивым контр-
ролем, он вынужден лавировать меж-
ду чужими указаниями и своими убе-
ждениями, извне идущим требованием
и своим покоем и удобством. Отве-
чая за вверенного ему ребенка, он
терпит последствия сомнительных
решений законных опекунов и рабо-
тодателей.

Вынужденный утаивать и обхо-
дить трудности, воспитатель легко
может деморализоваться, привыкнув
к двуличию, озлобится и обленится.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагоприятную работу: если Бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки — часто с неудачным результатом — терзают.

Реже мы — советчики, утешители, чаще — суровые судьи. Немедленный приговор и кара дают один результат:

проявления скуки и бунта будут реже, зато сильнее и упорнее. Стало быть, усилить надзор, преодолеть сопротивление, застраховать себя от неожиданностей.

Так катится воспитатель по наклонной плоскости:

пренебрегает, не доверяет, подозревает, следит, ловит, журит, обвиняет и наказывает, ищет приемлемых способов, чтобы не допустить повторения;

все чаще запрещает и беспощаднее принуждает, не хочет видеть стараний ребенка лучше написать страницу или заполнить час жизни; сухо констатирует: плохо.

Редка лазурь прощений, часты багрянцы гнева и возмущения.

Насколько большего понимания требует воспитание группы детей, насколько легче впасть здесь в ошибку обвинений и обид!

Один маленький, слабенький и то утомляет, единичные проступки и то сердят; а как надоедлива, навязчива и неисповедима в своих реакциях толпа!

Поймите же наконец: не дети, а толпа. Масса, банда, свора — не дети.

Ты сжился с мыслью, что ты сильный, и вдруг чувствуешь себя маленьким и слабым. Толпа, этот великан с большим общим весом и суммой громадного опыта, то сплывается в солидарном отпоре, то распадается на десятки пар ног и рук — голов, каждая из которых таит иные мысли и сокровенные желания.

Как трудно бывает новому воспитателю в классе или в интернате, где дети, содержащиеся в строгом повиновении, — обнаглевшие и опустошенные — организовались на основах бандитского насилия! Как сильны они и грозны, когда общими усилиями ударят в твою волю, желая прорвать плотину, — не дети, стихия!

Сколько их, скрытых революций, о которых воспитатель умалчивает; ему стыдно признаться, что он слабее ребенка.

Раз проученный, воспитатель ухватится за любое средство, чтобы подавить, покорить. Никаких фамильярностей, невинных

NB «Но не станем называть добротой беспечность и глупость». Повесил бы как лозунг в каждой учительской!

подкупит особыми правами, подберет себе приспешников, не позаботится о справедливости наказаний, были бы суровы, — в назидание, чтобы вовремя погасить первую искру бунта, чтобы толпа-богатырь даже мысленно не отваживалась разгуляться или ставить требования.

Слабость ребенка может пробуждать нежность, сила ребячьей массы возмущает и оскорбляет.

Существует ложное обвинение, что от дружеского обращения ребята наглеют и ответом на доброту будут недисциплинированность и беспорядки.

NB Кропотливо организовать жизнь коллектива. — Ключевое слово «кропотливо». Черновая, ежедневная многотрудная работа, не терпящая пренебрежения к мелочам, — существенное препятствие на пути молодого учителя, настроенного на педагогический альтруизм и быструю отдачу. Благие намерения при отсутствии профессионализма быстро выстилают дорогу в педагогический ад.

Три его круга хорошо известны: 1. Вселенская скорбь как результат мнимого оскорбления в лучших чувствах: «Я к ним со всей душой, а они...». 2. Подсказки более «опытных» коллег быть пожестче, держать дистанцию. 3. Переход к репрессивной педагогике.

шуток; никаких бурчаний в ответ, передергиваний плечами, жестов досады, упрямого молчания, гневных взглядов! Вырвать с корнем, мстительно выжечь пренебрежение и злобную строптивость! Вожаков он

Но не станем называть добротой беспечность, неумение и беспомощную глупость. Кроме продувных хапуг и мизантропов, среди воспитателей встречаются люди никчемные, не удержавшиеся ни на одной работе, не способные ни к какому ответственному посту.

Бывает, учитель заигрывает с детьми, хочет быстро, дешево, без труда вкратце в доверие. Хочет порезвиться, если в хорошем настроении, а не кропотливо организовывать жизнь коллектива. Подчас эти барские поблажки перемежаются с приступами дурного настроения. Такой учитель делает себя посмешищем в глазах детей.

Бывает, честолюбцу кажется, что легко переделать человека, убеждая и ласково наставляя: стоит лишь растрогать и выманить обещание исправиться. Такой учитель раздражает и надоедает.

Бывает, напоказ — друзья, на словах — союзники, на деле — коварнейшие враги и обидчики. Такие

учителя вызывают отвращение.

Ответом на третирование будет пренебрежение, на дружелюбие — неприязнь, бунт, на недоверие — конспирация.

*

AB Символ педагогической веры зрелого воспитателя. Для многих значительных педагогов прошлого характерно это стремление противопоставить хаосу и несовершенству бытия гармонию детства. Не оно ли толкало Я.Корчака разыгрывать спектакль с детьми в гетто, а чешскую учительницу Ф.Брандесову обучать детей рисованию и устраивать их выставки в концлагере, на пороге смертного часа?

Или это было стремление скрасить последние дни? И это тоже, но не только. Для этического подвига подобного масштаба нужны мощные побудительные силы. Нет нужды доказывать этот извечный мотив всякого творчества. Разница лишь в том, что художник стремится явить миру гармонию эстетическую, а педагог — этическую (красоту взаимоотношений). Таким образом, разница между художественным и педагогическим творчеством лишь в соотношении двух начал — эстетического и этического. Художник не без основания боится прямой дидактики, она, как правило, убивает красоту, которая самим фактом своего совершенства отрицает безобразное в любом его проявлении. Именно в этом контексте мы понимаем известную мысль Ф.М.Достоевского: «Красота спасет мир».

Педагог же прежде всего стремится, насколько это возможно, к созданию гармонии взаимоотношений. Именно в ней видит он красоту. Пользуясь тем, что ребенок, как говорили встарь, существует полубожественное, т.е. не отравленное миазмами ненависти, учитель, в пастырском смысле этого слова, стремится сохранить добросердечие, помогая на этом пути своим воспитанникам. Сам греясь от огня, поддерживаемого совместными усилиями, он испытывает невыразимое творческое наслаждение, ибо результаты осязаемы, признание непосредственно. Тем временем мир вступает в свои права, и созданная гармония исчезает, оставляя смутную надежду, что пройденный путь был бесполезен.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — еще один объединяющий художника и педагога трагический мотив.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надежный — и подведет? Отчего — правда, редко, но бывают — внезапные взрывы массовой недисциплинированности всей группы? Может, и взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них полагаться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

1. Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особо ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение: одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению — до поры до времени.

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

NB Любителям выводить ребенка «на чистую воду», вскрывать нарывы, срывать покров! Тактично остановиться перед внезапно открывшейся дверью, сдерживать праведное стремление произвести «зачистку» (печальный термин наших дней) души ребенка — по видимому, это и есть педагогическая зрелость.

«Я тебя насквозь вижу», — часто говорит учитель. Едва ли ему самому было бы приятно под лучом такого рентгена. Между тем дети часто не уступают педагогу в проницательности, читая его как открытую книгу. «Что вы так шестерите перед директором?» — бросает пятиклассник молодой учительнице. С его стороны такая выходка расценивается как хамская. А с нашей? Хотя часто различия лишь в лексике, а не в сути разоблачительного пафоса.

2. Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят: и он, и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось, а они ждут, какой им будет прок от этих богатств уже теперь: поделится ли ребенок, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать — гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит — «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели.

Я нашел объяснение в книжке о дрессировке зверей — и не скрываю источника. Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев...

NB В последнее время такой полидисциплинарный подход завоевывает все больше сторонников.

А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять — тем более бурная реакция ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает мораль!

Решение надо искать не столько в психологии, сколько — и это чаще — в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке. Ars longa*

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) объяснения. Ребенок может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка. Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция — смущение, неприятный осадок и изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это явное опьянение детей вызывает чувство растроганности и уважения, не отдаляет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Под угрозой высочайшей обиды оберегаем тайны господствующего класса, касты избранных и приобщенных к высшим таинствам. Обнажать бесстыдно и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

В *Сегодня в российской педагогике этот карточный фокус не проходит, ибо почти все покровы оказались сорваны, вечная проблема отцов и детей обернулась проблемой блудных отцов, промотавших наследство. Эпоха перемен обнажила трагическое несовершенство взрослых, их преступления перестали быть тайными.*

Мы играем с детьми краплеными картами: слабости детского возраста бьем тузами достоинств взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрызг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Сколько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики-жертвы!

И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и сумасшедшими домами!

Мы велим уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ребят есть и более близкое им начальство — подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достается). Эти немногочисленные возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы: держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, что значит грубо.

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолюбливая, не заботимся о них; без участия знатоков нам не справиться; а знатоки — это сами дети.

Неужели мы столь не критичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно пречемся в его объятия, ищем защиты и прибежи-

ща в часы бездомной боли, бесхозной покинутости — слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка — не бегства к ребенку и не мольбы о надежде — это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам. Эгоизм, а не расположение.

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ

Есть как бы две жизни: одна — важная и почтенная, а другая — снисходительно нами допускаемая, менее ценная. Мы говорим: будущий человек, будущий работник, будущий гражданин. Что они еще только будут, что потом начнут по-настоящему, что всерьез это лишь в будущем. А пока милостиво позволяем им пугаться под ногами, но удобнее нам без них.

Нет! Дети были, и дети будут. Дети не захватили нас врасплох и ненадолго. Дети — не мимоходом встреченный знакомый, которого можно наспех обойти, отделавшись улыбкой и поклоном.

Дети составляют большой процент человечества, населения, нации, жителей, сограждан — они наши верные друзья. Есть, были и будут.

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст — долгие, важные годы в жизни человека.

Жестокие законы Древней Греции и Рима позволяют убить ребенка. В средние века рыбаки вылавливают из рек неводом тела утопленных младенцев. В XVII веке в Париже детей постарше продают нищим, а малышей у собора Парижской Богоматери раздают даром. Это еще очень недавно! И по сей день ребенка бросают, когда он помеха.

Растет число внебрачных, подкинутых, беспризорных, эксплуатируемых, развращаемых, истязуемых детей. Закон защищает их, но в достаточной ли мере? Много изменилось на свете; старые законы требуют пересмотра.

Мы разбогатели. Мы пользуемся уже плодами не только своего труда. Мы наследники, акционеры, совладельцы громадного состояния. Сколько у нас городов, зданий, фабрик, копей, гостиниц, театров! Сколько на рынках товаров, сколько кораблей их перевозит. Налетают потребители и просят продать.

Подведем баланс, сколько из общей суммы причитается ребенку, сколько падает на его долю не из милости, не как подавание. Проверим на совесть, сколько мы выделяем в пользование ребячьему народу, малорослой нации, закрепощенному классу. Чему равно наследство и каким обязан быть дележ; не лишили ли мы, нечестные опекуны, детей их законной доли — не экспроприровали ли?

Тесно детям, душно, скучно, бедная у них, суровая жизнь.

Мы ввели всеобщее обучение, принудительную умственную работу; существует запись и школьная рекрутчина. Мы взвалили на ребенка труд согласования противоположных интересов двух параллельных авторитетов.

Школа требует, а родители дают неохотно. Конфликты между семьей и школой ложатся всей тяжестью на ребенка. Родители солидаризируются с не всегда справедливыми обвинениями ребенка школой, чтобы избавиться себя от навязываемой ею над ним опеки.

Солдатская учеба тоже лишь подготовка ко дню, когда призовут солдата к подвигу; но ведь государство солдата обеспечивает всем. Государство дает ему крышу над головой и пищу; мундир, карабин и денежное довольствие являются правом его, не милостыней.

А ребенок, подлежа обязательному всеобщему обучению, должен просить подавания у родителей или общины.

Женевские законодатели спутали обязанности и права; тон декларации* не требование, а увещание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок — существо разумное, он хорошо знает потребности, трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь!

Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, не критичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессивней язвительной седовласой глупости.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы — не иначе, — он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок — иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно — попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не доброжелательно осведомляем, а грыземся и лаемся с детьми — отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку — а значит, боль.

Клякса в тетрадке — это несчастный случай, неприятность, неудача.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит: Ничего, а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шуточные замечания, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил».

(Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.)

Слезы упрямства и каприза — это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда — страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет! Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

А что делать, когда нужно и шапку, и книжку, и на кино; тетрадку, если она исписалась, и карандаш, если его взяли или потерялся; а ведь хотелось бы и дать что-либо на память близкому другу, и купить пирожное, и одолжить соученику. Столько существенных нужд, желаний и искушений — и нет!

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя — и наказания не помогут. Собственность ребенка — это не хлам, а нищенски убогие материал и орудие труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Ребенок растет. Интенсивнее жизнь, чаще дыхание, живет пульс, ребенок строит себя — его все больше и больше; глубже вращается в жизнь. Растет днем и ночью, и когда спит и когда бодрствует, и когда весел и когда печален, когда шалит и когда стоит перед тобой и кается.

Бывают весны удвоенного труда развития и затишье осени. Вот разрастается костяк, и сердце не поспекает: то недостаток, то

избыток; иной химизм угасающих и развивающихся желез, иные неожиданности и беспокойство.

NB *В то же самое время Л.С.Выготский писал о закономерном развитии ребенка через кризисы, подчеркивая их продуктивное значение, говорил о метаморфозах роста.*

То ему надо бегать — так как дышать, — бороться, поднимать тяжести, добывать; то затаиться, грезить, предаться грустным воспоминаниям. Попеременно то закалка, то жажда покоя, тепла и удобства. То сильное стремление действовать, то апатия. Усталость, недомогание (боль, простуда), жарко, холодно, сонли-

вость, голод, жажда, недостаток чего-либо или избыток, плохое самочувствие — все это не каприз и не школьная отговорка.

Уважайте тайны и отклонения тяжелой работы роста!

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной, ответственной жизнью?

Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать.

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раненная — станет кровоточить, убитая — тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь — это хород умиравших и вновь рождающихся мгновений. Год — это лишь попытка понять вечность по-будничному. Мир длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дождется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека.

Мы неумело делим годы на более зрелые и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Играю ли я или говорю с ребенком — переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на мгновение встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли, мы опять вместе, и только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отрекаться во имя завтра? А чем оно так заманчиво? Мы

всегда расписываем его слишком яркими красками. Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного внимания фундаменту здания.

NB *Я.Корчак вновь и вновь педантирует эту самоочевидную, но так трудно признаваемую истину.*

ПРАВО РЕБЕНКА БЫТЬ ТЕМ, ЧТО ОН ЕСТЬ

— Что из него будет, кем вырастет? — спрашиваем мы себя с беспокойством.

Хотим, чтобы дети были лучше нас. Грезится нам совершенный человек будущего.

Надо бдительно ловить себя на лжи, клеймя одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу — грубое мошенничество.

Мы объяснились с собой и примирились, простили себя и освободили от обязанности исправляться. Плохо нас воспитали. Но поздно! Пороки и недостатки уже укоренились. Не позволяем критиковать нас детям и не контролируем себя сами.

Отпустили себе грехи и отказались от борьбы с собой, взвалив эту тяжесть на детей.

Воспитатель поспешно осваивает особые права взрослых: смотреть не за собой, а за детьми, регистрировать не свои, а детские вины.

А вина ребенка — это все, что метит в наш покой, в самолюбие и удобство, восстанавливает против себя и сердит, бьет по привычкам, поглощает время и мысли. Мы не признаем упущений без злой воли.

Ребенок не знает, не расслышал, не понял, прослушал, ошибся, не сумел, не может — все это его вина. Невезение или плохое самочувствие, каждая трудность — это вина и злая воля.

Недостаточно быстро или слишком быстро и потому недостаточно исправно выполненная работа — вина: небрежность, лень, рассеянность, нежелание работать.

Невыполнение оскорбительного и невыполнимого требования — вина. И наше поспешное злое подозрение — тоже его вина. Вина ребенка — наши страхи и подозрения и даже его старание исправиться.

«Вот видишь, когда ты хочешь, ты можешь».

Мы всегда найдем в чем упрекнуть и алчно требуем все больше и больше.

Уступаем ли мы тактично, избегаем ли ненужных трений, облегчаем ли совместную жизнь? Не мы ли сами упрямы, привередливы, задиристы и капризны?

Ребенок привлекает наше внимание, когда мешает и вносит смуту; мы замечаем и помним только эти моменты. И не видим, когда он спокоен, серьезен, сосредоточен. Недооцениваем безгрешные минуты беседы с собой, миром, Богом. Ребенок вынужден скрывать свою тоску и внутренние порывы от насмешек и резких замечаний; утаивает желание объясниться, не выскажет и решения исправиться.

Не бросит пронизательного взгляда, затаит в себе удивление, тревогу, скорбь, гнев, бунт. Мы хотим, чтобы он подпрыгивал и хлопал в ладоши — он и показывает ухмыляющееся лицо шута.

Громко говорят о себе плохие поступки и плохие дети, заглушая шепот добра, но добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в высматривании зла, в расследовании, в вынюхивании, в отслеживании, в преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и в оскорбительных подозрениях.

(Разве мы приглаждаем за стариками, чтобы не играли в футбол? Какая мерзость — упорное отслеживание у детей онанизма.)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо постлана, одно пальто запропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж во всяком случае ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Мы слышим жалобы и споры, но насколько больше прощений, уступок, помощи, заботы, услуг, уроков, глубоких и красивых влияний! Даже задиры и злюки не только заставляют лить слезы, но и расцветать улыбки.

Ленивые, мы хотим, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитай) не было ни одной трудной.

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и, сверх того, по нашему усмотрению и образцу.

Найдешь ли в истории пример подобной тирании? Поколение Неронов расплодилось. Кроме здоровья, бывают и недомогания, кроме достоинств и положительных качеств — недостатки и пороки.

Кроме небольшого числа детей, растущих в обстановке веселья и празднеств, для кого жизнь — сказка и величавая легенда, доверчивых и добродушных, существует основная масса детей, кому с юных лет мир жестко и без прикрас гласит суровые истины.

Испорченные презрительным помыканием некультурности и бедности или чувственно-ласковым пренебрежением пресыщенности и лоска...

Испачканные, недоверчивые, восстановленные против людей, не плохие.

Для ребенка пример не только дом, но и коридор, двор, улица. Ребенок говорит языком окружающих — высказывает их взгляды, повторяет их жесты, подражает их поступкам. Мы не знаем чистого ребенка — каждый в той или иной степени загрязнен.

О, как он быстро высвобождается и очищается! От этого не лечат, это сменяют; ребенок рад, что нашел себя, и охотно помогает. Стосковался по бане и улыбается тебе и себе.

Такие наивные триумфы из повести о сиротках одерживает каждый воспитатель; случаи эти сбивают с толку некритически мыслящих моралистов, что, мол, легко. Халтурщик рад-радешенек, честолюбивый приписывает заслугу себе, а деспота сердит, что так выходит не всегда; одни хотят всюду добиться подобных результатов, увеличивая дозу убеждения, другие — нажима.

Кроме детей лишь загрязненных встречаются и с ушибами и ранами; колотые раны не оставляют шрамов и сами затягиваются под чистой повязкой; чтобы зажили рваные раны, приходится дольше ждать, остаются болезненные рубцы; их нельзя задевать. Коросты и язвы требуют большего старания и терпения.

Говорят: тело заживает; хотелось бы добавить: и душа.

Сколько мелких ссадин и инфекций в школе и интернате, сколько соблазнов и неотвязных нашептываний; а как мимолетно и невинно их действие! Не будем опасаться грозных эпидемий там, где атмосфера интерната здоровая, где много кислорода и света.

Как мудр, постепенен и чудесен процесс выздоровления! Сколько в крови, соках, тканях важных тайн! Как каждая нарушенная функция и затронутый орган стараются восстановиться равновесие и справиться со своим заданием! Сколько чудес в росте растения и человека — в сердце, в мозгу, в дыхании! Самое маленькое волнение или напряжение — и уже сильнее трепыхается сердце, уже чаще пульс.

Так же силен и стоек дух ребенка. Существует моральная устойчивость и чуткая совесть. Неправда, что дети легко заражаются.

И верно, поздно, к сожалению.

NB *После шестидесятилетнего перерыва мы реанимируем медико-педагогические, если угодно, педологические подходы, более внимательно относимся к диагностике девиантного (отклоняющегося) поведения детей, принимая во внимание весь букет причин: от психосоматических до социальных.*

попала педология в школьные программы. Нельзя проникнуться уважением к таинству исправления, не понять гармонии тела.

Халтурный диагноз валит в одну кучу детей подвижных, самолюбивых, с критическим направлением ума, всех неудобных, но здоровых и чистых — вместе с обиженными, надутыми, недоверчивыми — загрязненными, искушенными, легкомысленными, послушно следующими

дурным примерам. Незрелый, небрежный, поверхностный взгляд смешивает, путает их с редко встречающимися преступными, отягощенными дурными задатками детьми.

(Мы, взрослые, не только сумели обезвредить пасынков судьбы, но и умело пользуемся трудом отверженных.)

Вынужденные жить вместе с ними, здоровые дети вдвойне страдают: их обижают и втягивают в преступления.

Ну, а мы? Не обвиняем ли легкомысленно всех ребят огулом, не навязываем ли солидарную ответственность?

«Вот они какие, вот на что они способны».

Наитягчайшая, пожалуй, несправедливость.

Потомство пьянства, насилия и исступления. Проступки — эхо не внешнего, а внутреннего наказания. Черные минуты, когда ребенок понял, что он иной, что ничего не поделаешь, он — калека и его предадут анафеме и затравят. Первое решение — бо-

роться с силой, которая диктует ему дурные поступки. Что другим далось даром, так легко, что в других пустяк и повседневность — погожие дни душевного равновесия, — он получает в награду за кровавый поединок с самим собой. Он ищет помощи и, если доверится, льнет к тебе, просит, требует: «Спасите!» Проведал о тайне и жаждет исправиться раз и навсегда, сразу, одним усилием.

Вместо того чтобы благоразумно сдерживать легкомысленный порыв, отдавать решение исправиться, мы неуклюже поощряем и ускоряем. Ребенок хочет высвободиться, а мы стараемся уловить в сети; он хочет вырваться, а мы готовим коварные силки. Дети жаждут явно и прямо, а мы учим только скрывать. Дети дарят нам день, целый, долгий и без изъяна, а мы отвергаем его за одно дурное мгновение. Стоит ли это делать?

Ребенок мочился под себя ежедневно, теперь реже, было лучше, опять ухудшение — не беда! Дольше перерывы между приступами у эпилептика. Реже кашляет, спала температура у больного туберкулезом. Еще и не лучше, но нет ухудшения. И это врач ставит в плюс лечению. Здесь ничего не выманишь и не заставишь.

Отчаявшиеся, полные бунта и презрения к покорному, лестиному братству добродетели, стоят ребята перед воспитателем, сохранив, быть может, единственную и последнюю святыню — нелюбовь к лицемерию. И эту святыню мы хотим повалить и исполосовать! Мы совершаем кровавое преступление, обрушивая на ребят голод и пытки, и зверски подавляем не сам бунт, а его неприкрытость, легкомысленно раскаляя добела ненависть к коварству и к ханжеству.

NB *«Понять сердцем их обиду на гладкую добродетель...» — Я. Корчак очень точен. Когда подросток в разладе с собой и с миром, все гармоничное в этическом и эстетическом плане вызывает раздражение и даже ненависть. Психологический ход здесь примерно следующий: раз мне плохо — этого не может и не должно быть («врите вы все»). Не в этом ли причина в том числе и подростково-го бытового вандализма?*

Несколько лет назад в Москве подросток разбил молотом скульптуры, установленные неподалеку от французского посольства. Когда злоумышленника задержали, он даже не смог объяснить, зачем это сделал.

Дети не отказываются от плана мести, а откладывают, поджидая удобного случая. И если они верят в добро — затают в глубине души эту тоску по добру.

— Зачем вы родили меня? Кто просил у вас эту собачью жизнь?

Перехожу к раскрытию сокровеннейших тайн, к труднейшему разъяснению. Для нарушений и упущений достаточно терпеливой и дружеской снисходительности; преступным детям необходима любовь. Их гневный бунт справедлив. Надо понять сердцем их обиду на гладкую добродетель и заключить союз с одиноким заклеянным проступком. Когда же, как не сейчас, одарить его цветком улыбки?

В исправительных домах — еще инквизиция, пытки средневековых

наказаний, солидарная ожесточенность и мстительность узаконенных гонений. Разве вы не видите, что самым хорошим ребятам жаль этих самых плохих: чем они виноваты?

*

Недавно смиренный врач послушно подавал больным сладкие сиропы и горькие микстуры; связывал горячечных больных, пускал кровь и морил голодом в мрачных преддвериях кладбища. Безучастный к бедноте, угождал имущим.

Но вот он стал требовать — и получил.

Врач* завоевал детям пространство и солнце, как, к нашему стыду, генерал* дал ребенку движение, веселое приключение, радость товарищеской услуги, наказ честно жить в беседах у лагерного костра под усеянным звездами небом.

А какова роль наших воспитателей? Каков их участок работы?

Страж стен и мебели, тишины во дворе, чистоты ушей и пола; пастух, который следит, чтобы скот не лез в поправу, не мешал работе и веселому отдыху взрослых; хранитель рваных штанов и башмаков и скупой раздатчик каши. Страж льгот взрослых и ленивый исполнитель их дилетантских капризов.

Ларек со страхами и предостережениями, лоток с моральным бараклом, продажа на вынос денатурированного знания, которое лишает смелости, запутывает и усыпляет, вместо того чтобы пробуждать, оживлять и радовать. Агенты дешевой добродетели, мы должны навязывать детям почитание и покорность и помогать взрослым расчувствоваться и приятно поволноваться. За жалкие гроши созидать солидное будущее, обманывать и утаивать, что дети — это масса, воля, сила и право.

Врач вырвал ребенка из пасти у смерти, задача воспитателей дать ему жить, завоевать для него право быть ребенком.

Исследователи решили, что человек зрелый руководствуется серьезными побуждениями, ребенок — импульсивен; взрослый — логичен, ребенок во власти прихоти воображения; у взрослого есть характер и определенный моральный облик, ребенок запутался в хаосе инстинктов и желаний. Ребенка изучают не как отличающуюся, а как низшую, более слабую и бедную психическую организацию. Будто все взрослые — ученые-профессора.

А взрослый — это сплошной винегрет, захолустье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала и до конца, безответственна! Беспечность, лень, тупое упорство, недомыслие, нелепости, безумство и пьяные выходы взрослых...

...И детская серьезность, рассудительность и уравновешенность, солидные обязательства, опыт в своей области, капитал верных суждений и оценок, полная такта умеренность требований, тонкость чувств, безошибочное чувство справедливости.

Каждый ли из нас обыграет ребенка в шахматы?

Давайте требовать уважения к ясным глазам, гладкой коже, юному усилию и доверчивости. Чем же почтеннее угасший взор, покрытый морщинами лоб, жесткие седины и согбенная покорность судьбе?

Восход и закат солнца. Утренняя и вечерняя молитва. И вдох, и выдох, и сокращение, и расслабление сердца.

Солдат все солдат — и когда идет в бой, и когда возвращается, покрытый пылью.

В *Едва ли не самое сильное качество Я.Корчака — педагогический реализм, отнюдь не снимающий романтически приподнятое отношение к своей педагогической миссии.*

Растет новое поколение, вздымается новая волна. Идут и с недостатками, и с достоинствами; дайте условия, чтобы дети вырастали более хорошими! Нам не выиграть тяжбы с гробом нездоровой наследственности, ведь не скажем мы василькам, чтобы стали хлебами.

Мы не волшебники — и не хотим быть шарлатанами. Отрекаемся от лицемерной тоски по совершенным детям.

Требуем: устраните голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение!

Это вы плодите больных и калек, вы создаете условия для бунта и инфекции: ваше легкомыслие и отсутствие согласия.

Внимание: современную жизнь формирует грубый хищник, homo гарах: это он диктует методы действий. Ложь — его уступки слабым, фальшь — почет старцу, равноправие женщины и любовь к ребенку. Скитается по белу свету бездомная Золушка — чувство. А ведь именно дети — князя чувств, поэты и мыслители.

Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное святое детство!

Воспитатель, которого от грязных ребячьих ног тошнит, который не выносит неприятных запахов и теряет на целый день душевный покой, если — о ужас! — найдет вошь на своем пальто, — пусть идет как можно скорее работать в лавку, контору, куда хочет, только пускай больше не остается в народной школе и интернате, потому что нет ничего унижительнее, чем зарабатывать на хлеб с отвращением.

— Я хороший воспитатель, а грязь ненавижу, — говоришь ты, пожимая плечами.

Лжешь: он у тебя во рту, в легких, в крови — воздух, который испортили дети.

Меня, к счастью, от этого смертного греха воспитателей избавила раз и навсегда моя врачебная практика. «Фи» для меня не существует. Быть может, именно потому мои воспитанники любят чистоту.

КАК ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА

В

«Неужели вы собираетесь комментировать «Как любить ребенка»? Но там же все правильно и банально», — бросила мне одна известная педагогическая дама, чем, откровенно говоря, задела за живое и еще более раззадорила.

И все же, перечитывая в который раз знакомый текст, приходишь к выводу, что тут особый случай. И если, комментируя труд Л.С.Выготского, я радовался возможности не писать вступительную статью, а, используя особый жанр заметок на полях, втянуть Л.С.Выготского в разговор о наших сегодняшних научно-педагогических проблемах, то на этот раз хотелось бы воспользоваться правом первого читателя для того, чтобы подчеркнуть наиболее близкие мысли, сознательно замедлить чтение строк как будто бы хрестоматийных, но на каждом историко-педагогическом этапе требующих нового осмысления.

РЕБЕНОК В СЕМЬЕ

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении.

И отвечаю:

— Не знаю.

В

Информационному Молоду принесено достаточно жертв. От скорочтения к файлам, от файлов к клипам, от клипов к мультимедиа. На симфонических концертах уже сидят с сотнями телефонами. Не сетую на новые, в том числе и педагогические реалии, связанные с так называемым информационным взрывом, отметим для себя, что взрыв этот должен быть по воз-

Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь раздумывать, книга достигла цели. Если же, быстро листая страницы, ты станешь искать предписания и рецепты, досадуя, что их мало, знай: если и есть тут советы и указания, это вышло не помимо, а вопреки воле автора.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю — «могут», а не «хотят», а не «обязаны».

возможности управляемым, а значит, не слишком далеко отбрасывать нас от вечных тем и сюжетов. В том числе и от педагогических. Книга Я. Корчака «Как любить ребенка» как раз требует навыка медленного чтения и не нуждается в посредниках, ибо, как замечает автор, «есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные».

Старый доктор не зря исповедовал китайскую мудрость, которая гласит: «Чтение рецептов никого не излечит».

Назвав Я. Корчака старым доктором, а именно так он именовал себя в популярных в предвоенной Польше радиопередачах («Беседы старого доктора»), я поймал себя на мысли, что невольно сдвигаю временные рамки, искажаю историческую перспективу и тем самым потворствую миротворчеству. Жизнь и судьба, особенно трагический финал сделали Я. Корчака объектом культурной канонизации. «Но миф никогда не должен заслонять человека», — говорит профессор А. Левин, работавший до войны вместе с Я. Корчаком. В начале 80-х, вскоре после введения в Польше военного положения и запрещения «Солидарности», мы сидим с Александром Левиным в кабинете Корчака в одном из его детских домов на Крахмальной. И профессор, указывая на известную всему миру фотографию, где печальный Корчак, прикрыв глаза, положил руку на плечо ребенка, продолжает: «Я присутствовал при съемке. В этот момент Корчак весело играл с детьми в жмурки». Старый добрый сказочник-доктор, почти Айболит — не более чем святочный образ. Книгу «Как любить ребенка» создавал вполне молодой (до сорока) военврач: «Я написал эту книгу в полевом госпитале под грохот пушек, во время войны, одной терпимости было мало» (с. 108).

Упругие, подчас жесткие строки клинициста, не привыкшего выдавать желаемое за действительное.

Одной терпимости в педагогике (как и в медицине) действительно мало. Нужен мужественный, непредвзятый взгляд на вещи. Кто-то искушенный обронил ненароком: «Все значительные педагоги прошлого и настоящего — большие сказочники». Талантливо описывая свой опыт, они невольно приукрашивают картину, достраивая в своем воображении недостающие в реальности детали, спрямляют углы, подобно детям, начинают добросовестно верить в созданные воображением миражи. Меньше всего к педагогическим фантастам можно отнести Я. Корчака. Он — талантливый детский писатель и сказочник — как никто другой умел разводить художественное и педагогическое творчество.

В «не знаю» для науки — первозданный хаос, рождение новых мыслей, все более близких истине. В «не знаю» для ума, неискушенного в научном мышлении, — мучительная пуста.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое «не знаю» современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственно зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что лишь как мать она созревает духовно. Да, ма-

теринство ставит огненными буквами вопросы, охватывающие все стороны внешнего и внутреннего мира, но их можно и не заметить, трусливо отодвинуть в далекое будущее или возмущаться, что нельзя купить их решение.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или повлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скупым или немилым ласкам супруга, а потом, чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

2. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда тебе и говорить это, как не во время беременности?

Биение крохотного, словно персиковая косточка, сердца — эхо твоего пульса. Твое дыхание несет кислород и ему. Одна кровь течет и в нем, и в тебе — и ни единая алая капля крови еще не знает, останется она твоей или его или прольется и умрет, как дань, взимаемая таинством зачатия и родов. Кусок хлеба, который ты жуешь, — материал ему на созидание ножек, на которые он встанет и побежит, кожицы, которая их покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхнет мысль, ручонки, которыми он к тебе потянется и, улыбаясь, назовет: «мама».

Вместе вам переживать решающий момент; сообща станете испытывать общую боль. Но пробьет час — знак:

— Готов.

И одновременно он, ребенок, скажет: «Хочу жить своей жизнью», а ты, мать, скажешь: «Живи теперь своей жизнью».

Сильными спазмами ты станешь его выталкивать из своего чрева, не считаясь с его болью; мощно и решительно он станет пробиваться, не считаясь с твоей болью.

Зверский акт.

Нет — и ты, и он подвластны сотне тысяч неуловимых, легких и дивно точных импульсов, дабы, забирая свою долю жизни, вы не взяли больше, чем принадлежит вам по праву, всеобщему и извечному.

«Мой ребенок».

Нет, даже в долгие месяцы тягости и часы родов ребенок не твой.

<...>

4. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это ребенок общий, матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то отдельное «я», спавшее в веренице предков, — голос истлевшей, давно забытой гробницы вдруг заговорил в твоём ребенке.

Три сотни лет тому назад, в военное или в мирное время, кто-то овладел кем-то (в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов) с согласия или насильно, в минуту ужаса или любовной истомы — изменил или соблазнил. Никто не знает, кто и где, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он в доме родителей — подкидыш. Да: тот, кто породил его, умер столетия назад.

Ребенок — это пергамент, сплошь покрытый иероглифами, лишь часть которых ты сумеешь прочесть, а некоторые сможешь стереть или только перечеркнуть и вложить свое содержание.

Страшный закон? Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он видит первое звено бессмертной цепи поколений. Поищи в своём чужом ребенке эту дремлющую свою частицу. Быть может, и разгадаешь, быть может, даже и разовьешь.

Ребенок и беспредельность.

Ребенок и вечность.

Ребенок — пылинка в пространстве.

Ребенок — момент во времени.

5. Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И выбираешь для него, каким должен стать, — жизнь, какую желала бы.

Ничего, что кругом скудость и заурядность. Ничего, что кругом серость.

Люди суетятся, хлопочут, стараются — мелкие заботы, тусклые стремления, низменные цели...

Несбывшиеся надежды, мучительные сожаления, вечная тоска. Всюду несправедливость.

Цепенеешь от бездушия, задыхаешься от лицемерия.

Имеющее клыки и когти нападает, тихое уходит в себя.

И не только страдают люди, а и марают душу...

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым? Или только счастливым?

Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь? Да и есть ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над пенным потоком жизни... Как придать прочность крыльям, не снижая полета, закалять, не утомляя?

Собственным примером, помогая советами, словом и делом?

А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты — к прошлому. У тебя воспоминания и привычки, у него поиски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

Юность, если она не глумится, не проклиняет, не презирает, всегда стремится переделать несовершенное прошлое.

Так и должно быть. И все ж...

Пусть ищет; лишь бы не плутал, пусть взбирается, лишь бы не сорвался, пусть искореняет, лишь бы не разбил в кровь руки, пусть борется, только осторожно-осторожно.

Скажет:

— Я другого мнения. Довольно опеки.

— Значит, не доверяешь?

— Не нужна я тебе?

— Тяготишься моей любовью?

— Неосмотрительное мое дитя, не знаешь ты жизни, бедное, неблагодарное!

6. Неблагодарное.

Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, тщательно записывая и высчитывая проценты?

Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

«Мать-ворона мечется, как безумная, почти садится на плечи парнишке, цепляется клювом за его палку и, повиснув над ним, точно молотом бьет головой по стволу, отгрызая небольшие веточки, и каркает хриплым, натужным, сухим голосом отчаяния. А когда мальчик сбросит птенца, она кидается наземь и, волоча крылья, раскрывает клюв, хочет закаркать — голоса нет — так она машет крыльями и скачет — смешная, ошалевшая — в ноги парнишке. Когда же перебьют всех ее детей, мать-ворона взлетает на дерево, забирается в пустое гнездо и, кружа по нему, все думает» (Жеромский)*.

Материнская любовь — стихия. Люди ее переделали на свой лад. Весь цивилизованный мир, за исключением народных масс, которых не коснулась культура, занимается детоубийством. Супруги, у которых двое детей, хотя могло быть двенадцать, — убийцы десятерых неродившихся, а среди них был один, именно он — «их ребенок». Быть может, среди нерожденных они убили самого ценного.

Так что же делать?

Воспитывать не этих детей, которые не родились, а этих, которые рождаются и будут жить.

<...>

7. Здоров ли?

Еще так странно, что он уже больше не она сама. Еще недавно в их двойной жизни боязнь за ребенка была частицей боязни за саму себя.

Она так желала, чтобы это уже кончилось, так сильно хотела, чтобы эта минута уже была позади. Думала, будет свободна от забот и тревог.

А сейчас?

Странная вещь: раньше ребенок был ей ближе, более свой, в его безопасности она была больше уверена, лучше его понимала. Думала, что она знает, сумеет... С момента, когда забота о нем перешла в чужие руки, опытные, оплачиваемые и уверенные, мать — одинокая, отодвинутая на задний план, — испытывает беспокойство.

Мир его уже у нее отнимает.

И в долгие часы вынужденного бездействия мать спрашивает себя: что я ему дала, чем наделила, чем наградила?

Здоровый? Так почему плачет?

Почему худенький, плохо сосет, не спит, спит так много, отчего у него такая большая головка, ножки скрючены, стиснуты кулачки, красная кожица, белые прыщики на носу, косят глазки, почему он икает, чихнул, давится, охрип?

Так и должно быть? А может, ее обманывают?

И она смотрит на это маленькое, беспомощное существо, не похожее ни на одно из точно таких же маленьких и беспомощных существ, которые она видела на улице или в парке.

Неужели и он через три-четыре месяца?..

А может, они ошибаются?

Может, проглядели?

Мать с недоверием слушает врача, изучая его взглядом; она желает понять по глазам, пожатию плечами, поднятой брови, нахмуренному лбу: говорит ли он правду и достаточно ли сосредоточен.

8. «Красив ли? А мне все равно». Так говорят неискренние матери, желая подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, грация, приятный голос — капитал, переданный тобой ребенку; как ум и как здоровье, он облегчает жизненный путь. Но не следует переоценивать красоту: не подкрепленная другими достоинствами, она может принести вред. (И тем более требует зоркой мысли.)

Красивого ребенка надо воспитывать иначе, чем некрасивого. А раз воспитания без участия в нем самого ребенка не существует, не надо стыдливо утаивать от детей значения красоты, ибо это-то и портит.

Это псевдопрезрение к человеческой красоте — пережиток средневековья. Человеку, чуткому к прелести цветка, бабочки, пейзажа, — как остаться равнодушным к красе человека?

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему не скажет об этом никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду — восклицанием, улыбкой, взглядом,

взрослые или ровесники. Скажет злая доля детей некрасивых и безобразных. И ребенок поймет, что красота дает особые права, как понимает, что это его рука и она ему служит.

Как слабый ребенок может развиваться благополучно, а здоровый — попасть в катастрофу, так и красивый, — оказаться несчастным, а одетый в броню непривлекательности — невыделяемый, незамечаемый — жить счастливо. Ибо ты должен, обязан помнить, что жизнь, заметив каждое ценное качество, захочет купить его, выманить или украсть. Это равновесие тысячных отклонений рождает неожиданности, изумляющие воспитателя мучительными многократными «почему?».

— А мне все равно, красивый или некрасивый.

Ты начинаешь с ошибки и лицемерия.

9. Умен ли?

Вначале мать спрашивает с тревогой, вскоре она будет требовать.

Ешь, хотя и сыт, хотя бы с отвращением; ложись спать, хотя бы со слезами, даже если заснешь лишь через час. Должен, требую, чтобы ты был здоров.

Не играй песком, не ходи растрепой: требую, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит... Он старше на... несмотря на это, еще... Он плохо учится...»

Вместо того чтобы наблюдать, изучать и знать, берется первый попавшийся «удачный» ребенок и предъявляется требование своему: вот на кого ты должен быть похож.

Нельзя, чтобы ребенок состоятельных родителей стал ремесленником. Пусть уж лучше будет человеком падшим и несчастным. Не любовь к ребенку, а родительский эгоизм, не благо личности, а тщеславие толпы, не поиски пути, а пути шаблона.

Ум бывает активный и пассивный, живой и вялый, настойчивый и безвольный, покладистый и своенравный, творческий и подражательный, показной и глубокий, конкретный и абстрактный, ум математика, естествознания, писателя; блестящая и посредственная память; ловкая манипуляция случайными знаниями и честная нерешительность; врожденные деспотизм, вдумчивость, критицизм; преждевременное и запоздалое развитие; односторонность или разносторонность интересов.

Но кому какое до этого дело?

«Пусть хоть четыре класса окончит», — опускают руки родители.

Предчувствуя блистательный ренессанс физического труда, я вижу кандидатов для него во всех классах общества. А до тех пор — борьба родителей и школы с каждым исключительным, нетипичным, слабым или неровным по своим способностям ребенком.

Не «умен ли вообще», а скорее какого склада у него ум?

Наивный призыв к семье добровольно принести тяжелую жертву. Пристальное изучение способностей ребенка обуздывает эгоистичные амбиции родителей. Разумеется, это песнь отдаленного будущего*.

10. Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать хороший с — удобным.

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен — хороший.

А плохой капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения, независимо от самочувствия. С одного довольно единицы нездоровья, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей плача.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, четкой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи.

Зайдется, захохочется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяла младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума. Наполеон в детстве заходил плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

11. Крик ребенка — неприятный сюрприз для молодой матери.

Знала, дети плачут, но, думая о своем, проглядела: ждала одних пленительных улыбок.

Станет соблюдать все необходимое, воспитывать будет разумно, современно, под наблюдением опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, когда она, ошеломленная (живы еще отзвуки тяжких часов, длившихся столетия), едва ощутив сладость усталости без забот, лени без самобичевания, отдыха после завершенной работы, отчаянного напряжения, первого в ее изнеженной жизни; едва уступив иллюзии, что все кончилось, ибо оно, дитя — этот другой — уж само дышит; умиленная, способная задавать лишь полные таинственных шепотов вопросы природе, не требуя даже ответа...

...Вдруг слышит...

Деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, а она не понимает!

Бодрствуй!

«Да раз я не могу, не хочу, не знаю как!»

Этот первый крик при свете ночника — предвестник борьбы двойной жизни: одна, зрелая, которую заставляют уступать, отречься и жертвовать, защищается; другая, новая, молодая, завоевывает свои права.

Сегодня ты не винишь его; он не понимает, страдает. Но есть на циферблате времени час, когда скажешь: «И я чувствую, и я страдаю».

12. Бывают новорожденные и младенцы, которые мало плачут, — тем лучше. Но есть и такие, у которых от крика взбухают на лбу вены, выпячивается темечко, багровая краска заливает личико и головку, губы синеют, беззубый ротик дрожит, животик вздувается, судорожно стискиваются кулачки, ножки колотят по воздуху. Вдруг он умолкает без сил, с выражением полной покорности глядит «с упреком» на мать, жмурит глаза, моля о сне, а после нескольких поспешных вдохов и выдохов опять подобный, а может, и еще сильнее приступ крика.

Неужто выдержат это маленькие легкие, крохотное сердце, юный мозг?

На помощь, врача!

Проходит вечность, прежде чем врач появляется и выслушивает со снисходительной улыбкой ее опасения, такой чужой, неприступный, профессионал, для него этот ребенок — один из тысячи. Появляется, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, слушать иные жалобы, появляется сейчас, днем, когда на душе повеселело: солнце, на улице люди; появляется, когда ребенок как раз заснул, видно, изнуренный часами без сна, и еле заметны следы кошмарной ночи.

Мать слушает, иногда слушает невнимательно. Мечты о враче-друге, советчике, проводнике в тяжелом странствии развеялись безвозвратно.

Она вручает гонорар и опять остается одна в печальном убеждении, что доктор — безучастный чужой человек, который не поймет. Да он и сам колеблется, ничего не сказал определенно.

13. Знай она, как важны эти первые дни и недели, и не столько для здоровья ребенка сейчас, сколько для будущности их обоих!

А уж как легко упустить!

Вместо того чтобы примириться с мыслью, что если врачу ее ребенок интересен лишь тем, что приносит доход или льстит тщеславию, так и для мира он ничто, и дорог лишь ей...

Вместо того чтобы примириться с современным состоянием науки, которая догадывается, старается узнать, изучает и делает шаг вперед — знает, но не уверена, помогает, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно установить: воспитание ребенка — это не милая забава, а дело, требующее капиталовложе-

ний — тяжелых переживаний, забот, бессонных ночей и много много мыслей...

Вместо того чтобы переплавить все это в огне чувств на честное знание без иллюзий, без детского фыркания и эгоистичной горечи, она способна перевести ребенка вместе с няней в дальнюю комнату, потому что «не может смотреть» на мучения крошки, «не может слышать» его жалобных призывов; способна опять и опять вызывать врачей, не приобретая никакого опыта, — прибитая, оступевшая, одуревшая.

Как наивна радость матери, что она поняла первую неясную речь ребенка, угадала путанные, недоговоренные слова!

Лишь сейчас?... Лишь это?... И не больше?..

А язык плача и смеха, язык взгляда и губ сквородочкой, язык движений и сосания?..

Не отрекайся от этих ночей! Они дают то, чего не даст книга и ничей совет. Ценность этих ночей не только в знании, но и в глубоком душевном перевороте, который не позволяет вернуться к бесплодным размышлениям: «Что могло бы быть, что должно бы быть, как было бы хорошо, если бы...», а учит действовать в условиях, которые налицо.

В эти ночи может родиться дивный союзник, ангел-хранитель ребенка — интуиция материнского сердца, ясновидение, которое состоит из пытливой воли, зоркой мысли, неомраченных чувств.

14. Бывало и так: вызывает меня мать.

— Ребенок здоров, с ним ничего нет. Но я хотела бы, чтобы вы его посмотрели.

Осматриваю, даю несколько указаний, отвечаю на вопросы. Да здоров же, милый, веселый!

— До свидания!

И в тот же вечер или на другой день:

— Доктор, у ребенка жар.

Мать заметила то, чего я, врач, не сумел прочесть при поверхностном осмотре во время краткого визита.

Часами склоненная над малышом, не владея методом наблюдения, она не знает, что именно она заметила, и, не доверяя себе, не смеет признаться в сделанных ею тонких наблюдениях.

А она заметила, что у ребенка хрипоты нет, но голос глуховатый. Лепечет чуть меньше или тише. Раз вздрогнул во сне, несколько сильнее, чем обычно. Рассмеялся, когда проснулся, но потише. Сосал чуть медленнее, может быть, с более длительными передышками, как бы рассеянно. Улыбнувшись, скривился, а может, это только показалось? Любимую игрушку бросил в гнев — отчего?

Сотней симптомов, которые заметили ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб ребенок сказал: «Мне нездоровится. Нехорошо мне сегодня».

Мать не верила в то, что она заметила, потому что в книжке ни об одном таком симптоме не читала.

15. В бесплатную поликлинику мать-рабочая приносит двухмесячного младенца.

— Не сосет. Еле возьмет сосок, бросает. С ложечки пьет. Иной раз во сне, а то и не во сне как вскрикнет вдруг...

Осматриваю рот, горло — ничего не вижу.

— Дайте ему, пожалуйста, грудь.

Ребенок хватает сосок, сосать не хочет.

— Вот ведь какой стал!

Наконец ребенок берет грудь, быстро, как бы в отчаянии, делает несколько сосательных движений и с криком выпускает.

— Вы поглядите, у него что-то на десне.

Осматриваю во второй раз, покраснение, но странное: только на одной стороне.

— Вот тут что-то чернеется, зубик, что ли?

Вижу что-то твердое, желтоватое, овальное, с черным ободком. Приподнимаю, подается, под ним — маленькое красненькое углубление с кровавым краем.

Наконец это «что-то» у меня в руках: конопляная шелуха!

Над люлькой висит клетка с канарейкой. Канарейка бросила шелуху, та упала на губу, проскользнула в рот и впилась в десну.

Ход моих мыслей: *stomatitis catarrhalis*, *soor*, *stom. aphtosa*, *gingivitis*, *angina*¹ и т. д.

А мать: больно, что-то во рту.

Я два раза производил осмотр... А она?

16. Если иногда врача удивляет точность и дотошность материнских наблюдений, то, с другой стороны, он с равным удивлением устанавливает, что зачастую мать не умеет не то что понять, а даже заметить самый простейший симптом.

Ребенок от рождения плачет, мать ничего больше не увидела. Плачет и плачет...

Возникает ли плач внезапно, сразу достигая вершины, или жалобное хныканье постепенно переходит в крик? Быстро ли младенец успокаивается, сразу после выделения кала или мочи, или после того, как вырвало (или сам выплюнул)? Вдруг ли разревется во время купания, одевания, вставания или, словно жалуюсь, плачет протяжно, без внезапных вспышек? Какие при этом делает движения? Трется головкой о подушку, чмокает губами? Успокаивается ли, если носить, а распеленаешь и положишь на животик, часто ли меняет положение? Засыпает после

¹ *Stomatitis catarrhalis (simplex)* (лат.) — катаральное воспаление слизистой оболочки рта; *soor* (лат.) — афты; *stom. aphtosa* (лат.) — афтозное воспаление рта; *gingivitis* (лат.) — воспаление десен; *angina* (лат.) — ангина.

плача крепким сном и надолго или просыпается при любом шорохе? Плачет до или после сосания, больше утром, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время сосания? Надолго? Или не хочет сосать? Как не хочет? Бросает сосок, чуть взял в рот, или при глотании? Сразу или спустя некоторое время? Решительно не желает или можно склонить на сосание? Как сосет? Отчего не сосет?

Если насморк, то как будет сосать? Жадно и сильно, потому что хочется пить, а потом частыми небольшими глотками и неровно, делая передышки, потому что не хватает дыхания? А если и дальше глотание болезненно, то что будет?

Плачут не только с голоду и от болей в «животике», но и когда болят губы, десны, язык, горло, нос, палец, ухо, кости; от боли в поцарапанном клизмой заднем проходе, при болезненном выделении мочи, при тошноте, жажде, перегревании, зуде кожи, на которой еще сыпи нет, но появится через месяц, другой; плачут из-за жесткой тесемки, складки на пеленке, ворсинки ваты, которая встала в горле, шелухи от семечка из канарейкиной клетки.

Вызови врача на десять минут, но и сама наблюдай все двадцать часов.

17. Из-за книг с их готовыми формулами притупилось зрение и обленилась мысль. Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами. Будто печатное слово — откровение, а не результат наблюдений — только чьих-то, а не моих, вчерашних, а не сегодняшних, над чьим-то, а не над моим ребенком.

А школа выработала трусость, страх выдать, что не знаю.

Сколько раз мать, записав на листке вопросы, которые хочет задать врачу, не решается их высказать. И как исключительно редко даст ему этот листок, потому что она там «написала глупости».

Сама скрывая, что она не знает, сколько раз она заставит и врача скрыть сомнения и колебания, ответить определенно! Как неохотно принимает широкая публика ответы условные, как не любит, когда врач размышляет вслух над колыбелью! Как часто врач, вынужденный быть пророком, становится шарлатаном!

Порой родители не хотят знать то, что они уже узнали, и видеть то, что они уже увидели.

Роды в кругах, где царит фанатизм удобств, являются чем-то столь редким и лично-исключительным, что мать категорически требует от природы щедрой награды. Если мать согласилась на лишения, на неприятности, недомогания беременности и мучку родов, ребенок должен быть таким, каким она его придумала.

Хуже того: привыкнув, что на деньги можно купить все, она не хочет смириться с фактом, что есть что-то, что может получить нищий и чего не подадут, как ни проси, магнату.

Сколько раз в поисках того, что снабжено на рынке общей этикеткой «здоровье», родители покупают фальсификаты, которые или не помогают, или приносят вред.

18. Младенцу — грудь матери, все равно, родился он потому, что Бог благословил супругов или девица потеряла стыд; шепчет мать: «Мое сокровище» — или вздыхает: «Как мне быть, горемыке»; почтительно поздравляют ее светлость или бросят деревенской девчине: «Тьфу, потаскуха».

Проституция, которая служит мужчине, находит свое социальное дополнение в институте кормилиц, который служит женщине.

Следует глубоко осознать: это освященное традицией кровавое злодеяние по отношению к ребенку бедняка даже не на благо ребенку богатых. Ведь кормилица могла бы кормить и двоих зараз: своего и чужого. Молочная железа даст столько молока, сколько от нее потребуют. У кормилицы тогда пропадает молоко, когда ребенок выпивает молока меньше, чем дает грудь.

Формула: молочная грудь, слабый ребенок — молоко пропадает.

Странная вещь: в менее серьезных случаях мы склонны обращаться за советами ко многим врачам, а в столь важном: может ли мать сама кормить грудью — довольствуемся одним, подчас неискренним, подсказанным случайными людьми.

Каждая мать может кормить, у каждой достаточное количество молока; и только незнание техники кормления лишает ее этой врожденной способности.

Боли в груди, трещины на сосках являются некоторым препятствием. Но страдание окупается сознанием, что мать вынесла всю тягость, не переложив ничего на плечи купленной рабыне. Ибо кормление — это продолжение беременности, «только ребенок переместился наружу и, отрезанный от последа, взял грудь и пьет не красную, а белую кровь».

Пьет кровь? Да, материнскую — это закон природы, а не убийственного молочного брата — что узаконили люди.

Отголосок интенсивной борьбы за право ребенка на грудь. Сегодня во главе угла стоит жилищный вопрос. А что будет завтра? Таким образом, интересы автора определяются текущим моментом.

19. Может, и я сочинил бы медицинский «Египетский сонник» для матерей.

«Вес три с половиной кило при рождении означает здоровье, благополучие».

«Испражнения зеленые, слизистые: беспокойство, неприятное известие».

Может, и я составил бы «Любви зеркало», сборник советов и указаний.

Но я убедился, что нет предписания, которого не довела бы до абсурда некритичная крайность.

Старая система:

Грудь тридцать раз в сутки, попеременно с «касторочкой». Младенец переходит из рук в руки, его качают, «тетешкают» все перепростуженные тетки. Подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, гремят погремушками, поют песенки — ну, просто ярмарка!

Новая система:

Каждые три часа грудь. Ребенок при виде приготовлений проявляет нетерпение, сердится, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенок спит, мать его будит — пора кормить, голодного отнимает от груди — время истекло. Лежит — не надо трогать. Не приучать к ношению на руках. Выкупанный, сухой, сытый ребенок должен спать. Не спит. Надо ходить на цыпочках, завесить окна. Больничная палата, морг.

Не мысль работает, а предписание приказывает.

20. Не: «Как часто кормить», а: «Сколько раз в сутки». Такая постановка вопроса развязывает матери руки; пусть сама устанавливает часы, как лучше ей и ребенку.

Сколько раз в сутки должен сосать ребенок?

От четырех раз до пятнадцати.

Как долго держать у груди ребенка?

От четырех минут до сорока пяти и дольше.

Мы встречаем: грудь легко и трудно отделяющую молоко, с обильным и скудным молоком, с хорошо выраженными сосками и невыраженными, с тугими и ранимыми. Мы встречаем детей сильно, неровно и лениво сосущих. Поэтому единого рецепта нет.

Сосок слабо выражен, но прочный; новорожденный активный; пусть он сосет часто и подолгу, чтобы «разработать» грудь.

Молочная мать, ребенок слабый. Может, лучше перед кормлением отцедить часть молока и заставить ребенка напрягаться? Не может справиться? Дать грудь, а оставшееся молоко отцедить.

Грудь туговата, ребенок вялый. Он начинает пить минут через десять.

На одно глотательное движение может приходиться от одного до пяти сосательных. Количество молока в одном глотке может быть больше или меньше.

Берет грудь, сосет, но не глотает; редко, часто глотает.

«По подбородку течет». Может, потому, что молока много, а может, и потому, что молока мало, ребенок изголодался, сильно втянул в себя и поперхнулся — но только первыми глотками.

Как можно, не зная ребенка и матери, давать предписания?

«Кормить по десяти минут пять раз в сутки» — это схема.

21. Без весов нет техники кормления грудью. Все, что мы ни сделаем, будет игрой в жмурки!

Кроме взвешивания, нет иного способа узнать, высосал ребенок три ложки молока или десять.

А от этого зависит, как часто он должен сосать, как долго, из обеих или из одной груди.

Весы могут быть непогрешимым советчиком, если видеть то, что есть на самом деле, и могут стать тираном, если мы захотим получить схему «нормального» роста ребенка. Как бы нам один предрассудок — о зеленых испражнениях — не сменить на другой — об идеальных кривых!

Как взвешивать?

Следует отметить, что бывают матери, которые убили много сотен часов на гаммы и этюды, а ознакомиться с весами им в тягость. Взвешивать до и после кормления? Такая возня! Бывают и другие, которые не отмахиваются от весов, а окружают их вниманием — этого любимого домашнего врача.

Дешевые весы для грудных детей, такое распространение весов, чтобы «забрели под соломенную стреху», — это социальный вопрос. Кто его поднимет?

22. Как это происходит, что одно поколение детей выросло под лозунгом: молоко, яйца, мясо, а другое получает каши, овощи, фрукты?

Я мог бы ответить: прогресс химии, исследования в области обмена веществ.

Нет, суть изменений ищи глубже.

Новая диета является выражением доверия науки к живому организму, уважением к его воле.

Когда давались белки и жиры, хотели стимулировать развитие организма, специально подбирая диету, а сейчас мы даем все: пусть живой организм сам выбирает, что ему надо, что приносит пользу, пусть сам управляет своими силами, активом унаследованного здоровья и потенциальной энергией развития.

Не что мы даем ребенку, а что он усваивает. Каждое насилие и излишество — это балласт, каждая односторонность — возможная ошибка.

Даже будучи близки к истине, мы можем сделать ошибку, а повторяя ее последовательно из месяца в месяц, мы наносим вред организму или усложняем ему работу.

Когда, как и чем прикармливать?

Тогда, когда ребенку не хватает высосанного им литра молока; не сразу, а постепенно и всегда дождавшись реакции организма; прикармливать всем, в зависимости от ребенка, его ответа.

23. А каши?

Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем.

Жидкость для выращивания волос, эликсир для зубов, пудра, которая омолаживает кожу, каши, облегчающие прорезывание

зубов, — зачастую это позор для науки и никогда — ее гордость, взлет, достижение.

Фабрикант обеспечит кашками и нормальный стул, и эффектный вес, даст то, что мать тешит, а ребенку по вкусу. Но ребенок станет водянистым, рыхлым, раскормленным, может быть, вялым, может быть, с пониженной жизнеспособностью.

И всегда фабрикант дискредитирует грудь, правда, осторожно, пробуждая сомнения, потихоньку подкапываясь, искушая и потакая слабостям толпы.

Кто-нибудь скажет: ученые со всемирно известными именами выразили одобрение. Но и ученые — люди: и среди них есть более проникательные и менее проникательные, осмотрительные и легкомысленные, честные и фальсификаторы. Сколько их, генералов науки не силой гения, а оборотливостью или привилегией богатства и рождения! Наука нуждается в дорогостоящих лабораториях, а их дают не только за подлинные достоинства, но и за притворство, и за потворство, и за интриги.

Я присутствовал на заседании, где наглая самоуверенность присваивала плоды двенадцати лет добросовестного исследовательского труда. Я знаю открытие, сфабрикованное к известному международному съезду. Питательный препарат, значение которого подтвердили несколько десятков светил, оказался фальсификатом; был судебный процесс; скандал быстро замяли.

Не кто похвалил кашку, а кто не хотел ее хвалить, несмотря на все старания агентов и фабрикантов. А они-то уж умеют домогаться и добиваться. Предприятия-миллионеры обладают большим влиянием; это сила, перед которой не каждый устоит.

Многие моменты в этих разделах — отголоски моего бракоразводного процесса с медициной. Я видел и отсутствие опеки, и халтурность медицинской помощи. (Каменьского* недооценивали, Брудзинский* первым сумел потребовать и добиться равноправия для педиатрии.) На нищете и запустении стала нахально наживаться иностранная промышленность медицинских препаратов. Сегодня у нас есть пункты опеки, фабричные ясли, летние колонии, детские здравницы, школьные медицинские пункты, больничные кассы. Еще беспорядок и нехватки, но мы дожили: видим начало. Теперь можно верить в кашки и лекарства: их задача не подменять гигиену и социальное обеспечение, а помогать им.

24. У ребенка жар, насморк.

Ему ничто не угрожает? Когда он выздоровеет?

Наш ответ — равнодействующая ряда суждений на основе того, что мы знаем и сумели заметить.

А значит: сильный организм преодолет слабую инфекцию в два-три дня. Если инфекция сильнее или ребенок слабее, недомогание продлится неделю. Посмотрим.

Либо: недомогание легкое, но ребенок очень мал. Катар у младенцев часто переходит со слизистой носа на гортань, трахею, бронхи. Увидим.

Наконец, на сто подобных случаев девяносто оканчиваются быстрым выздоровлением, в семи — болезненное состояние затягивается, в трех — развивается осложнение и может наступить смерть.

Примечание: а может, за легкой простудой скрывается другое заболевание?..

Но мать не хочет предполагать, она хочет иметь полную уверенность.

Можно диагноз уточнить, исследуя выделения носа, получить анализы мочи, крови, спинномозговой жидкости, можно сделать рентгеноскопию, вызвать специалистов. Возрастет процент безошибочности в диагностике, прогнозировании и даже лечении. Но уравнивает ли этот плюс вред многократных осмотров и присутствия большого числа докторов, каждый из которых может внести в волосы, складках одежды, при разговоре более опасную инфекцию?

Где ребенок мог простудиться?

Можно было этого избежать.

А не вырабатывает ли эта легкая инфекция иммунитет против более сильной, с которой ребенок столкнется через неделю, через месяц, и не совершенствует ли она защитный механизм: в термическом центре мозга, железах, составных частях крови? И можем ли мы изолировать ребенка от воздуха, которым он дышит, а один кубический сантиметр его содержит тысячи бактерий?..

Не явится ли это новое столкновение того, к чему мы стремимся, с тем, перед чем вынуждены отступить, еще одной попыткой вооружить мать не образованием, а разумом, без которого ей не воспитать правильно ребенка?

25. Пока смерть косила рожениц, не очень-то думали о новорожденном. Его заметили, когда асептика и техника медицинской помощи научились сохранять жизнь матери. Пока смерть косила младенцев, все внимание науки должно было направляться на бутылочку и пеленку. Теперь, может быть, уже недолго — и наряду с вегетативным обликом ребенка мы четко разглядим психический склад, жизнь и развитие ребенка до года. То, что сделано до сих пор, даже еще не начало работы.

Бесконечный ряд психологических проблем и проблем на грани физиологии и психологии младенца.

Наполеон страдал родимчиком. Бисмарк был рахитиком, и уж бесспорно каждый пророк и преступник, герой и предатель, большой и малый, атлет и замухрышка был младенцем, прежде чем стать взрослым человеком. Если мы хотим изучать амебы, мускулы, чувства и стремлений до того, как они развились, дифференцировались и сложились, мы должны обратиться к младенцу.

Только безграничное невежество и поверхностность взгляда могут позволить недогадать, что младенец представляет собой некую строго определенную индивидуальность, состоящую из

врожденного темперамента, силы интеллекта, самочувствия и жизненного опыта.

26. Сто младенцев. Я склоняюсь над кроваткой каждого. Вот они, чья жизнь исчисляется неделями или месяцами, — разного веса и с разным прошлым своей кривой, больные, выздоравливающие, здоровые и с трудом цепляющиеся за жизнь.

Встречаю разные взгляды, от угасших, словно подернутых пленой, без выражения, и от упорных, болезненно-сосредоточенных до оживленных, приветливых и даже задорных. И улыбка приветствия, внезапная, дружеская, или улыбка после внимательного наблюдения, лишь в ответ на мою улыбку и ласковое слово-поощрение.

Что сразу мне показалось случайностью, повторяется в течение многих дней. Я записываю, выделяя доверчивых и недоверчивых, спокойных и капризных, веселых и мрачных, неуверенных, боязливых и враждебных.

Всегда веселый: улыбается до и после кормления, разбуди его — сонный, разомкнет веки, улыбнется и уснет. Всегда мрачный: с беспокойством встречает тебя, уже готовый заплакать, за три недели улыбнулся, и то мельком, лишь раз...

Осматриваю горло. Живой, бурный, страстный протест. Или лишь досадливо сморщится, нетерпеливо мотнет головой и уже добродушно улыбается. Или подозрительно насторожен при каждом движении чужой руки, впадает в гнев раньше, чем испытал боль...

Массовая прививка оспы: по пятидесяти детей в час. Это уже эксперимент. И опять — у одних немедленная и энергичная реакция, у других — постепенная и слабая, а у третьих — безразличие. Один младенец довольствуется удивлением, другой доходит до беспокойства, третий бьет тревогу; один быстро приходит в равновесие, другой долго помнит, не прощает...

Кто-нибудь скажет: возраст. Да, но только до известной степени. Быстрота ориентации, память пережитого. О, мы знаем детей, которые приобрели горький опыт знакомства с хирургом; знаем, что есть дети, которые не хотят пить молоко, потому что им давали белую эмульсию с камфорой.

А разве психический облик зрелого человека складывается из чего-то другого?

27. Один младенец:

Родился, уже примиренный с холодом воздуха, жесткой пленкой, беспокойством звуков, работой сосания. Сосет трудолюбиво, расчетливо и смело. Уже улыбается, уже агукает, уже владеет руками. Растет, совершенствуется, ползает, ходит, лепечет, говорит. Как и когда это произошло?

Спокойное, безоблачное развитие...

Второй младенец:

Прошла неделя, прежде чем научился сосать. Ряд тревожных ночей. Неделя без хлопот, однодневная буря. Развитие несколько вялое, прорезывание зубов тяжелое. В общем, бывало по-разному, но теперь уже все в порядке: спокойный, милый, потешный.

Быть может, прирожденный флегматик и недостаточно продуманная опека, недостаточно хорошая грудь, развитие благополучное.

Третий младенец:

Стремительный. Весел, легко возбудим, испытывая неприятные впечатления, начало которых в его организме или вне организма, борется отчаянно, не щадя сил. Живые движения, неожиданные смены, сегодняшней день не похож на вчерашний. Усваивает и забывает попеременно. Развитие скачкообразное, с резкими подъемами и падениями. Неожиданности от самых приятных до мнимо грозных. Невозможно определить.

Наконец: легко возбудим, раздражителен, сила, но капризная; может быть, представляет собой большую ценность...

Четвертый младенец:

Если сосчитать солнечные и дождливые дни, первых окажется немного. Недовольство как основной тон. Нет болей, так есть неприятные ощущения; не ворчит, так кукует. Было бы хорошо, да... Никогда безоговорочно.

Это ребенок с предрасположением к некоторым заболеваниям, неразумно воспитываемый...

Температура комнаты, сто граммов молока лишних, сто граммов питьевой воды недостает — все это оказывает влияние не только гигиеническое, но и воспитательное. У младенца, которому предстоит столько всего изучить, додумать, узнать, освоить, полюбить и возненавидеть, разумно защищать и завоевывать, — должно быть хорошее самочувствие независимо от врожденного темперамента и быстрого или вялого ума.

Вместо навязанного неологизма: «osesek» я употребляю старое выражение: «niepowle». Греки говорили: «непиос», римляне: «infans». Если таково было желание польского языка, к чему нам переводить некрасивое немецкое «Sauglings»? Нельзя произвольно хозяйничать в словаре старых и важных слов.

28. Зрение. Свет и тьма, ночь и день. Во сне мало что происходит, наяву больше; случается что-то хорошее (грудь) или плохое (боль). Новорожденный смотрит на лампочку. И не смотрит: глазные яблоки то сходятся, то расходятся. Позже, вода взглядом за медленно передвигаемым предметом, поминутно улавливает его и теряет из виду.

Контуров тени, первые наброски линий, и все это без перспективы. Мать на расстоянии одного метра — уже другая тень, чем когда склоняется над ним вблизи. Сбоку ее лицо — словно серп

месяца, и только подбородок и губы — если смотреть снизу, лежа у матери на коленях; то же лицо — с глазами, и еще по-другому — с волосами, когда сильнее нагнется. А слух и обоняние говорят, что все это одно и то же.

Грудь — это светлое облако, вкус, запах, теплота, доброта. Младенец выпускает грудь и смотрит, изучая взглядом то удивительное что-то, которое появляется над грудью и откуда плывут звуки и веет теплом дыхания. Младенец не знает, что грудь, лицо, руки составляют единое целое — мать.

Кто-то чужой протягивает руки. Обманутый знакомым движением, знакомой картиной, ребенок переходит в эти руки. И тут только замечает ошибку. На этот раз руки отдаляют его от знакомой тени, приближая к чему-то чужому, вселяющему страх. Внезапным движением ребенок поворачивается к матери и, уже в безопасности, смотрит и удивляется или, чтобы избежать опасности, уткнется матери в грудь.

Наконец лицо матери перестает быть тенью, оно изучено руками. Младенец многократно хватал мать за нос, трогал удивительный глаз, который попеременно то блестит, то, матовый, прикрыт веком, и изучал волосы. А кто из нас не видал, как он отгибает губу, осматривает зубы, заглядывает в рот, сосредоточенный, суровый, важный! Только ему мешает пустая болтовня, поцелуи и шутки — то, что у нас называется «забавлять» ребенка. Это мы забавляемся, он изучает. У него уже есть очевидные для него истины, предположения и вопросы в стадии исследования.

29. Слух. Все, начиная с далеких отголосков — уличного шума за окном, тиканья часов, разговоров и стука — и кончая обращенным непосредственно к ребенку шепотом и словами вслух, — все это создает хаос раздражений, которые он должен классифицировать и понять.

Сюда следует добавить звуки, которые издает сам ребенок, а значит, крик, агуканье, бормотанье. Прежде чем он узнает, что это он сам, а не кто-нибудь, кого не видно, агукает и кричит, пройдет много времени. Когда он лежит и бубнит свое «абб, аба, ада», он слушает и исследует ощущения, которые он испытывает, шевеля губами, языком, гортанью. Не зная еще себя, он устанавливает лишь произвольность одоления звукотворчества.

Когда я говорю младенцу на его собственном языке: «аба, абб, адда», он с удивлением присматривается ко мне — таинственному существу, издающему хорошо известные ему звуки.

Вдумайся мы глубже в сущность сознания младенца, мы нашли бы там значительно больше, чем нам сперва представлялось, только не то и не в таком виде, как нам это представлялось. «Бедная моя малявочка, бедная моя голодная крошка, она хочет ам-ам, хочет маляко». Младенец прекрасно понимает, он ждет, когда кормящая расстегнет лиф и подложит ему под подбородок платочек, и злится, если очень уж задержат ожидаемое угощение.

И все-таки всю эту тираду мать произнесла самой себе, а не ребенка. Он легче закрепил бы в памяти те звуки, которыми хозяйка скликает домашнюю птицу: «цып-цып-цып» или «утя-утя».

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и боязнь впечатлений неприятных; о том, что он мыслит не только зрительными, но и звуковыми образами, можно судить хотя бы по заразительности крика; крик возвещает несчастье, или крик автоматически приводит в движение аппарат, выражающий неудовольствие. Внимательно приглядитесь к младенцу, когда он слушает плач.

30. Младенец упорно стремится овладеть внешним миром: желает одолеть окружающие его злые, враждебные силы и заставить служить на благо себе добрых духов. У него есть два заклятия, которыми он пользуется, прежде чем завоеует третье чудесное орудие воли: свои руки. Эти два заклятия — крик и сосание.

Если вначале младенец кричит, потому что его что-то беспокоит, то потом он научится кричать, чтобы предупредить возможное беспокойство. Оставь его одного — плачет, заслышав шаги, успокаивается; хочет сосать — плачет, увидев приготовления к кормлению, перестает плакать.

Младенец действует в пределах сведений, которые у него имеются (а их мало), и средств, которыми он располагает (а они невелики). Совершает ошибки, обобщая отдельные явления и связывая два следующие друг за другом факта как причину и следствие (*post hoc, propter hoc*¹). Не в том ли источник интереса и симпатии, которые вызывают у него башмачки, что он приписывает башмакам свою способность ходить? Так и пальтецо является тем волшебным ковром из сказки, который переносит его в мир чудес — на прогулку.

Я вправе делать подобные предположения. Если историк литературы вправе строить догадки, что хотел сказать Шекспир, создавая «Гамлета», то и педагог вправе делать, пусть даже ошибочные, предположения, когда они, за неимением иных, дают все же практические результаты.

Итак:

В комнате душно. У младенца сухие губы, слабо отделяется тягучая густая слюна, младенец капризничает. Молоко — пища, а ему хочется пить, — значит, дать ему воды. Но он «не хочет пить»; вертит головой и выбивает из рук ложку. Нет, он хочет пить, только еще не умеет. Ощувив на губах желанную жидкость, он мотает головой, ища сосок. Придерживаю ему голову левой рукой и прикладываю ложку к верхней губе. Он не пьет, а сосет воду, жадно сосет — выпил пять ложек и спокойно засыпает. Если я ему раз-другой немело подам жидкость с ложечки, он поперхнется, испытает неприятное чувство, и тогда уже на самом деле не захочет пить с ложки.

¹Post hoc, (ergo) propter hoc(лат.) — после этого, а значит, из-за этого.

Второй пример:

Младенец, постоянно капризничаящий, недовольный, успокаивается во время кормления грудью, когда его пеленают, купают, вообще при частой смене положения. Этого младенца беспоконт сыпь. Мне отвечают, что сыпи нет. Нет, так, наверное, будет. Через два месяца сыпь-таки появляется.

Третий пример:

Младенец сосет кулачки, когда ему что-то мешает, все неприятные ощущения, а значит, и беспокойство нетерпеливого ожидания он жаелет смягчить благодетельным, хорошо знакомым ему актом сосания. Сосет кулачки, когда хочется есть, пить, когда перекормлен и неприятный осадок во рту, когда что-нибудь болит, когда перегрет, когда чешется кожа или десны. Отчего это бывает: врач предсказывает зубы, ребенок явно испытывает неприятные ощущения в челюсти или деснах, а зубы не показываются в течение нескольких недель? Не раздражает ли прорезывающийся зуб мелких нервных волокон уже в самой кости? Добавлю, что и теленок, прежде чем у него вырастут рога, страдает подобным образом.

И тут путь таков: инстинкт сосания, сосание, чтобы не страдать, сосание как удовольствие или привычка.

31. Повторяю: основным тоном и содержанием психической жизни младенца является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего его мира, откуда исходит добро и зло. Желая овладеть, младенец стремится познать.

Повторяю: хорошее самочувствие облегчает объективное изучение, а всякие неприятные ощущения, причина которых лежит внутри его организма, а значит, в первую очередь, боль, затмевают его шаткое сознание. Чтобы убедиться в этом, надо присматриваться к младенцу, когда он здоров, страдает или болен.

Ощущая боль, младенец не только кричит, но и слышит свой крик, чувствует этот крик в горле, видит его сквозь полуприкрытые веки в виде расплывчатых образов. Все это — сильное, враждебное, грозное, непонятное. Ребенок должен хорошо помнить эти минуты и бояться их; а не зная еще себя, связывает их со случайно возникшими перед ним картинами. Это и есть, наверное, источник многих непонятных симпатий младенца, антипатий, страхов и странностей.

Изучать развитие интеллекта младенца неимоверно трудно, ибо младенец по многу раз усваивает и забывает: это и движение вперед, и затишье, и отступление. Быть может, изменчивость их самочувствия играет в этом важную, а может, и главную роль.

Младенец изучает свои руки. Распрямляет, водит ими вправо или влево, отдаляет, приближает, расставляет пальцы, сжимает в кулачок, что-то говорит им и ждет ответа, правой рукой хватает левую и тянет, берет погремушку и смотрит на странно изменившийся вид руки, перекладывает погремушку из одной руки в

другую, сует в рот, тут же вынимает и опять разглядывает — внимательно, не спеша. Бросает погремушку, хватается за пуговицу на одеяле, изучает причину полученного отпора. Младенец не играет, имейте же, черт подери, глаза во лбу и заметьте его усилие воли, чтобы постичь! Это ученый в лаборатории, ищущий решение проблемы величайшей важности, которое от него ускользает.

Младенец навязывает свою волю криком. Потом мимикой лица и движением рук, и наконец — речью.

32. Раннее утро, скажем, пять часов утра.

Проснулся, улыбается, лепечет, двигает ручонками, садится, встает на ножки. Матери хочется еще поспать.

Конфликт двух хотений, двух потребностей, двух столкнувшихся эгоизмов; третий момент одного и того же процесса: мать страдает, а ребенок рождается для жизни; матери хочется отдохнуть после родов, а ребенок требует пищи; хочется вздремнуть, а ребенок желает бодрствовать. И таких конфликтов будет без конца. Это не пустяк, а проблема; будь отважна в своих чувствах и, отдавая ребенка наемной нянюшке, скажи себе прямо «не хочу», хотя бы тебе врач и сказал, что не можешь, ибо он всегда скажет так на втором этаже с окнами на улицу и никогда — на чердаке.

Бывает и так: мать отдает ребенку свой сон, но требует за это плату, а значит, целует, ласкает, прижимает к себе теплое, розовое, шелковистое тельце. Будь начеку: это сомнительный акт экзальтированной чувствительности, скрытой, затаившейся в любви материнского тела, а не сердца. Знай, что ребенок охотно прильнет к тебе, раскрасневшись от сотни поцелуев, с блестящими от радости глазами, то есть твой эрогизм находит в нем отклик.

Значит, отказаться от поцелуя? Этого я не могу требовать, считая разумно дозированный поцелуй ценным воспитательным фактором; поцелуй успокаивает боль, смягчает резкое замечание, будит раскаяние, награждает усилия, является символом любви, как крест — символом веры, и действует как таковой. Я говорю: является символом любви, а не что должен являться символом любви. А впрочем, если это странное желание прижимать к себе, гладить, обонять, впивать в себя ребенка не вызывает у тебя сомнений, — делай как знаешь. Я ничего не запрещаю и не предписываю.

33. Когда я смотрю на младенца, как он открывает и закрывает коробочку, кладет в нее и вынимает камешек, встряхивает и прислушивается; когда годовалый ребенок тащит скамеечку, сгибаясь под ее тяжестью и пошатываясь; когда двухлетний, услышав, что корова это «му-у», прибавляет от себя «ада-му-у», а «ада» — это имя их собаки, то есть делает архилогичные языковые ошибки, которые следует записывать и оглашать...

Когда среди разного хлама у ребенка постарше я вижу гвозди, веревочки, тряпочки, стеклышки, потому что это «пригодится» для осуществления сотни замыслов; когда дети пробуют, кто дальше «скакнет»; мастерят, возятся, затевают игру; спрашивают: «Когда я думаю о дереве, то у меня в голове маленькое дерево?»; дают нищему не двушку, чтобы видели и похвалили, а двадцать шесть грошей, все свое состояние, ведь он такой старый и бедный и скоро умрет...

Когда подросток, поплевав на ладонь, приглаживает волосы, потому что должна прийти подруга сестры; когда девушка пишет мне в письме, что «мир подлый, а люди звери», и умалчивает, почему; когда юнец гордо бросает бунтарскую, но такую избитую, лежалую мысль — вызов...

О, я целую этих детей взглядом, мыслью и спрашиваю: вы, дивная тайна, что несете? Целую усилием воли: чем могу вам помочь? Целую их так, как астроном целует звезду, которая была, есть и будет. Этот поцелуй должен быть равно близок экстазу ученого и покорной молитве. Но не изведает его чар тот, кто в поисках свободы потерял в давке Бога.

34. Ребенок еще не говорит. Когда он заговорит?

Правда, речь — показатель развития ребенка, но не единственный и не главный. Нетерпеливое ожидание первого слова — это ошибка, доказательство воспитательной незрелости родителей.

Если новорожденный в ванночке вздрогнет и взмахнет руками, теряя равновесие, он как бы говорит: «боюсь» — крайне любознателен этот рефлекс страха у существа, столь далекого от понимания опасности. Дашь грудь — не берет, как бы говорит: «Не хочу». Протягивает руку к желаемому предмету: «Дай». Перекосенным от плача ртом и оборонительным жестом говорит: «Я тебе не доверяю», иногда спрашивает мать: «Можно ли ему довериться?»

Чем является пытливый взгляд младенца, как не вопросом: «Что это?» Тянется за чем-нибудь, с трудом достает и глубоко вздыхает — этим вздохом облегчения он говорит: «Наконец-то». Попробуй отнять, десятком оттенков поведения он скажет тебе: «Не отдам». Поднимает голову, садится, встает: «Действую». Чем является улыбка рта, глаз, как не: «О, как хорошо мне на свете?»

Языком мимики говорит, языком зрительных образов и памяти чувств мыслит.

Мать надевает на него пальтецо, ребенок рад, поворачивается всем корпусом в сторону двери, выражая нетерпение, подгоняя. Мыслит картинками прогулки и воспоминанием об испытанных тогда приятных ощущениях. Младенец питает к доктору дружеские чувства, но, завидев у него в руках ложку, сразу распознает в нем врага.

Младенец понимает язык не слов, а мимики и интонаций.
— Где у тебя носик?

Не понимая ни одного из этих четырех слов, он по голосу и по движению губ знает, какого от него ждут ответа.

Не умея еще говорить, он умеет вести весьма сложную беседу.
— Не тронь, — говорит мать.

Несмотря на это, он протягивает ручонку и берет запрещенный предмет, мило склоняет головку, улыбается, проверяя, не возобновит ли мать еще строже запрещение или, обезоруженная изощренным кокетством, уступит, разрешит.

Еще не сказав ни одного слова, ребенок лжет, беспардонно лжет. Желая освободиться от несимпатичной особы, он подает условный знак, грозный сигнал и, сидя на известном сосуде, взглядывает издевательски и с торжеством на окружающих.

Попробуй подшутить над ним, протягивая и тут же отдергивая требуемый предмет, ребенок не всегда рассердится, подчас только обидится.

Ребенок и без слов умеет быть деспотом, приставать неотвязно, тиранить.

35. Очень часто, когда врач спрашивает, когда именно ребенок начал говорить и ходить, мать, смутившись, дает робко приблизительный ответ:

— Рано, поздно, нормально.

Она считает, что дата столь важного факта должна быть точной и что любое сомнение представит ее в дурном свете; я упоминаю об этом, чтобы показать, как непопулярна у населения мысль, что даже точное научное наблюдение лишь с трудом дает приблизительную линию развития ребенка, и как повседневно школярское желание скрыть свое незнание.

Как отличить, когда младенец вместо «ам, ан, ама» впервые сказал: «мама», а вместо «аб-ба» — «баба»? Как определить, когда слово «мама» уже тесно связано в его сознании с образом матери, и ничьим другим?

Ребенок прыгает на коленях у матери, стоит, поддерживаемый ею или сам, опершись о край сетки у кровати; стоит какой-то момент без посторонней помощи; сделал несколько шагов по полу и много шагов в воздухе; барахтается, ползает, ходит на четвереньках; толкает перед собой стул, не теряя равновесия; четверть хождения, полухождение, три четверти хождения, прежде чем наконец начнет ходить. Да и тут — и вчера, и всю неделю ходил, а опять не умеет. Чуть устал, пропало вдохновение. Упал и перепугался, боится, двухнедельная пауза...

Головка, бессильно опущенная на плечо матери, — еще не доказательство тяжелой болезни, так бывает при всяком недомогании.

Ребенок в любом своем новом движении подобен пианисту, которому нужны хорошее самочувствие и душевный покой, чтобы с успехом исполнить трудное музыкальное произведение; даже исключения из этого правила схожи. Бывало, рассказывает

мать, ребенку «уже нездоровилось, но он не поддавался и еще пуще, может быть, ходил, играл, говорил»; тут следует самообвинение: «я думала, мне только кажется, что он нездоров, и пошла с ним гулять»; самооправдание: «такая была хорошая погода» — и вопрос: «это ему могло повредить?».

36. Когда ребенок должен уже ходить и говорить? Тогда, когда он ходит и говорит. Когда должны прорезываться зубки? Именно тогда, когда прорезываются. И темечко как раз тогда должно зарастать, когда зарастает. И спать младенец должен столько часов, сколько ему надо, чтобы выспался.

Ну да, мы знаем, когда это в общем происходит. В каждой популярной брошюре даны эти прописные истины для детей вообще, оборачивающиеся ложью для одного, твоего.

Потому что бывают младенцы, которым требуется больше сна и меньше сна; бывают ранние, а уже гнилые еще когда прорезываются зубы и поздние здоровые зубы здоровых детей; темечко зарастает и на девятом месяце жизни, и на четырнадцатом у здоровых детей; глупышки иногда начинают лепетать рано, а умные подолгу не говорят.

Номера пролетов, рядов в театре, сроки уплаты за квартиру — все то, что для порядка придумали люди, можно соблюдать; но кто умом, воспитанным на полицейских указах, захочет объять живую книгу природы, тот обрушит на себя всю тяжесть беспокойств, разочарований и неожиданностей.

Я вменяю себе в заслугу, что на поставленные выше вопросы я ответил не рядом цифр, которые я зову «маленькими правдами». Ведь важно не то, прорезываются сперва нижние или верхние зубы, резцы или клыки — это может заметить каждый, у кого глаза есть и календарь, — а чем является живой организм и что ему нужно — вот она, «великая истина», доступная лишь исследователю.

Даже у честных врачей должны быть две нормы поведения: с разумными родителями врачи — естествоиспытатели, они сомневаются, предполагают, решают трудные проблемы и ставят интересные вопросы; с неразумными — чопорные гувернеры: отсюда досюда — и знак ногтем на букваре.

«Каждые два часа по ложечке. Яичко, полстакана молока и два сухарика».

37. Внимание! Или мы с вами сейчас договоримся, или навсегда разойдемся во мнениях! Каждую стремящуюся ускользнуть и притаяться мысль, каждое слоняющееся без призора чувство надлежит призвать к порядку и построить усилием воли в шеренгу!

<...>

Мы дали слишком обильную или неподходящую пищу: чересчур много молока, несвежее яйцо — ребенка вырвало. Дали

неудобоваримые сведения — не понял, неразумный совет — не усвоил, не послушался. Это не пустая фраза, когда я говорю: счастье для человечества, что мы не в силах подчинить детей нашим педагогическим влияниям и дидактическим покушениям на их здравый рассудок и здравую человеческую волю.

У меня еще не выкристаллизовалось понимание того, что первое, неоспоримое право ребенка — высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах. Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и сам скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше.

38. <...>

Бытует мнение, что чем выше смертность среди детей пролетариата, тем крепче поколение, которое выживает и вырастает. Нет: плохие условия, убивающие слабых, ослабляют сильных и здоровых. Зато мне кажется правдой, что чем больше мать из состоятельных кругов страшится мысли о возможной смерти ребенка, тем меньше у него условий стать хоть сколько-нибудь физически развитым и духовно самостоятельным человеком. Всякий раз, когда я вижу в выкрашенной белой масляной краской комнате, среди белой полированной мебели, в белом платице, с белыми игрушками бледного ребенка, я испытываю неприятное чувство: в этой хирургической палате, а не детской комнате должна воспитаться малокровная душа в анемичном теле.

«В этом белом салоне с электрической лампочкой в каждом углу можно заболеть эпилепсией», — говорит Клодина*.

Может быть, тщательные исследования покажут, что перекармливание нервов и тканей светом равно вредно, как и отсутствие света в темном подвале.

Есть два слова: свобода и воля. Свобода, мне кажется, — это право владеть собой, располагать собой. А в слове «воля» присутствует элемент воли — действия, порождаемого стремлением. Наша детская комната с симметрично расставленной мебелью и наши прилизанные городские сады не являются местом для проявления личной свободы ребенка, ни той мастерской, где найдет для себя инструменты его деятельная воля.

Комната маленького ребенка возникла из акушерской клиники, а той диктовала предписания бактериология. Смотрите, как бы, оберегая от бактерий дифтерита, не поместить ребенка в атмосферу, перенасыщенную затхлостью скуки и безволия. Сегодня нет спертого воздуха от сушеных пеленок, зато есть запах йодоформа.

Очень много перемен. Уже не только белый лак мебели, но и пляжи, экскурсии, спорт, скаутизм. Также лишь начало. Чуть больше свободы, однако жизнь ребенка по-прежнему тусклая, душная.

39. — Ку-ку, бедная детусенька, где у тебя бобо?

Ребенок с трудом отыскивает чуть видные знаки позавчерашних царапин, показывает место, где, ушибись он сильнее, был бы синяк, доходит до совершенства в нахождении коросточек, пятнышек и следов.

Если каждое «бобо» взрослого сопровождают тон, жест, мимика бессильной покорности и безнадежного смирения, детские «фи», «бьяка», «нехороший» сочетаются с проявлениями отвращения и ненависти. Надо видеть, как младенец держит перепачканные в шоколаде руки, пока мама не вытрет их батистовым платочком, все его отвращение и беспомощность, чтобы задать вопрос: «Не лучше было бы, если бы ребенок, ударившись лбом о стул, давал ему пощечину, а во время мытья, с глазами, полными мыла, плевался и пинал няньку?..»

Двери — прищемит палец, окно — высунется и упадет, косточка — подавится, стул — опрокинет на себя, нож — порежется, палка — выколет глаз, поднял с пола коробок — заразится, спичка — ай, пожар, горит!

«Сломаешь руки, попадешь под машину, укусит собака. Не ешь слив, не пей сырую воду, не ходи босой, не бегай на солнце, застегни пальто, завяжи шарфик. Вот видишь, не послушался. Гляди — хромой, гляди — слепой. На помощь — кровь! Кто дал ему ножницы?»

Ушиб — это не синяк, а боязнь сотрясения мозга; рвота — не засорение желудка, а боязнь скарлатины. Всюду ловушки и опасности, все грозное, зловещее.

И если ребенок поверит и не съест украдкой фунт незрелых слив и, обманув бдительность старших, не зажжет с сильно бьющимся сердцем где-нибудь в углу спичку, если послушно, пассивно, доверчиво подчинится требованию избегать всяких опытов, отказываться от попыток и отречься от каждого усилия воли — что предпримет он, когда в себе, в своем духовном существе почувствует что-то, что грызет, жжет, ранит?

Есть ли у вас план, как возносить ребенка с младенчества через детство в период созревания, когда, подобно удару молнии, поразят ее менструации, его эрекции и поллюции?

Да, ребенок еще сосет грудь, а я уже спрашиваю, как будет рожать, ибо это проблема, над которой и два десятка лет думать не слишком много.

40. Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить.

Сами воспитанные в деморализующем пассивном ожидании того, что будет, мы беспрерывно спешим в волшебное будущее. Ленивые, не хотим искать красоты в сегодняшнем дне, чтобы подготовить себя к достойной встрече завтрашнего утра: завтра само должно нести с собой вдохновение. И что такое это «хоть бы он уже ходил, говорил», что, как не истерия ожидания?

Ребенок будет ходить, будет обивать себе бока о твердые края дубовых стульев. Будет говорить, будет перемалывать языком сечку серых будней. Чем это сегодня ребенка хуже, менее ценно, чем завтра? Если речь идет о труде, сегодня — труднее.

А когда наконец это завтра настало, мы ждем новое завтра. Ибо в принципе наш взгляд на ребенка — что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет — заставляет нас беспрерывно ждать.

Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее — шутка, стремления — наивны, чувства — мимолетны, взгляды — смешны. Да, дети отличаются от взрослых; в жизни ребенка чего-то недостает, а чего-то больше, чем в жизни взрослого, но эта их отличающаяся от нашей жизнь — действительность, а не фантазия. А что сделано нами, чтобы познать ребенка и создать условия, в которых он мог бы существовать и зреть?

Страх за жизнь ребенка соединен с боязнью увечья; боязнь увечья сцеплена с чистотой, залогом здоровья; тут полоса запретов перекидывается на новое колесо: чистота и сохранность платья, чулок, галстука, перчаток, башмаков. Дыра уже не во лбу, а на коленках брюк. Не здоровье и благо ребенка, а тщеславие наше и карман. Новый ряд приказов и запретов вызван нашим собственным удобством.

«Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, забрызгаешься. Не бегай, у меня голова болит».

(А ведь в принципе мы даем детям бегать: единственное, чем даем им жить.)

И вся эта чудовищная машина работает долгие годы, круша волю, подавляя энергию, пуская силы ребенка на ветер.

Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которое ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни.

«Мал еще, помолчи немножко. — Время терпит. Погоди, вот вырастешь... — Ого, уже длинные штанишки. — Хо-хо! Да ты при часах. — Покажись-ка: у тебя уже усы растут!»

И ребенок думает:

«Я ничто. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше. А сколько мне еще лет ждать? Но погодите, дайте мне только вырасти...»

И он ждет — прозябает, ждет — задыхается, ждет — притаился, ждет — глотает слюнки. Волшебное детство? Нет, просто скучное, а если и бывают в нем хорошие минуты, так отвоєванные, а чаще краденые.

Ни слова о всеобщем обучении, сельских школах, городах-парках, харцестве*. Так все это было безнадежно далеко и потому несущест-

венно. Книга, ее содержание зависят от того, какими категориями переживаний и опыта оперирует автор, каково было поле его деятельности и творческая лаборатория, — какова была почва, вскормившая его мысль. Вот почему мы встречаем наивные суждения у авторитетов, и тем более иностранных.

41. Стало быть, все позволять? Ни за что: из скупающего раба мы сделаем изнывающего со скуки тирана. А запрещая, закаляем как-никак волю, хотя бы лишь в направлении обуздания, ограничения себя, развиваем изобретательность, умение ускользнуть из-под надзора, будим критицизм. И это чего-то да стоит, как — правда, односторонняя — подготовка к жизни. Позволяя же детям «все», бойтесь, как бы, потакавая капризам, не подавить сильных желаний. Там мы ослабляли волю, здесь отравляем.

Это не «делай что хочешь», а «я тебе сделаю, куплю, дам все, что хочешь, ты только скажи, что тебе дать, купить, сделать. Я плачу за то, чтобы ты сам ничего не делал, я плачу за то, чтобы ты был послушный».

«Вот съешь котлетку, мама купит тебе книжечку. Не ходи гулять — на тебе за это шоколадку».

Детское «дай», даже просто протянутая молча рука должны столкнуться когда-нибудь с нашим «нет», а от этих первых «не дам, нельзя, не разрешаю» зависит успех целого и огромнейшего раздела воспитательной работы.

Мать не хочет видеть этой проблемы, предпочитает лениво, трусливо отсрочить, отложить на после, на потом. Не хочет знать, что ей не удастся, воспитывая ребенка, ни устранить трагичную коллизию неправильного, неисполнимого, не проверенного на деле хотения и проверенного на деле запрета, ни избежать еще более трагичного столкновения двух желаний, двух прав в одной области деятельности. Ребенок хочет взять в рот горящую свечку — я не могу ему этого позволить; он требует нож — я боюсь дать, он тянется к вазе, которую мне жалко, хочет играть со мной в мяч — а я хочу читать. Мы должны разграничивать его и мои права.

Младенец тянется за стаканом — мать целует ручонку, не пошло — даст погремушку, велит убрать с глаз соблазн. Если младенец вырывает руку, бросает на пол погремушку, ищет взглядом спрятанный предмет, а затем сердито смотрит на мать, спрашиваю: кто прав? Обманщица мать или младенец, который ее презирает?

Кто не продумает основательно вопроса запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не охватит всех, когда их будет много.

42. Деревенский мальчишка Эндрек. Он уже ходит. Держась за дверной косяк, осторожно переваливается через порог в сени. Из сеней по двум каменным ступенькам сползает на четверень-

ках. У избы встретил кошку: оглядели друг друга и разошлись. Споткнулся о ком сухой грязи, остановился, глядит. Нашел палочку, сел, ковыряет в песке. Валяются очистки от картофеля, берет в рот, песок во рту, морщится, плюет, бросает. Опять встал на ноги, бежит прямо на собаку; дрянная собака его опрокидывает. Сморщился, вот-вот заревет, да нет, вспомнил что-то и тащит метлу. Мать по воду пошла; ухватился за подол и бежит уже увереннее. Кучка ребят постарше, с тележкой — он глядит; прогнали его — встал в сторонку, глядит. Дерутся два петуха — глядит. Посадили Ендрека на тележку, везут, вывалили. Мать позвала. И это лишь одна, первая половина шестнадцатичасового дня.

Никто не говорит ему, что мал; сам чувствует, когда не под силу. Никто не говорит ему, что кошка царапается, что он не умеет сходить по ступенькам. Никто не учит, как относиться к большим ребятам. «По мере того как Ендрек подрастал, прогулки уводили его все дальше от хаты» (Виткевич)*.

Часто путает, ошибается; в результате — шишка, в результате — большая шишка, в результате — шрам.

Да нет, я вовсе не хочу заменить чрезмерную заботу отсутствием всякой заботы. Я лишь показываю, что деревенский годовалый ребенок уже живет, тогда как наш зрелый юноша еще только будет когда-то жить. Боже мой, да когда же?

43. Бронек хочет открыть дверь. Двигает стул. Останавливается и отдыхает, помощи не просит. Стул тяжелый, Бронек устал. Теперь тащит попеременно то за одну, то за другую ножку. Работа идет медленно, но становится легче. Стул уже от двери близко; Бронеку кажется, что дотянется, вскарабкается, встал на ноги. Я придерживаю слегка за платье. Пошатнулся, испугался, слез. Придвигает к самой двери, но ручка осталась в стороне. Вторая неудачная попытка. Ни тени нетерпения. Опять трудится, лишь дольше передышки. Взбирается в третий раз: нога — вверх, рывок рукой, упор на согнутое колено, повис, ищет равновесия, новое усилие, рука цепляется за край стула, лег на живот, пауза, бросок тела вперед, встал на колени, выпутывает ноги из платья — стоит. Бедные вы мои лилипутики в стране великанов! Голова у вас вечно задрана вверх, чтобы что-нибудь да увидеть. Окно где-то высоко, как в тюрьме. Чтобы сесть на стул, надо быть акробатом. Напряжение всей мускулатуры и всех сил ума, чтобы достать наконец дверную ручку...

Дверь открыта, Бронек глубоко вздохнул. Этот глубокий вздох облегчения мы видим уже у младенцев после каждого усилия воли, длительного напряжения внимания. Когда кончаешь интересную сказку, ребенок тоже вздыхает. Я хочу, чтобы это поняли.

Такой глубокий отдельный вздох доказывает, что до этого дыхание было замедленное, поверхностное, недостаточное; затаив дыхание, ребенок смотрит, ждет, следит, силится

вплоть до полного истощения кислорода, до отравления тканей. Организм шлет сигнал тревоги в дыхательный центр; наступает глубокий вздох, который восстанавливает кислородный обмен.

Если вы умеете определять радость ребенка и ее силу, вы должны знать, что самая высокая радость — преодоленной трудности, достигнутой цели, раскрытой тайны, радость триумфа и счастье самостоятельности, овладения и обладания.

— Где мама? Нет мамы. Ищи.

Нашел! Почему так смеется?

— Убегай, мама сейчас тебя поймает! Ой, не может догнать! Ох, и счастлив же!

Почему хочет ползать, ходить, вырывается из рук? Обычная сценка: семена ножонками, ребенок отходит от няньки, видит — нянька гонится, он давай убегать, и, забыв об опасности, летит, очертя голову, в экстазе свободы — и или растягивается во весь рост на земле, или, пойманный, вырывается, пинается ногами и визжит.

Скажите: избыток энергии? Это физиологическая сторона, а я ищу психофизиологическую.

Спрашиваю: почему ребенок хочет, когда пьет, сам держать стакан, чтобы мать даже не притрагивалась; почему, когда уже и не хочется есть, ест, если позволили самому черпать ложкой? Почему с такой самозабвенной радостью гасит спичку, волочит комнатные туфли отца, несет скамеечку бабушке? Подражание? Нет, нечто значительно большее и ценнейшее.

— Я сам! — восклицает ребенок тысячи раз жестом, взглядом, смехом, мольбой, гневом, слезами.

44. — А ты умеешь сам открывать дверь? — спросил я у пациента, мать которого предупредила меня, что он боится докторов.

— Даже в уборной, — поспешно ответил он.

Я рассмеялся. Мальчуган смутился, а я еще больше. Я вырвал у него признание в тайном торжестве и осмеял.

Нетрудно догадаться, что было время, когда все двери уже стояли перед ним настежь, а дверь от уборной не поддавалась его усилиям и была целью его честолюбивых стремлений; он походил в этом на молодого хирурга, который мечтает провести трудную операцию.

Он не доверялся никому, зная, что в том, что составляет его внутренний мир, он не найдет отклика у окружающих.

Быть может, не раз его обругали или обидели недоверием: «И чего ты там все вертишься, чего ты там ковыряешься? Оставь, испортишь. Сию же минуту марш в комнату!»

Так он украдкой, тайком трудился и наконец... открыл!

Обратили ли вы внимание, как часто, когда раздается в передней звонок, вы слышите просьбу:

— Я отворю?

Во-первых, замок у входных дверей трудный, во-вторых, чувство, что там, за дверью, стоит взрослый, который сам не может сладить и ждет, когда ты, маленький, поможешь...

Вот какие небольшие победы празднует ребенок, уже грезящий о дальних путешествиях; в мечтах он — Робинзон на безлюдном острове, а в действительности рад-радехонек, когда позволяют выглянуть в окошко.

— Ты умеешь сам влезать на стул? Умеешь прыгать на одной ножке? А можешь левой рукой ловить мячик?

И ребенок забывает, что не знает меня, что я стану осматривать ему горло и пропишу лекарство. Я затрагиваю то, что в нем берет верх над чувством смущения, страха, неприязни, и он радостно восклицает:

— Умею!

Видали ли вы, как младенец долго, терпеливо, с застывшим лицом, открытым ртом и сосредоточенным взглядом снимает и натягивает чулочек или башмачок? Это не игра, не подражание, не бессмысленное битье баклуш, а труд.

Какую пищу дадите вы его воле, когда ему исполнится три года, пять лет, десять?

45. Я!

Когда новорожденный сам себя царапает; когда младенец, сидя, тащит в рот ногу, валится назад и сердито ищет вокруг виновника; когда, дернув себя за волосы, морщится от боли, но возобновляет опыт; когда ударяет себя ложкой по голове и смотрит вверх — что там такое, чего он не видит, но чувствует? — он не знает себя.

Когда изучает движения рук; когда, сося кулачок, внимательно рассматривает его; когда во время кормления бросает сосать и сравнивает ногу с грудью матери; когда, семена ножонками, останавливается и глядит вниз, выискивая то, что поддерживает его совсем иначе, чем материнские руки; когда сравнивает правую ногу, в чулке, с левой, без чулка, он стремится познать и знать.

Когда, купаясь, исследует воду, отыскивая во многих не осознающих себя каплях себя, каплю сознающую, он предугадывает великую истину, которую заключает короткое слово «я».

Лишь художник-футурист может изобразить нам младенца таким, каким он себя видит: пальцы, кулачок, менее четко ноги, быть может, животик, быть может, даже и голова, но только пунктирной линией, как на карте Заполярья.

Работа еще не кончена: оборачиваясь, он наклоняет голову, чтобы увидеть, что таится у него сзади, изучает себя в зеркале и присматривается к фотографии, находя то углубление пупка, то возвышение родинки; а тут уже ждет его новая работа: надо отыскать себя среди окружающих. Мать, отец, какой-то дядя, какая-то тетя, одни часто появляются, другие редко — полным-полно

таинственных личностей, чье происхождение неясно, а поступки загадочны.

Едва ребенок установил, что мама у него для того, чтобы выполнять его желания или идти им наперекор, папа приносит деньги, а тети — шоколадки, как у себя в мыслях, где-то в себе он открывает новый, еще более удивительный невидимый мир.

А дальше надо отыскать себя в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной.

Вот, волосы седые, а работа не кончена.

46. Мое.

Где таится эта простейшая мысль-чувство? Быть может, сливается с понятием «я»? Быть может, когда младенец протестует против завертывания рук, он борется за них как за «мое», а не за «я»? А забирая у него ложку, которой он стучит по столу, ты лишаешь его не собственности, а способности давать выход энергии, высказываться на особый лад, звуком?

Рука эта — не совсем рука, а скорее послушный дух Аладдина — держит бисквит, приобретя новую ценную собственность, и ребенок эту собственность защищает.

Каким образом понятие собственности вяжется у него с понятием повышенной мощи? Лук для дикаря был не только собственностью, но и усовершенствованной рукой, поражающей на расстоянии.

Ребенок не хочет отдать газету, которую рвет, ибо он исследует, тренируется, ибо это материал, как рука — инструмент, который звука не издает и в еду не годится, но в соединении с погремущкой — говорит, а в соединении с булочкой придает сосанию добавочное приятное ощущение.

И лишь потом приходят подражание, соперничество, желание выдвинуться. Ибо собственность вызывает уважение, повышает цену, дает власть. Без мяча он остался бы незамеченным, а с мячом может занять в игре видное положение независимо от заслуг; с игрушечной саблей становится офицером, с вожжами — кучером; а рядовой, лошадка — тот, кто ничем не владеет.

«Дай мне, позволь, уступи» — просьба, которая щекочет самолюбие.

«Захочу — дам, а не захочу — не дам», в зависимости от каприза, потому что это «мое».

47. Хочу иметь — имею, хочу знать — знаю, хочу мочь — могу — вот три разветвления общего ствола воли, корни которой два чувства: удовлетворения и неудовлетворения.

Младенец старается понять себя и окружающий его мир, живой и мертвый, — с этим связано его благополучие. Спрашивая словами или взглядом: «Что это?» — он требует не название, а оценку.

— Что это?

— Фи, брось, это бяка, это нельзя брать в руки.

— Что это?

— Цветочек, — и улыбка, и ласковое выражение лица — разрешение.

Бывает, спрашивая о предмете нейтральном и получая название без эмоциональной мимической оценки, ребенок не знает, что делать с ответом, и, удивленно и как бы разочарованно глядя на мать, повторяет, растягивая, название. Чтобы понять, что кроме желаемого и нежелаемого есть еще мир нейтральный, ему надо иметь опыт.

— Что это?

— Вата.

— Ва-а-ата? — и ребенок всматривается в лицо матери, ожидая указания, что об этом думать.

Путешествуй я в обществе туземца по субтропическому лесу и спроси я при виде растения с неизвестным мне плодом: «Что это?» — туземец, не зная языка, но угадывая мой вопрос, отвечал бы окриком, гримасой или улыбкой, что это яд, вкусная пища или бесполезный предмет, который не стоит класть в рюкзак.

Детские «что это?» означают: какой? для чего служит? какая мне от него может быть польза?

48. Обычная, но интересная картинка:

Сошлись, семена еще нетвердыми ножонками, два малыша; у одного мяч или пряник, а другой хочет это отнять.

Матери неприятно, когда ее ребенок вырывает что-нибудь у другого ребенка, не хочет отдать, поделиться, «дать поиграть». То, что ребенок выходит из общепринятой нормы условных приличий, компрометирует ее.

В сцене, о которой идет речь, ход событий может быть троякий:

Один ребенок вырывает, другой удивленно смотрит, потом переводит глаза на мать, ожидая оценки непонятной ситуации.

Или: один старается вырвать, но коса нашла на камень — подвергшийся нападению прячет предмет общих вожделений за спину, отталкивает нападающего, опрокидывает его. Матери спешат на помощь.

Или: смотрят друг на дружку, боязливо сходятся, один неуверенно тянется, другой так же неуверенно защищается. И только после долгой подготовки вступают в конфликт.

Здесь играет роль возраст обоих и жизненный опыт. Ребенок, у которого есть старшая сестра или старший брат, уже многократно выступал в защиту своих прав или собственности, а подчас атаковал и сам. Но откинем все случайное, и мы увидим две отличные индивидуальности, два характерных типа: деятельный и бездеятельный, активный и пассивный.

«Он добрый: все отдаст».

Или:

«Глупышка: все у себя даст забрать».
Это не доброта и не глупость.

49. Кротость, слабее жизненный порыв, ниже взлет воли, боязнь действия. Ребенок избегает резких движений, живых экспериментов, трудных начинаний.

Меньше действуя, меньше и добывает фактических истин, потому вынужден больше верить и дольше подчиняться.

Менее ценный интеллект? Нет, просто иной. У ребенка пассивного меньше синяков и досадных ошибок, и ему не хватает горького опыта; хотя приобретенный он, может быть, помнит лучше. У активного больше шишек и разочарований, и, быть может, он скорее их забывает. Первый переживает медленнее и меньше, но, может быть, глубже.

Пассивный удобнее. Оставленный один, не выпадет из коляски, не поднимет по пустякам весь дом на ноги, поплачет и легко успокоится, не требует слишком настойчиво, меньше ломает, рвет, портит.

— Дай, — не протестует. — Надень, возьми, сними, съешь, — подчиняется.

Две сценки:

Ребенок не голоден, но на блюдечке осталась ложка каши, значит, должен доест, количество назначено врачом. Нехотя открывает рот, долго и лениво жует, медленно и с усилием глотает. Другой, тоже не голодный, стискивает зубы, энергично мотает головой, отталкивает, выплевывает, защищается.

А воспитание?

Судить о данном ребенку по двум диаметрально противоположным типам детей — это говорить о воде на основании свойств кипятка и льда. Шкала — сто градусов, где же мы поместим свое дитя? Но мать может знать, что врожденное, а что с трудом выработанное, и обязана помнить, что все, что достигнуто дрессировкой, нажимом, насилием, непрочно, неверно и ненадежно. И если податливый, хороший ребенок делается вдруг непослушным и строптивым, не надо сердиться на то, что ребенок есть то, что он есть.

50. Крестьянин, чей взор устремлен на небо и землю — сам плод и продукт земли, — знает предел человеческой власти. Быстрая, ленивая, пугливая, норовистая лошадь, ноская курица, молочная корова, урожайная и неурожайная почва, дождливое лето, зима без снега — всюду встречает он что-то, что можно слегка изменить или изрядно подправить надзором, тяжким трудом, кнутом. А бывает, что и никак не сладишь.

У мещанина слишком высокое понятие о человеческой мощи. Картофель не уродился, но достать можно, надо только заплатить подороже. Зима — надевает шубу, дождь — калоши, засуха — поливают улицы, чтобы не было пыли. Все можно ку-

пить, всякому горю помочь. Ребенок бледен — врач, плохо учится — репетитор. А книжка, поясняя, что надо делать, создает иллюзию, что можно всего добиться.

Ну как тут поверить, что ребенок должен быть тем, что он есть, что, как говорят французы, экзематика можно выбелить, но не вылечить?

Я хочу раскормить худого ребенка, я делаю это постепенно, осторожно, и — удалось: килограмм веса завоеван. Но достаточно небольшого недомогания, насморка, не вовремя данной груши, и пациент теряет эти с трудом добытые два фунта.

Летние колонии для детей бедняков. Солнце, лес, река; ребята впитывают веселье, доброту, приличные манеры. Вчера — маленький дикарь, сегодня он — симпатичный участник игр. Забит, пуглив, туп — через неделю смел, жив, полон инициативы и песен. Здесь перемена с часу на час, там с недели на неделю; кое-где никакой. Это не чудо и не отсутствие чуда; есть только то, что было и ждало, а чего не было, того и нет.

Учу недоразвитого ребенка: два пальца, две пуговицы, две спички, две монеты — «два». Он уже считает до пяти. Но измени порядок слов, интонацию, жест — и опять не знает, не умеет.

Ребенок с пороком сердца: смирный, медлительные движения, речь, даже смех. Задыхается, каждое движение поживее для него — кашель, страдание, боль. Он должен быть таким.

Материнство облагораживает женщину, когда она отказывается, отрекается, жертвует; и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на растерзание своему тщеславию, вкусам и страстям.

Мой ребенок — это моя собственность, мой раб, моя комнатная собачка. Я шекочу его за ухом, глажу по спинке, нацепив бант, веду на прогулку, дрессирую, чтобы был смышлен и вежлив, а надоест мне:

«Иди поиграй. Иди позанимайся. Спать пора!»

Говорят, лечение истерии заключается в этом:

«Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте».

— Ты вспылчив, — говорю я мальчику. — Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день.

Если хотите, в этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь.

51. Видишь этого мальчишку, как он носится, крича во все горло, и барахтается в песке? Он будет когда-нибудь знаменитым химиком и сделает открытия, которые принесут ему уважение, высокий пост, состояние. Да-да, вдруг между гулянкой и балом вертопрах одумается, запретя в своей лаборатории и выйдет ученым. Кто бы мог ожидать?

Видишь другого, как равнодушно следит сонным взглядом за игрой сверстников? Зевнул, встал, — может, подойдет к разыг-

равшейся ребятне? Нет, опять сел. И он станет знаменитым химиком и сделает открытия. Чудеса: кто бы мог предполагать?

Нет, ни маленький сорванец, ни соня не будут учеными. Один станет учителем физкультуры, а другой почтовым служащим.

Это преходящая мода, ошибка, неразумие, что все невыдающееся кажется нам неудавшимся, малоценным. Мы болеем бес-смертием. Кто не дорос до памятника на площади, хочет иметь хотя бы переулочек своего имени — дарственную запись на вечные времена. Если не четыре столбца посмертно, то хотя бы упоминание в тексте: «Принимал деятельное участие... Оставил сожаление о себе в широких общественных кругах».

Улицы, больницы, приюты носили когда-то имена святых патронов, и это имело смысл; позже — монархов, это было знамением времени; нынче — ученых и артистов, и в этом нет никакого смысла. Уже воздвигаются памятники идеям и безымянным героям — тем, у кого нет памятника.

Ребенок не лотерейный билет, на который должен пасть выигрыш в виде портрета в зале магистратуры или бюста в фойе театра. В каждом есть своя искра, которая может зажигать костры счастья и истины, и в каком-нибудь десятом поколении, быть может, запольхает он пожаром гения и спалит род свой, одарив человечество светом нового солнца.

Ребенок не почва, вспаханная наследственностью под посев жизни; мы можем лишь содействовать росту того, что дает буйные побеги еще до первого его вздоха.

Известность нужна новым сортам табака и новым маркам вина, но не людям.

52. Стало быть, фатум наследственности, абсолютная предопределенность, банкротство медицины, педагогики? Фраза мечет молнии.

Я назвал ребенка сплошь исписанным пергаментом, уже засеянной землей? Отбросим сравнения, они вводят в заблуждение.

Существуют случаи, когда в современных условиях жизни мы бываем бессильны. Сегодня их меньше, чем вчера, но они существуют.

Существуют случаи, когда в современных условиях жизни мы бываем беспомощны. Этих несколько меньше.

Вот ребенок, которому самое горячее желание добра и самые упорные старания дадут мало.

А вот другой, которому дали бы много, да мешают условия. Одному деревня, горы, море дадут немного, другому и помогли бы, да мы не можем их ему предоставить.

Когда мы встречаем ребенка, гибнущего из-за недостатка ухода, воздуха и одежды, мы не виним родителей. Когда мы видим ребенка, которого калечат излишней заботой, перекармливают, перегревают, оберегая от мнимых опасностей, мы склон-

ны винить мать, нам кажется, что беде легко помочь, было бы желание понять. Нет, нужно очень большое мужество, чтобы действием, а не бесплодной критикой оказать сопротивление нормам поведения, обязательного для данного класса или прослойки. Если там мать не может умыть ребенка и вытереть ему нос, здесь не может позволить ходить чумазым и в худых башмаках. Если там со слезами забирает из школы и отдает в учение к мастеру, здесь с равно мучительным чувством должна посылать в школу.

— Пропадет мой парнишка без школы, — говорит одна, отнимая книжку.

— Испортят мне моего ребенка в школе, — говорит другая, покупая новые полпуда учебников.

53. Для широких кругов общества наследственность является фактом, который заслоняет собой все встречающиеся исключения, для науки — это проблема, находящаяся в стадии изучения. Существует обширная литература, стремящаяся решить один лишь вопрос: рождается ли ребенок туберкулезных родителей уже больным, только с предрасположением или заражается после рождения? Принимали ли вы во внимание, когда думали о наследственности, следующие простые факты: что, кроме передачи по наследству болезней, существует передача по наследству крепкого здоровья, что братья и сестры не являются братьями и сестрами по полученным ими плюсам и минусам, запасам здоровья и его изъянам? Не принимали? А должны были и обязаны были принимать. Первого ребенка рожают здоровые родители; второй будет уже ребенком сифилитиков, если родители заболели этой болезнью; третий — ребенком сифилитиков-туберкулезников, если родители заразились еще и туберкулезом. В этом отношении эти трое детей — чужие друг другу люди: не отягощенный тяжелой наследственностью, отягощенный, дважды отягощенный тяжелой наследственностью. И наоборот, больной отец вылечился, и из двоих детей этого отца первый ребенок — больного родителя, второй — здорового.

Потому ли ребенок нервный, что рожден нервными родителями, или потому, что воспитан ими? Где граница между невропатичностью и утонченностью психической конституции — наследственной одухотворенностью?

Рождает ли отец-гуляка расточителя-сына или заражает своим примером?

«Скажи мне, кто тебя породил, и я скажу, кто ты» — но не всегда.

«Скажи мне, кто тебя воспитал, и я скажу, кто ты» — и это не так.

Отчего у здоровых родителей бывает слабое потомство? Отчего в порядочной семье вырастает подлец? Отчего в заурядной семье появляется знаменитый потомок?

Кроме законов наследственности надо параллельно изучать воспитывающую среду, тогда, может быть, не одна загадка найдет свое разрешение.

Воспитывающей средой я называю тот дух, который царит в семье; отдельные члены семьи не могут занимать по отношению к нему произвольной позиции. Этот руководящий дух подчиняет и не терпит сопротивления.

54. Догматическая среда.

Традиция, авторитет, обряд, веление как абсолютный закон, необходимость как жизненный императив. Дисциплина, порядок и добросовестность. Серьезность, душевное равновесие и ясность, вытекающая из твердости, ощущения прочности и устойчивости, уверенности в себе, в своей правоте. Самоограничение, самопреодоление, труд как закон, высокая нравственность как навык. Благоразумие, доходящее до пассивности, одностороннего незамечания прав и правд, которые не стали традицией, не осял авторитет, не закрепил механически шаблон поступков.

Если уверенность в себе не перейдет в своеволие, а простота в грубость, эта плодородная воспитывающая среда либо сломает чуждого ей духом ребенка, либо изваяет воистину прекрасного человека, который будет уважать суровых наставников, ибо они не тешили им, а вели тяжелым путем к ясно начертанной цели.

Неблагоприятные условия, ущемление физических потребностей не меняют духовного существа среды. Прилежание переходит в истовый труд, спокойствие — в отрешенность человека, ожесточившегося в стремлении устоять; иногда робость и смирение, всегда сознание своей правоты и надежда. И апатия, и энергия здесь не слабость, а сила, которую тщетно пытается одолеть чужая злая воля.

Догмой могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех; могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог — Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь.

55. Идейная среда.

Сила ее не в твердости духа, а в полете, порыве, движении. Здесь не работаешь, а радостно вершишь. Творишь сам, не дожидаясь. Нет повеления — есть добрая воля. Нет догм — есть проблемы. Нет благоразумия — есть жар души, энтузиазм. Сдерживающим началом здесь — отвращение к грязи, моральный эстетизм. Бывает, здесь временами ненавидят, но никогда не презирают. Терпимость тут не половинчатость убеждений, а уважение к человеческой мысли, радость, что свободная мысль парит на разных уровнях и в разных направлениях — сталкиваясь, снижая полет и взмывая — наполняет собой просторы. Отважный сам, ты жадно ловишь отзвуки чужих молотов и с любопытством ждешь завтрашнего дня, его новых восторгов, недоумений, зна-

ний, заблуждений, борьбы, сомнений, утверждений и отрицаний.

Если догматическая среда способствует воспитанию пассивного ребенка, то идейная — хорошая почва под посев активных детей. Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получать готовыми. Не видеть этого можно, если подходить к ребенку с «Я из тебя сделаю человека», а не с пытливым: «Каким ты можешь быть, человек?»

56. Среда безмятежного потребления.

У меня есть столько, сколько надо, — а значит, мало, если я ремесленник или чиновник, или много, если я владелец обширных поместий. И я хочу быть тем, кто я есть, а значит, мастером, начальником станции, адвокатом, писателем. Работа для меня не служение чему-то, не место в жизни, не самоцель, а средство для обеспечения себе удобств, желательных условий.

Душевный покой, беззаботность, чувствительность, приветливость, доброта, трезвости сколько надо, самосознание, какое добывается без труда.

Нет упорства ни в желании сохранить, продержаться, ни в стремлении достичь, найти.

Ребенок живет в атмосфере внутреннего благополучия и ленивой консервативной привычки, снисходительности к современным течениям, среди привлекательной простоты. Здесь он может быть всем, чем хочет: сам — из книжек, бесед, встреч и жизненных впечатлений — тклет себе основу мировоззрения, сам выбирает путь.

Добавлю: взаимная любовь родителей. Редко ребенок чувствует ее отсутствие, когда ее нет, но жадно впитывает ее, когда она есть.

«Папа на маму сердится, мама с папой не разговаривает, мама плакала, а папа как хлопнет дверью» — это туча, которая застилает небесную синеву и сковывает ледяной тишиной радостный гомон детской.

Я сказал во вступлении:

«Велеть кому-нибудь дать тебе, матери, готовые мысли — это поручить чужой женщине родить твое дитя».

Может, не один из вас подумал:

«А мужчина? Разве не чужая женщина рождает его ребенка?»

Нет: любимая, не чужая.

57. Среда внешнего лоска и карьеры.

Опять выступает упорство, но оно вызвано к жизни холодным расчетом, а не духовными потребностями. Ибо нет здесь места для полноты содержания, есть одна лукавая форма — ис-

кусная эксплуатация чуждых ценностей, приукрашивание зияющей пустоты. Лозунги, на которых можно заработать. Этикет, которому надо покоряться. Не достоинства, а ловкая самореклама. Жизнь не как труд и отдых, а вынюхивание и обхаживание. Ненасытное тщеславие, хищность, недовольство, высокомерие и раболопие, зависть, злоба, злорадство.

Здесь детей и не любят, и не воспитывают, здесь их только оценивают, теряют на них или зарабатывают, покупают и продают. Поклон, улыбка, пожатие руки — ясное дело, все здесь подсчитано: и брак, и плодовитость. Добывается деньгами, повышением в чине, орденом, связями в высших сферах.

Если в подобной среде вырастает нечто положительное, это лишь видимость, лишь более искусная игра, точнее пригнанная маска. Однако и в среде распада и гангрены, в муках и душевном раздвоении вырастает иногда пресловутая «жемчужина в навозной куче». Такие случаи показывают, что наряду с общепризнанным законом о влиянии воспитания существует и другой — закон антитезы. Мы видим проявление этого закона, когда у скряги вырастает расточитель, у безбожника — человек богобоязненный, у труса — герой, чего нельзя односторонне объяснять одной «наследственностью».

58. В законе антитезы выступает сила противопоставления себя внушением, исходящим из разных источников и осуществляемым разными способами. Это защитный механизм сопротивления и самообороны, в некотором роде инстинкт самосохранения духовного склада, чуткий, действующий автоматически.

Если морализаторство уже достаточно дискредитировано, то влияние примера, среды пользуется в воспитании полным доверием. Отчего тогда это влияние так часто подводит?

Спрашиваю: почему ребенок, услышав ругательное слово, старается его повторить вопреки запретам, а и уступив угрозам, хранит в памяти?

Где источник этой с виду злой воли, когда ребенок упорствует, хотя мог бы легко уступить?

— Надень пальто.

Нет, хочет идти без пальто.

— Надень розовое платье.

А ей как раз хочется голубое.

Не настаиваешь — послушается, станешь настаивать, просить или угрожать — заартачится и уступит лишь по принуждению.

Почему чаще всего в период созревания ребенка наше банальное «да» сталкивается с его «нет»? Не есть ли это одно из проявлений того глубокого противодействия соблазнам, которые сейчас идут изнутри, а могут прийти извне?

«Печальная ирония судьбы велит добродетели жаждать греха, а преступлению видеть непорочные сны» (Мирбо)*.

Преследуемая религия находит более горячий отклик. Стремление усыпить национальное самосознание успешнее его пробуждает. Я, может быть, смешал здесь факты из разных областей, но мне лично гипотеза о законе антитезы объясняет многие парадоксальные реакции на воспитательные воздействия — и удерживает от многочисленных слишком частых и энергичных попыток влиять даже в самом желательном направлении.

Дух, который царит в семье? Согласен. Но где дух эпохи? Остановившись у границ попоранной свободы; мы трусливо прятали от него ребенка. «Легенда молодой Польши» Бжозовского* не уберегла меня от узкого взгляда на жизнь.

59. Что представляет собой ребенок? Что представляет хотя бы только физически? Развивающийся организм. Правильно. Но увеличение в весе и в росте — лишь одно из многих проявлений этого развития. Науке уже известно несколько частных моментов роста; он неравномерен, темп его то живой, то вялый. Кроме того, мы знаем, что ребенок не только растет, но и меняет пропорции.

Широкие массы родителей не знают и этого. Сколько раз, бывало, мать вызывает врача, жалуясь, что ребенок побледнел, похудел, тельце сделалось вялое, личико и головка уменьшились. Она не знает, что младенец, вступая в период первого детства, утрачивает жировые складки, что с развитием грудной клетки голова скрадывается расширяющимися плечами, что как части тела, так и внутренние органы развиваются по-разному, что мозг, сердце, желудок, голова, глаза, кости конечностей растут каждый по-своему, что, не будь этого, взрослый человек был бы чудовищем с огромной головой на коротком толстом туловище и не мог бы двигаться на двух жировых валиках ног, что росту сопутствует изменение пропорций.

Мы имеем несколько десятков тысяч измерений, десятков не вполне совпадающих графиков обычного процесса роста и не знаем ничего о значении встречающихся у детей ускорений, запозданий и отклонений в развитии. Зная с пятого на десятое анатомию роста, мы не знаем его физиологию, потому что добросовестно изучали больного ребенка и лишь недавно начали приглядываться, и то издали, к здоровому. Вот уже сто лет, как нашей клиникой является больница и не начала еще быть школа.

60. Ребенок переменялся. С ним что-то случилось. Мать не всегда умеет сказать, в чем перемена, зато у нее всегда готов ответ на вопрос, чему следует ее приписать.

— Ребенок переменялся после прорезывания зубов, после прививки от кори, после отнятия от груди, после того как выпал из кроватки.

Уже ходил и вдруг перестал ходить; просился на горшок и опять мочится; «ничего» не ест, спит беспокойно, мало или че-

ресчур много, стал капризен, слишком подвижен или слишком вял, похудел.

Другой этап:

После поступления в школу, после возвращения из деревни, после кори, после прописанных ванн, после испуга из-за пожара. Изменился сон, аппетит, изменился характер: раньше ребенок был послушный, теперь озорник; раньше прилежный, теперь рассеянный и ленивый. Бледненький, сутулится, какие-то некрасивые выходки. Может, невоспитанные товарищи, может, учеба, может, болел?

Двухлетнее пребывание в Доме сирот и скорее разглядывание ребенка, чем изучение, позволили установить: все, что известно как неравномерность периода созревания, переживается ребенком на протяжении ряда лет в виде небольших и неярких переломов, равно критических, лишь менее бросающихся в глаза и потому еще не замеченных наукой.

Стремясь к единству взглядов на ребенка, некоторые рассматривают его как организм быстро утомляющийся. Отсюда большая потребность в сне, слабая сопротивляемость болезням, уязвимость органов, малая психическая выносливость. Взгляд правилен, да не для всех этапов развития. Ребенок бывает попеременно то сильным, бодрым и жизнерадостным, то слабым, усталым и угрюмым. Если он заболевает в критический период, мы склонны думать, что организм его уже был подточен болезнью; я же считаю, что болезнь развилась на почве мимолетного ослабления, что или она притаилась и ждала наиболее благоприятных условий для нападения, или, случайно нанесенная извне, расхо-зйничалась, не встретив сопротивления. Если мы перестанем в будущем разбивать цикл жизни на искусственные: младенец, ребенок, юноша, зрелый человек и старик, то основанием для периодизации является уже не рост и внешнее развитие, а еще не известное нам глубокое преобразование всего организма в целом, которое Шарко* проследил в лекции об эволюции артрита на двух поколениях от колыбели и до могилы.

61. Между первым и вторым годом жизни ребенка часто меняют домашнего врача. В это время ко мне поступали пациенты — дети матерей, разобиженных на моего предшественника, который якобы не проявил должной компетенции, и наоборот, матери бросали меня, обвиняя, что то или иное нежелательное явление возникло по моей оплошности. И те и другие правы постольку, поскольку врач считал младенца здоровым, как вдруг выплывал не предусмотренный им ранее незаметный изъян. Но стоит терпеливо переждать критический момент, и ребенок, слегка отягощенный наследственностью, восстановит мимолетно нарушенное равновесие, а в состоянии более сильно отягощенного наступит улучшение, и дальнейшее развитие юной жизни опять протекает спокойно.

Если в этот первый — как и во второй, школьный — период нарушенных функций применять определенные меры, улучшение приписывается именно им. И если сегодня нам уже известно, что улучшение при воспалении легких или тифе наступает после завершения цикла болезни, тут неурядица должна продолжаться до тех пор, пока мы не установим этапы развития ребенка и не наметим особые кривые развития для детей разного типа.

В кривой развития ребенка есть и весны, и затишья осени, периоды и напряженного труда, и отдыха в целях доделки, завершения выполненной в спешке работы и предварительного сбора запасов для дальнейшего построения организма. Семимесячный плод уже способен жить, а ведь еще два долгих месяца (почти четвертую часть беременности) он созревает во чреве матери!

Младенец, утраивающий за год исходный вес, имеет право на отдых. Молниеносный путь, который продельывает его психическое развитие, дает ему также право забыть кое-что из того, что он уже умел или знал и что мы преждевременно записали в прочные завоевания.

62. Ребенок не хочет есть.

Простенькая задачка по арифметике.

Ребенок родился 8 фунтов с лишним, через год он утроил свой вес и весит уже 25 фунтов. Продолжай он расти в том же темпе, к концу второго года он весил бы $25 \text{ ф.} \times 3 = 75 \text{ ф.}$

К концу третьего года: $75 \text{ ф.} \times 3 = 225 \text{ ф.}$

К концу четвертого года: $225 \text{ ф.} \times 3 = 675 \text{ ф.}$

К концу пятого года: $675 \text{ ф.} \times 3 = 2025 \text{ ф.}$

Чтобы прокормить это пятилетнее чудовище, весящее 2000 фунтов и потребляющее ежедневно количество пищи, равное $1/6 - 1/7$ своего веса, как это имеет место у младенцев, требовалось бы ежедневно 300 фунтов продуктов питания.

В зависимости от механики роста ребенок ест мало, очень мало, много, очень много. Кривая веса поднимается медленно или внезапно, а то и не меняется месяцами. Она неумолимо последовательна: недомогая, ребенок в течение нескольких дней теряет в весе, зато в последующие на столько же и прибавляет, повинувшись внутреннему голосу, говорящему: «столько, и не больше». Когда здоровый, но недокармливаемый по бедности ребенок переходит на нормальную диету, он за неделю восполняет недостачу и достигает своего веса. Если каждую неделю взвешивать ребенка, через некоторое время он уж угадывает, прибыл в весе или убыл:

«На прошлой неделе я убыл на триста граммов, видно, нынче прибавлю на пятьсот. — Сегодня я весю меньше, я не ужинал. — Опять я на пятьсот прибавил, спасибо...»

Ребенок хочет угодить родителям: неприятно огорчать мать, выполнение родительской воли приносит ему неисчислимую пользу. А значит, если не съест котлетку и не выпьет молоко, это

оттого, что не может. Если же заставлять, повторяющееся через определенные промежутки времени расстройство желудка с соответствующей диетой отрегулирует нормальное увеличение в весе.

Принцип: ребенок должен есть столько, сколько хочет, не больше и не меньше. Даже при усиленном питании больного ребенка меню можно составлять лишь при его участии и вести лечение лишь под его контролем.

63. Заставлять детей спать, когда им не хочется спать, преступление. Таблица, устанавливающая, когда и сколько часов спать ребенку, — абсурд. Определить необходимое для данного ребенка количество часов сна легко, если есть часы: надо определить, сколько он проспит не просыпаясь и проснется выпавшимся. Я говорю: «выспавшимся», а не «бодрым». Бывают периоды, когда ребенку требуется больше сна, и такие, когда ребенок, хотя и устал, хочет не спать, а просто полежать в постели.

Период утомления: вечером неохотно ложится — не хочется спать; утром неохотно поднимается — не хочется вставать. Вечером делает вид, что не спится, а то не позволяет вырезать, лежа в постели, картинки, играть в кубики или в куклы, погасят свет и запретят разговаривать. Утром делает вид, что спит, а то велят сейчас же вставать и умываться холодной водой. С какой радостью приветствует он кашель или жар, которые позволяют оставаться в постели!

Период безмятежного равновесия: быстро заснет, но проснется ни свет ни заря, полон энергии, потребности движения, озорной инициативы. Его не остановят ни пасмурное небо, ни холод в комнате: босой, в одной рубашке, разогреется, прыгая по столу и стульям. Что делать? Класть поздно спать, даже, о ужас, в одиннадцать часов. Позволить играть в постели. Спрашивается, почему разговоры перед сном должны «перебивать сон», а нервничанье, что поневоле приходится быть непослушным, не «перебивает сон»?

Принцип — неважно, правильный ли — рано ложиться, рано вставать — родители ради собственной выгоды сознательно искажали; получилось: чем больше сна, тем полезнее для здоровья. К ленивой дневной скуке добавляют нервную вечернего ожидания сна. Трудно вообразить более деспотичный, граничащий с пыткой приказ:

— Спи!

Люди, которые поздно ложатся спать, бывают больны потому, что ночью они пьянствуют и распутничают, а должны ходить на работу рано, и они недосыпают.

Неврастеник, который как-то встал на рассвете и чувствовал себя прекрасно, поддался внушению.

Что ребенок, рано ложась спать, меньше находится при искусственном освещении — не такой уже большой плюс в городе,

где нельзя с зарей выбежать на лужайку, и он валяется при опущенных шторах в постели, уже обленившийся, уже мрачный, уже капризный — дурное предзнаменование для начинающегося дня...

Я не могу здесь в нескольких десятках строк развить тему (это относится ко всем затронутым в книге проблемам). Моя задача — пробуждать бдительность...

64. Что представляет собой ребенок как отличная от нашей душевная организация? Каковы его особенности, потребности, каковы скрытые, не замеченные еще возможности? Что представляет собой эта половина человечества, живущая вместе с нами, рядом с нами в трагичном раздвоении? Мы возлагаем на нее бремя завтрашнего человека, не давая прав человека сегодняшнего.

Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь — на детство и зрелость, то детей и детства в мире и в жизни много, очень много. Только, погруженные в свою борьбу и в свои заботы, мы их не замечаем, как не замечали раньше женщину, крестьянина, закабаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем.

В одном из парижских детдомов я видел два ряда перил у лестницы: высокие для взрослых, низкие для малышей. Этим да еще школьной партой и исчерпал себя гений изобретателя. Мало, очень мало! Взгляните на нищенские площадки для ребят со щербатой кружкой на ржавой цепи у бассейна в магнатских парках европейских столиц.

Где дома и сады, мастерские и опытные поля — орудия труда и знания для детей, людей завтрашнего дня? Еще одно окно да тамбур, отделяющий класс от клозета, — архитектура дала лишь столько; клеенчатая лошадка и жестяная сабля — столько дала промышленность; яркие картинки да рукоделия на стенах — немного; сказка? — не мы ее выдумали.

На наших глазах из наложницы возникла женщина-человек. Веками играла она насильно навязанную роль, воплощая тип, выработанный самовластием и эгоизмом мужчины, который не желал замечать женщину-труженицу, как не замечает и сейчас труженика-ребенка.

Ребенок еще не заговорил, он все еще слушает.

Ребенок — это сто масок, сто ролей способного актера. Иной с матерью, иной с отцом, с бабушкой, с дедушкой, иной со строгим и с ласковым педагогом, иной на кухне и среди ровесников, иной с богатыми и с бедными, иной в будничной и в праздничной одежде. Наивный и хитрый, покорный и надменный, кроткий и мстительный, благовоспитанный и шаловливый, он умест так до поры до времени затаиться, так замкнуть-

ся в себе, что вводит нас в заблуждение и использует в своих целях.

В области инстинктов ему недостает лишь одного, вернее, он есть, только пока еще рассеянный, как бы туман эротических предчувствий.

В области чувств превосходит нас силой, ибо не отработано торможение.

В области интеллекта по меньшей мере равен нам, недостает лишь опыта.

Оттого так часто человек зрелый бывает ребенком, а ребенок — взрослым.

Вся же остальная разница в том, что ребенок не зарабатывает деньги и, будучи на содержании, вынужден подчиняться.

Детские дома теперь уже меньше похожи на казармы и монастыри — это почти больницы. Гигиена есть, зато нет у них улыбки и радости, неожиданности и шаловливости; они серьезны, если не суровы, только по-другому. Архитектура их еще не заметила; «детского стиля» нет. Взрослый фасад, взрослые пропорции, старческий хлам деталей. Французы говорят, что Наполеон колокол монастырского воспитания заменил барабаном — правильно; я добавлю, что над духом современного воспитания тяготеет фабричный гудок.

65. Ребенок неопытен.

Приведу пример, попытаюсь объяснить.

— Я скажу маме на ушко.

И, обнимая мать за шею, бормочет таинственно:

— Мамочка, спроси доктора, можно мне булочку (шоколадку, компот).

При этом поглядывает на доктора, кокетничая улыбкой, чтобы подкупить, вынудить позволение.

Старшие дети шепчут на ухо, младшие говорят обычным голосом...

Был момент, когда окружающие признали, что ребенок достаточно созрел для морали:

«Есть желания, которые нельзя высказывать. Эти желания бывают двойкие: одни вовсе не следует иметь, а если уж они есть, их надо стыдиться; другие допустимы, но только среди своих».

Нехорошо приставать; нехорошо, съев конфетку, просить вторую. А иногда вообще нехорошо просить конфетку: надо ждать, когда сами дадут.

Нехорошо делать в штанишки, но нехорошо и говорить: «Хочу пись-пись», будут смеяться. Чтобы не смеялись, надо сказать на ухо.

Порой нехорошо вслух спрашивать:

— Почему у этого дяди нет волос?

Дядя засмеялся, и все засмеялись. Спросить можно, да только шепотом, на ухо.

Ребенок не сразу поймет, что цель говорения на ухо — чтобы тебя слышало лишь одно доверенное лицо; и ребенок говорит на ухо, но громко:

— Я хочу пись-пись, я хочу пирожное.

А если и тихо говорит, все равно не понимает. Зачем скрывать то, о чем все присутствующие и так от мамы узнают?

У чужих ничего не надо просить, почему тогда у доктора можно, да еще вслух?

— Почему у этой собачки такие длинные уши? — спрашивает ребенок тихим-претихим шепотом.

Опять смех. Можно было и вслух спросить, собачка не обидится. Но ведь нехорошо спрашивать, почему у этой девочки не красивое платье? Ведь и платье не обидится?

Как объяснить ребенку, сколько здесь скверной зрелой фальши?

И как потом растолковать, отчего вообще нехорошо говорить на ухо?

66. Ребенок неопытен.

Смотрит с любопытством, жадно слушает и верит.

«Яблоко, тетя, цветочек, коровка» — верит!

«Красиво, вкусно, хорошо» — верит!

«Бяка, брось, нельзя, не тронь» — верит!

«Поцелуй, поздоровайся, поблагодари» — верит!

«Ушиблась, детусенька, дай мамочка поцелует; уже не больно».

Ребенок улыбается сквозь слезы, мамочка поцеловала, уже не больно. Ушибся — бежит за лекарством-поцелуем.

Верит!

— Любишь меня?

— Люблю...

— Мама спит, у мамы головка болит, маму будить нельзя.

Так он тихонько, на цыпочках подходит к маме, осторожно тянет за рукав и шепотом спрашивает. Он не разбудит, он только задаст вопрос. А потом: «Спи, спи, мамочка, у тебя головка болит».

— Там, наверху, Боженька, Боженька непослушных детей не любит, а послушным дает булочки, постряпушечки. Где Боженька?

— Там, высоко, наверху.

Идет странный человек по улице, весь белый.

— Кто это?

— Пекарь, он печет булочки, постряпушечки.

— Да? Что он, Боженька?

— Дедушка умер, и его в землю закопали.

— В землю закопали? — удивляюсь я. — А есть ему как дают?

— А его выкапывают, — отвечает ребенок, — топором выкапывают.

— Коровка дает молочко.

— Коровка? — спрашивает недоверчиво. — А откуда коровка берет молочко?

И сам себе отвечает:

— Из колодца.

Ребенок верит, ведь всякий раз, когда сам хочет что-нибудь придумать, он ошибается, — приходится верить.

67. Ребенок неопытен.

Уронил стакан на пол. Вышло что-то очень странное. Стакан пропал, зато появились совсем другие предметы. Ребенок наклоняется, берет в руки осколок, порезался, больно, из пальца течет кровь. Все полно тайн и неожиданностей.

Двигает перед собой стул. Вдруг что-то мелькнуло перед глазами, дернуло, застучало. Стул стал другой, а сам он сидит на полу. Опять боль и испуг. Полно на свете чудес и опасностей.

Ташит одеяло, чтобы извлечь из-под него себя. Теряя равновесие, хватается за материну юбку. Встав на цыпочки, дотягивается до края кровати. Обогащенный опытом, стаскивает со стола скатерть.

Опять катастрофа!

Ребенок ищет помощи, потому что сам не способен справиться. При самостоятельных попытках терпит поражение. Завис же от других, раздражается.

И если даже и не доверяет или не совсем доверяет — его много раз обманывали, — ему все равно приходится следовать указаниям взрослых так же, как неопытному работодателю терпеть недобросовестного работника, без которого он не может обойтись, или как паралитику сносить грубости санитаря.

Подчеркиваю, всякая беспомощность, всякое удивление незнания, ошибка при использовании опыта, неудачная попытка подражать и всякая зависимость напоминают ребенка, несмотря на возраст индивида. Мы без труда находим детские черты у больного, у старика, солдата, заключенного. Крестьянин в городе, горожанин в деревне удивляются, как дети. Профан задает детские вопросы, человек несветский делает детские промахи.

68. Ребенок подражает взрослым.

Лишь подражая, ребенок учится говорить и осваивает большинство бытовых форм, создавая видимость, что сжился со средой взрослых, которых он не может постичь, которые чужды ему по духу и непонятны.

Самые грубые ошибки в наших суждениях о ребенке происходят именно потому, что истинные его мысли и чувства затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно иное, свое содержание.

Будущее, любовь, родина, Бог, уважение, долг — все эти окаменевшие в словах понятия рождаются, живут, растут, меняются, крепнут, слабеют, являясь чем-то иным в каждый период жизни.

Надо сделать над собой большое усилие, чтобы не смешать кучу песка, которую ребенок зовет горой, со снежной вершиной Альп. Кто вдумается в душу употребляемых людьми слов, у того сотрется разница между ребенком, юношей и взрослым, невеждой и мыслителем; перед ним предстанет человек интеллектуальный независимо от возраста, класса, уровня образования и культуры, существо, мыслящее в пределах большего или меньшего опыта. Люди разных убеждений (я говорю не о политических лозунгах, подчас насильно внедряемых) — это люди с разным опытом.

Ребенок не понимает будущего, не любит родителей, не догадывается о родине, не постигает Бога, никого не уважает и не знает обязанностей. Говорит «когда вырасту», но не верит в это, зовет мать «самой-самой любимой», но не чувствует этого; родина его — сад или двор. Бог для него добрый дядюшка или надоеда-ворчун. Ребенок делает вид, что уважает, уступая силе, воплощенной для него в том, кто приказал и следит. Надо помнить, что приказать можно не только с помощью палки, но и просьбой и ласковым взглядом. Подчас ребенок угадывает будущее, но это лишь моменты, своего рода ясновидение.

Ребенок подражает? А что делает путешественник, которого мандарин пригласил принять участие в местном обряде или церемонии? Смотрит и старается не отличиться, не вызывать замешательства, схватывает суть и связь эпизодов, гордясь, что справился с ролью. Что делает человек несветский, попав на обед к знатным господам? Старается приспособиться. А конторщик в имении, чиновник в городе, офицер в полку? Не подражают ли они речью, движениями, улыбкой, манерой стричься и одеваться патрону?

Есть еще одна форма подражания: когда девочка, идя по грязи, приподнимает короткое платьице, это значит, что она взрослая. Когда мальчик подражает подписи учителя, он проверяет до известной степени свою пригодность для высокого поста. Эту форму подражания мы легко найдем и у взрослых.

69. Эгоцентризм детского мировоззрения — это тоже отсутствие опыта.

От эгоцентризма личного, когда его сознание является средоточием всех вещей и явлений, ребенок переходит к эгоцентризму семейному, более или менее длительному в зависимости от условий, в которых воспитывается ребенок; мы сами укореняем его в заблуждении, преувеличивая значение семьи и дома и указывая на мнимые и действительные опасности, угрожающие ему вне досягаемости нашей помощи и заботы.

— Оставайся у меня, — говорит тетя.

Ребенок со слезами на глазах льнет к матери и ни за что не остается.

— Он ко мне так привязан.

Ребенок с удивлением и испугом смотрит на чужих мам, которые даже ему не тети.

Но настает минута, когда он начинает спокойно сопоставлять то, что видит в других домах, с тем, что есть у него. Сначала ему хочется только такую же куклу, сад, канарейку, но у себя дома. Потом замечает, что бывают другие матери и отцы, тоже хорошие, а может, и лучше?

— Вот если бы она была моей мамой...

Ребенок городских задворков и деревенской избы приобретает соответствующий опыт раньше, познавая печаль, которую никто с ним не делит, радость, которая веселит лишь домашних, понимает, что день его именин — праздник лишь для него самого.

«А мой папа, а у нас, а моя мама» — эта столь часто встречающаяся в детских спорах похвальба своими родителями скорее полемическая формула, а подчас и трагичная защита иллюзии, в которую хочешь верить, но начинаешь сомневаться.

— Погоди, вот я скажу папе...

— Очень я твоего папу боюсь.

И правда, папа мой страшен только для меня самого.

Эгоцентричным я назвал бы и взгляд ребенка на текущий момент — по отсутствию опыта ребенок живет одним настоящим. Отложенная на неделю игра перестает быть действительностью. Зима летом кажется небывлицей. Оставляя пирожное на завтра, ребенок отрекается от него поневоле. Ребенку трудно понять, что испорченный предмет может стать не сразу негодным к употреблению, а лишь менее прочным, быстрее поддающимся износу. Рассказ о том, как мама была девочкой, — интересная сказка. С удивлением, граничащим с ужасом, смотрит ребенок на чуждого пришельца, который зовет его отца — товарища своих детских лет — по имени.

— Меня еще не было на свете...

А юношеский эгоцентризм: все на свете начинается с нас?

А партийный, классовый, национальный эгоцентризм? Многие ли дорастают до сознания места человека в человечестве и Вселенной? С каким трудом люди примирились с мыслью, что Земля вращается и является лишь планетой! А глубокое убеждение масс, вопреки всякой действительности, что в XX веке ужасы войны невозможны?

Да и наше отношение к детям — не проявление ли эгоцентризма взрослых?

Я не знал, что ребенок так крепко помнит и так терпеливо ждет. Многие наши ошибки происходят оттого, что мы имеем дело с детьми принуждения, рабства и крепостничества, исковерканными, обиженными и бунтующими; приходится с трудом догадываться, какие они на самом деле есть и какими могут быть.

70. Наблюдательность ребенка.

На экране кинематографа потрясающая драма. Вдруг раздается звонкий возглас ребенка:

— Ой, собачка...

Никто не заметил, а он заметил.

Подобные возгласы слышишь подчас в театре, в костеле, во время многих торжеств; они вызывают переполох среди ближних и улыбки в публике.

Не охватывая целого, не вдумываясь в непонятное содержание, ребенок, счастливый, приветствует знакомую, близкую деталь. Но ведь и мы радостно приветствуем в многочисленном чужом и стеснительном для нас обществе случайно встреченного знакомого...

Не будучи в состоянии жить бездеятельно, ребенок заберется в любой уголок, заглянет в каждую щель, сыщет и спросит; ему интересно все: и движущаяся точка — букашка, и блестящая бусинка, и услышанное слово или фраза. Как же похожи мы на детей в чужом городе, в необычной среде!..

Ребенок знает окружающих, их настроения, повадки, слабости, знает и, можно добавить, умело их использует. Угадывает расположение, чувствует лицемерие, схватывает на лету смешное. Читает по нашим лицам так, как крестьянин по небу, какую оно сулит погоду. Ведь и ребенок годами всматривается и изучает — и в школах, и в интернатах; эта работа по вниканию в нас ведется у них коллективно, общими усилиями. Только мы не хотим замечать и, пока они не нарушат нам наш драгоценный покой, предпочитаем обольщаться, что — наивный — ребенок не знает, не понимает, легко дает себя обмануть видимости. Иная точка зрения поставила бы перед нами дилемму: или открыто отречься от права на мнимое совершенство, или искоренить в себе то, что унижает нас в их глазах, делает посмешищем, обедняет.

71. Говорят, ребенок в поисках все новых эмоций и впечатлений ничем не может долго заняться, даже игра ему быстро надоедает: час тому назад друг уже ему враг, чтобы через минуту опять стать закадычным приятелем.

Наблюдение, в общем, правильное: в поезде ребенок капризничает, посадишь в саду на скамейку — сердится, в гостях — пристает, любимая игрушка заброшена в угол, на уроке вертится, даже в театре не усидит спокойно.

Учтем, однако, что в вагоне он был возбужден, устал, на скамейку его взгромили против воли, в гостях смущался, игрушку и товарища ему выбрали, учиться заставили, а рвался он в театр в твердой вере, что приятно проведет время.

Как часто похожи мы на ребенка, когда он, нацепив кошке бантик, потчует ее грушей, дает поглядеть картинки и удивляется, что негодяйка хочет тактично улизнуть или, отчаявшись, цапнет!

В гостях ребенку хотелось бы посмотреть, как открывается коробка, которая стоит на подзеркальнике, и что там блестит в углу, и есть ли в большой книжке картинки, хотелось бы пой-

мать золотую рыбку в аквариуме и съесть много-много шоколадок. Но он ничем не выдаст своих желаний, ведь это некрасиво.

— Пойдем домой, — торопит дурно воспитанный ребенок.

Ему обещали забаву: флажки, фейерверки, спектакль, он ждал и разочаровался.

— Ну как, весело тебе?

— Очень, — отвечает он, зевая или подавляя зевок, чтобы не обидеть.

Летние колонии. Рассказываю в лесу сказку. Во время рассказа поднимается и уходит один мальчик, затем другой, третий. Это меня удивило, назавтра спрашиваю их: один положил под куст палку, вспомнил про нее, когда я рассказывал, и испугался, как бы не взяли; у второго болел порезанный палец, а третий не любит вымышленных историй. Не уйдет ли и взрослый из театра, если пьеса его не занимает, докучает боль или оставил в кармане пальто портсигар?

У меня есть много доказательств того, что ребенок может неделями, месяцами заниматься одним и тем же и не желать перемен. Любимая игрушка никогда не теряет очарования. Одну и ту же сказку выслушает много раз с неослабным интересом. И наоборот, у меня есть доказательства того, что матерей раздражает однообразие интересов ребенка. Сколько раз, случалось, матери просят врача «разнообразить диету, кашки и компоты ребенку уже надоели».

— Вам они надоели, а не ребенку, — приходилось мне им объяснять.

72. Скука — тема для солидных исследований.

Скука — одиночество, отсутствие впечатлений; скука — избыток впечатлений, шум, гам, суматоха. Скука — нелзя, погоди, осторожно, нехорошо. Скука нового платья, скованности и смущения, наказов и приказов и обязанностей.

Полускука балкона и выглядывания из окошка, прогулки, визита, игры со случайными и неподходящими товарищами.

Скука — острая, как болезнь с высокой температурой, и хроническая, с рецидивами и осложнениями.

Скука — дурное самочувствие ребенка: значит, чрезмерная жара, холод, голод, жажда, переедание, сонливость и часы принудительного сна, боль и усталость.

Скука — апатия, безразличие, малоподвижность, неразговорчивость, понижение жизненного тонуса. Ребенок лениво подымается, ходит сгорбившись, шаркая ногами, потягивается, отвечает мимикой, односложно, тихим голосом, досадливо морщась. Нетребователен, но каждое обращенное к нему требование встречает в штыки. Отдельные непонятные и слабо мотивированные внезапные взрывы.

Скука — усиленная подвижность. Ни минуты не усидит на месте, ничем не займется, капризен, недисциплинирован, зло-

бен; обижают, задирают, досаждают, плачет и злится. Подчас нарочно идет на скандал, видя в ожидаемом наказании желанное сильное ощущение.

Часто мы видим сознательное упорство злой воли там, где существует банкротство воли; и избыток энергии там, где отчаяние усталости.

Скука приобретает иногда черты массового психоза. Не умея организовать игру или стесняясь, не подходя друг другу по возрасту и характеру или в необычных условиях, дети впадают в неистовство бессмысленного крика и шума.

Кричат, толкаются, опрокидывают и тянут за ноги, кружатся до потери сознания, падая на пол; взаимно подзадоривая друг друга, закатываются ненатуральным смехом. Чаще всего «игру» (и это раньше, чем назреет естественная реакция) прерывает катастрофа: драка, порванная одежда, сломанный стул, ушиб посильнейшей, а значит, замешательство и взаимные обвинения. Порой настроение крика и шума гаснет; раздается чье-нибудь «бросьте дурить» или «постыдились бы, что вы делаете», инициатива переходит в энергичные руки — и сказка, хоровое пение, беседа.

Боюсь, эти не слишком частые патологические состояния массовой действующей на нервы скуки некоторые воспитатели склонны считать нормальной игрой детей, «предоставленных самим себе».

73. Даже игры детей, как нечто несерьезное, не дождалось солидных клинических исследований.

Следует помнить, что играют и взрослые, не только дети; что не всегда дети играют охотно; что не все, что мы зовем игрой, на самом деле игра; что многие детские игры — подражание серьезной деятельности взрослых; что игры на вольном просторе одни, а в стенах города или дома другие; и что мы можем рассматривать детские игры лишь с точки зрения места, которое они занимают в современном обществе.

Мяч.

Погляди на усилия самого маленького поднять мяч с земли и проковылять по полу в задуманном направлении.

Погляди на изнурительные упражнения старшего, как он старается научиться ловить правой и левой рукой, заставить отскочить несколько раз от земли, от стены, подбить лаптой, попасть в цель. Кто дальше всех, кто выше всех, кто метче всех, кто больше всех. Соревнование, познание путем сравнения своей ценности, победы и поражения, совершенствование.

Неожиданности часто комического характера. Уже был в руках — и выскользнул, отскочил от одного и попал прямо в руки к другому; лова мяч, стукнулись головами; улетел под шкаф и сам оттуда покорно выкатывается.

Треволнения. Мяч падает на траву, поднять — значит рисковать. Потерялся — поиски. Едва не выбил стекло. Залетел на

шкаф, как достать? Совещание. Ударил или не ударил? Кто виноват: кто криво бросил или кто не поймал? Оживленный спор.

Индивидуализация, внесение разнообразия. Ребенок обманывает: делает вид, что бросает; целится в одного, кидает в другого; ловко прячет мяч, будто у него его нет. Бросил и дунул на мяч, чтобы быстрее летел; ловит и падает понарошку; пытается поймать ртом; ему бросили мяч, а он делает вид, что боится; притворяется, что мяч его ушиб. Колотит мячик: «Ты, мячик, я тебе дам!» «Там, в мячике, что-то стучит», — трясет и слушает.

Есть дети, которые сами не играют, а любят смотреть, подобно тому как смотрят взрослые на играющих в бильярд или в шахматы. И в игре в мяч бывают интересные, неверные и гениальные движения.

Целесообразность движений — лишь одна из многих сторон, которые делают этот вид спорта приятным.

74. Игры не столько стихия ребенка, сколько единственная область, где мы предоставляем ему более или менее широкую инициативу. Лишь в играх ребенок чувствует себя до некоторой степени независимым. Все остальное — мимолетная милость, временная уступка, на игру же у ребенка есть право.

Играя в лошадки, войну, сыщиков-разбойников, пожарных, ребенок дает выход своей энергии в мнимо целенаправленных движениях, на какой-то миг поддается иллюзии или сознательно убегает от подлинной жизни. Потому-то так ценят дети участие ровесников с живым воображением, разносторонней инициативой, большим запасом почерпнутых из книг мотивов и так покорно подчиняются их часто деспотичной власти — благодаря им легче облечь туманные грезы в видимость действительности. В присутствии взрослых и чутких дети стесняются, стыдятся своих игр, сознавая их ничтожность.

Сколько в ребячьих играх горького сознания недостатков подлинной жизни, сколько мучительной по ней тоски!

Палка для ребенка не лошадь, но, не имея настоящей лошади, приходится мириться и с деревянной. И если дети плывут на перевернутом стуле по комнате — это не катание на лодках на озере...

Когда у ребенка в плане дня купание без ограничений, лес с ягодами, удочки, птичьи гнезда высоко на деревьях, голубятня, куры, кролики, сливы в чужом саду, цветник перед домом, игра становится ненужной или меняет в корне характер.

Какой ребенок сменяет живую собаку на игрушечную, на колесиках? Какой ребенок отдаст настоящего пони за коня-качалку?

Ребенок обращается к игре поневоле, спасаясь от злой скуки, прячась от ужасающей пустоты, скрываясь от холодного долга. Да, ребенок лучше уж будет играть, чем зубрить грамматические правила или таблицу умножения.

Ребенок привязывается к кукле, шеглу, цветку в горшке, потому что пока еще у него ничего больше нет; узник или старик привязываются к тому же самому, потому что у них уже ничего нет. Ребенок играет во что попало, лишь бы убить время, не зная, что с собой делать, не имея другого выбора.

Мы слышим, как девочка преподает кукле правила хорошего тона, как пугает ее и отчитывает; и не слышим, как жалуется ей в постели на окружающих, поверяет шепотом заботы, неудачи, мечты.

— Что я тебе скажу, куколка! Только никому не повторяй.

— Ты добрый песик, я на тебя не сержусь, ты мне не сделал ничего плохого.

Это одиночество ребенка наделяет куклу душой.

Жизнь ребенка не рай, а драма.

75. Пастушонок охотнее будет играть в карты, чем в мячик; довольно набегался, гоняясь за коровами. Маленький продавец газет или мальчик на побегушках носят всю лишь поначалу; быстро учатся размерять усилия, раскладывая их на целый день. Не играет в куклы ребенок, которому приходится нянчить младенца; наоборот, бежит от неприятной обязанности.

Значит, дети не любят работать? Труд детей бедняков утилитарен, не воспитывает, не рассчитан на их силы и индивидуальные склонности. Было бы смешно выдавать жизнь нищих детей за пример для подражания: и здесь скука, зимняя скука тесной лачуги и летняя — двора или придорожной канавы, скука лишь в иной форме. И ни родители, ни мы не можем заполнить ребенку дня так, чтобы ряд их, логично связанных друг с другом, раскрывал красочное содержание жизни, от вчера через сегодня к завтра.

Многочисленные игры ребят — работа.

Если вчетвером строят шалаш: копают обрезком жести, стеклом, гвоздем землю, вбивают кольца, связывают их, накрывают крышей из веток и выстилают пол мхом, работая то напряженно и молча, то вяло, но зато проектируя улучшения, строя дальнейшие планы, делясь результатами добытых наблюдений, — это не игра, а неумелая работа несовершенными орудиями над недостаточным материалом, стало быть, малоплодотворная, но организованная так, что каждый в зависимости от возраста, сил и умения вносит столько усилий, насколько его хватает.

Если детская комната, вопреки нашим запретам, так часто бывает мастерской и складом хлама, а значит, складом материалов для предполагаемых работ, не в этом ли направлении обратиться нам поиски? Быть может, для комнаты маленького ребенка нужен не линолеум, а воз полезного для здоровья желтого песка, изрядная вязанка палок и тачка камней? Быть может, доска, картон, фунт гвоздей, пила, молоток и токарный станок были бы более желанным подарком, чем игра, а учитель труда полезнее,

чем преподаватель гимнастики или игры на пианино? Но тогда пришлось бы изгнать из детской больничную тишину, больничную чистоту и боязнь порезанных пальцев.

Разумные родители с неприятным чувством приказывают: «Играй» — и с болью слышат в ответ: «Все только играй и играй». А что поделаешь, коли нет ничего другого?

Многое изменилось. Игры и развлечения не только допускаются с пренебрежением, а введены уже в школьную программу; все громче требование школьных участков. Перемены с часу на час; психика среднего отца семейства и воспитателя не поспевает.

76. Вопреки тому, что сказано выше, бывают дети, которым и одиночество не слишком надоедает, да и в деятельности они не нуждаются. Эти тихоньких, которых чужие матери ставят в пример, дома «не слышно». Они не скучают, сами себе выдумают игру, в которую, прикажи, станут играть, прикажи, послушно бросят. Это пассивные дети; они хотят немного и не сильно, а потому легко уступают, и вымысел заменяет им действительность, тем более что этого-то и желают взрослые.

В толпе такие ребята теряются, страдают от холодного безразличия, не поспевают за ее бурным потоком. Вместо того чтобы понять, и здесь матери стремятся переделать, насильно навязать то, что лишь медленно, осторожно удается выработать изнурительным усилием, опытом многих неудачных попыток, мучительного унижения. Всякий неосмотрительный наказ ухудшает положение вещей. «Поди поиграй с ребятами» оскорбляет одного так же, как другого: «Поиграли и хватит».

Как же их легко узнать в толпе!

Например, хоровод в саду. Несколько десятков ребятешек поют, держась за руки, двое на первых ролях в середине.

— Ну ступай же, поиграй с ними!

Девочке не хочется, она не знает игры, детей; когда раз как-то пробовала, ей сказали: «Нам не нужно, у нас и так много» или: «Да ты растяпа». Быть может, завтра или через неделю она и попробует опять... Но мать не хочет ждать, силком выталкивает. Робея, девочка нехотя берет за руки соседок, хочет, чтобы ее не замечали, и так и будет стоять, — быть может, и заинтересуется постепенно, быть может, и сделает первый шаг к примирению с новой коллективной жизнью... Тут мать совершает новую бестактность — думает приохотить ее более живым участием:

— Девочки, почему у вас все одни и те же в кругу? Вот эта еще не была, выберите ее!

Одна из коноводок отказывается, две другие соглашаются, но неохотно.

Бедная дебютантка оказывается в недоброжелательном коллективе.

Сцена эта кончилась слезами девочки, гневом матери, замешательством среди участников хоровода.

77. Хоровод в саду как практическое упражнение в наблюдательности для воспитателя: количество подмеченных моментов. Общее наблюдение (трудное, всех занятых в игре детей), индивидуальное (одного произвольно выбранного ребенка).

Инициатива, начало, расцвет и распад игры. Кто подает сигнал, организует, ведет за собой, чей выход из игры конец сборищу? Кто выбирает соседей, а кто берет за руку двух случайных ребят? Кто охотно разлучается, чтобы дать место новому участнику, и кто протестует? Кто часто меняет место, и кто придерживается одного? Кто в перерывах терпеливо ждет, и кто торопит: «Ну, скорее! Ну, давайте начинать!»? Кто стоит неподвижно, и кто переминается с ноги на ногу, размахивает руками, громко смеется? Кто и зеваает, да не уходит, и кто бросает играть: потому ли, что неинтересно, потому ли, что обиделся; кто пристает, пока не получит главную роль? Мать хочет толкнуть в хоровод совсем маленького ребенка: «Нет, он еще мал», а другой: «Ну чем он помешает, пускай себе стоит».

Если бы игрой руководил взрослый, он ввел бы очередность, поверхностно справедливое распределение ролей и, считая, что помогает, внес бы принуждение. Двое — и все одни и те же — бегают (кошка и мышка), играют (в волчок), выбирают (при танце), а остальные, видно, скучают? Один смотрит, другой слушает, третий поет — про себя, вполголоса, а то и в голос, четвертый и хочет вступить в круг, да не решается, а сердце так и стучит... А десятилетний заправила-психолог быстро оценивает, захватывает и распоряжается.

При каждой коллективной деятельности, а значит, и в игре ребята, делая одно и то же, отличаются друг от друга хотя бы одним мелким штрихом.

И мы узнаем, чем ребенок является в жизни, среди людей, в действии, какова его не истинная, а рыночная цена, что впитывает в себя и что сам способен дать и как смотрит на это толпа, какова его самостоятельность, сопротивляемость массовому внушению. Из дружеской беседы мы узнаем, к чему он стремится, а наблюдая в толпе — что способен осуществить; здесь — каково его отношение к людям, там — скрытые мотивы этого отношения. Если мы видим ребенка только одного, мы будем знать его односторонне.

Если имеет авторитет — как его приобрел, как использует; если не имеет — хочет ли иметь, страдает ли от того, что не имеет, злится ли, дуется ли, завидует ли пассивно, добивается или отступает? Часто спорит или редко, справедливо или несправедливо, руководствуясь самолюбием или капризом, тактично или грубо навязывает свою волю? Избегает вожаков или льнет к ним?

«Послушайте, давайте делать вот так! Подождите, так, может, лучше! А я не играю! Ладно, скажи, как ты хочешь?»

78. Что такое спокойные игры детей, как не беседа, обмен мнениями, мечты на избранную тему, драматизированная греза о могуществе? Играя, дети высказывают свои истинные взгляды, подобно тому как автор в романе или пьесе развивает главную мысль. Поэтому часто видишь здесь бессознательную сатиру на взрослых: дети играют в школу, наносят визиты, принимают гостей, угощают кукол, покупают и продают, нанимают и увольняют прислугу... Пассивные игру в школу принимают всерьез, хотят, чтобы похвалили, активные предпочитают роль озорников, и часто их выходы вызывают общие протесты, — не выдают ли они невольно свое подлинное отношение к школе?

Не имея возможности выйти хотя бы в сад, ребенок тем охотнее путешествует по необитаемым островам и океанам; у него нет даже Полкана, который слушался бы его, но он лихо командует полками. Будучи ничем, хочет быть всем. Но только ли ребенок? А политические партии? По мере приобретения влияния на общественные события не меняют ли они воздушные замки на ржаной хлеб реальных завоеваний?

Мы недолюбливаем некоторые детские игры, исследования и опыты. Ребенок ходит на четвереньках и лает, чтобы понять, как справляется с этим собака, пробует хромать, подражает горбату старика, косоглазит, заикается, качается, как пьяный, изображает увиденного на улице сумасшедшего, ходит закрыв глаза (слепой), затыкает уши (глухой), ложится неподвижно, удерживая дыхание (умер), смотрит через очки, затягивается папиросой, тайком пробует завести часы, обрывает у мухи крылья (как она полетит?), притягивает магнитом перо, интересуется строением уха (что там за барабанная перепонка?), горла (что там за миндалины?), предлагает девочке играть в доктора, надеясь, что увидит, как там у нее, бежит с зажигательным стеклом на солнце, слушает шум в раковине, бьет кремнем о кремень.

Все, в чем можно убедиться самому, он хочет увидеть, проверить, испытать; и так столько еще остается, чему надо верить на слово!

Говорят, месяц только один, а ведь везде его видно.

— Слушай, я встану за забором, а ты в огороде.

Закружи калитку.

— Ну что, есть в огороде месяц?

— Есть.

— И здесь есть.

Переменялись местами, проверили вторично: теперь точно знают, что месяцев — два.

79. Особое место занимают игры, цель которых — проверка силы, познание своей цены; а это удастся достичь, лишь сравнивая себя с другими.

Поэтому — у кого больше шаг, сколько шагов пройдет с закрытыми глазами, кто дольше простоит на одной ножке, не моргнет, не рассмеется, глядя в глаза, кто может дольше не дышать? Кто громче крикнет, дальше плюнет, выше пустит струю мочи или бросит камень? Кто соскочит с большего количества ступенек, прыгнет выше и дальше, дольше выдержит боль при стискивании пальцев? Кто скорее добежит, кто кого поднимет, перетянет, повалит?

«Я могу. Я умею. Я знаю, у меня есть».

«А я могу лучше. А я знаю больше. А у меня лучше».

А потом:

«Мои папа и мама, они могут, у них есть».

Так приобретается уважение, занимается соответствующее положение в своей среде. А следует помнить, что благополучие детей зависит не исключительно от того, как их расценивают взрослые, но и — это в равной, а быть может, и в большей степени — от мнения сверстников, у которых иные, но тем не менее твердые правила оценки членов своего ребячьего общества и их прав.

Пятилетний ребенок может быть допущен в общество восьмилетних, а тех могут в свою очередь принять к себе десятилетние, которые уже выходят одни на улицу и у которых есть пенал с ключиком и записная книжка. Такой, старше тебя на два класса, мальчик разрешит многие сомнения, за полпирожного или даже даром просветит и обучит.

Магнит притягивает железо, потому что он намагничен. Самые лучшие лошади — это арабские, у них тонкие ноги. У королев кровь голубая, а не красная. И у льва, и у орла, наверное, тоже голубая (надо про это еще у кого-нибудь спросить). Если мертвец схватит за руку, то уж не вырвешь. В лесу бывают женщины, у которых вместо волос на голове змеи; он сам видел на картинке и даже в лесу видел, только издали, потому что вблизи как взглянет такая женщина, так человек превращается в камень (врет, небось?). Он видел уопленника, знает, как рождаются дети, и умеет из бумаги сделать кошелек.

И не только говорит, что умеет, но и сделал бумажный кошелек, а мама этого не умеет.

80. Не относись мы к ребенку, его чувствам, стремлениям, а значит, и к играм свысока, мы понимали бы, что он правильно делает, когда с одним охотно общается, а другого избегает, встречается поневоле и неохотно играет. Можно подраться с самым лучшим приятелем и скоро помириться, а с немилым и без ссор не захочешь водиться.

С ним нельзя играть: чуть что — в плач, сразу обижается, жалуется, кричит и беснуется, хвастает, дерется, хочет верховодить, сплетничает, обманывает — фальшивый, нескладный, маленький, глупый, грязный и некрасивый.

Этакая одна пискля неотвязная портит всю игру. Посмотри, как остальные дети стараются его обезвредить! Старшие ребята охотно примут в игру и малыша, и он может сгодиться, только пусть будет доволен второстепенной ролью, пусть не мешает.

«Дай ему, уступи, позволь: он ведь маленький!».

Неправда: взрослые тоже детям не уступают...

Почему он не любит ходить туда в гости? Ведь там есть дети, с которыми он охотно играет?

Охотно, да только у себя или в парке. А там есть один человек, который кричит, там насильно целуют, прислуга обидела его, старшая сестра дразнится, и там собака, которую он боится. Самолюбие не позволяет ему назвать истинную причину, а мать считает, что капризничает.

Ребенок не хочет идти в парк. Почему? Большой мальчик грозился избить, гувернантка одной девочки обещала пожаловаться, и, когда он шел по газону за мячиком, садовник погрозил палкой; обещал принести мальчику марку, а она куда-то задевалась.

Бывают капризные дети, я перевидал их на врачебных приемах много десятков. Эти дети знают, чего хотят, только им этого не дадут: им нечем дышать, они задыхаются под тяжестью нежной заботы. Но если взрослые с патологически капризными детьми холодны, дети их презирают и ненавидят. Детей можно истязать неразумной любовью; закон должен взять их под защиту.

81. Мы выдали детям мундир детства и верим, что они любят нас, уважают и доверяют и что они невинны, легковверны и благодарны. Безупречно играем роль бескорыстных опекунов, умиляемся мысли о приносимых нами жертвах, и, можно сказать, нам с детьми хорошо — до поры до времени. Дети сначала верят, потом сомневаются, стараются откинуть коварно закрадывающиеся подозрения, иногда пробуют с ними бороться, а увидев бесплодность борьбы, принимают нас обманывать, подкупать и эксплуатировать.

Выманивают просьбами, очаровательными улыбками, поцелуями, шуточками, послушанием, покупают за уступки, изредка тактично дают понять, что обладают некоторыми правами, подчас вынуждают приставаниями, порой прямо спрашивают: «А что я за это получу?»

Сто разновидностей покорных и взбунтовавшихся рабов.

«Нехорошо, вредно, грешно... Учительница говорила в школе... Ой, если бы мамочка узнала».

«Не хочешь, как хочешь... Твоя учительница такая же умная, как и ты... Ну и пусть мама знает, что она мне сделает?»

Нам не нравится, когда ребенок, которого мы отчитываем, бормочет что-то себе под нос, в гневе с языка слетают искренние слова, а они нас не интересуют.

У ребенка есть совесть, только в мелких будничных стычках ее голос не слышен, зато выплывает наружу тайная ненависть к

деспотичной (а значит, несправедливой) власти сильных (а значит, безответственных) мира сего.

Если ребенок любит веселого дядюшку, так за то, что благодаря ему он на какой-то момент свободен, что тот вносит жизнь, принес подарок. А подарок тем дорог, что удовлетворил давно лелеянную мечту. Ребенок намного меньше ценит подарки, чем мы думаем, и неохотно принимает от людей несимпатичных. «Ишь, купил», — кипятится униженный.

82. Взрослые не умные: не умеют пользоваться свободой, которой они обладают. Ведь такие счастливые, могут покупать все, что хочется, все им можно, а всегда на что-нибудь злятся и из-за чего-нибудь да кричат.

Взрослые не все знают; часто отвечают, лишь бы отделаться, или в шутку, или так, что нельзя понять; один говорит одно, другой другое, и неизвестно, где правда. Сколько звезд в небе? Как по-негритянски тетрадка? Как человек засыпает? А вода живая? И откуда она знает, что на улице из нее должен сделаться лед? Где ад? Как этот человек сделал, что в шляпе из часов поджарил яичницу: и часы не испортились, и шляпа цела — это чудо?

Взрослые не добрые. Правда, родители дают детям есть, но они и должны давать, а то мы умерли бы. Они ничего детям не позволяют: скажешь им, а они в смех, и вместо того, чтобы объяснить, нарочно еще дразнятся. И они не справедливые, их обманывают, а они верят. Любят, чтобы к ним подлизывались. Если они в хорошем настроении, так все можно, а сердятся — все мешает.

Взрослые лгут. Неправда, что от конфет бывают глисты и что, когда не ешь, снятся цыгане; что, когда балуешься огнем, ночью будешь «рыбу ловить», а болтаешь ногами, так черта качаешь. Они не держат слова: обещают, а потом забывают, или увиливают, или не позволяют якобы за провинность, а ведь все равно не позволили бы.

Велят говорить правду, а скажешь, так обижаются. Неискренность: в глаза одно, а за глаза другое. Не любят кого-нибудь, а притворяются, что любят. Только и слышится: «Пожалуйста, спасибо, извините, всего хорошего», — можно подумать, что и в самом деле.

Усиленно прошу обратить внимание на выражение лица ребенка, когда он весело подбежит к взрослому и скажет в запале или сделает что-либо неполагающееся, а его резко и грубо одернут.

Отец пишет; вбегает ребенок с каким-то сообщением и тянет отца за рукав. Откуда ребенку знать, что на важном документе может сесть клякса? Отец взбешен, ребенок смотрит с недоумением: что вдруг случилось?

Опыт нескольких неуместных вопросов, неудачных шуток, выданных секретов, опрометчивых излияний учит ребенка отно-

ситься ко взрослым как к прирученным диким зверям, на которых никогда нельзя вполне положиться.

83. Кроме пренебрежения и неприязни в отношении детей к взрослым можно усмотреть и некоторое отвращение.

Колючая борода, шершавое лицо, запах сигары отталкивают ребенка. После каждого поцелуя он добросовестно утирает лицо — пока не запретят. Большинство детей не терпит, чтобы их брали на колени; если взять ребенка за руку, то он мягко и постепенно ее высвобождает. Толстой заметил эту черту у деревенских ребят*, она присуща всем: не растленному, не отупевшим от муштры.

О смраде пота и сильном запахе духов ребенок с омерзением говорит: «Воняет», пока ему не объяснят, что это гадкое слово, духи пахнут хорошо, только он пока не разбирается.

Все эти дяди и тети, у которых отрывка, у которых все кости ломит, давление, горько во рту, сквозняк, сырость им мешает, боятся есть на ночь, кашель их душит, нет зубов, трудно подниматься по лестнице, красные, толстые, запыхавшиеся, — все это такое противное.

Эти их ласковые словечки, поглаживания, потискивания и похлопывания, эта их фамильярность, бессмысленные вопросы, смех непонятно над чем.

«На кого она похожа? Ого, какой большой! Поглядите, вырос-то как!»

Конфузаясь, ребенок ждет, когда же это кончится...

Им ничем сказать при всех: «Эй, штаны потеряешь» или «Рыбу будешь ночью ловить». Они неприличные...

Ребенок чувствует себя более чистым, лучше воспитанным, более достойным уважения.

«Боятся есть! Боятся сырости! Трусы: я вон вовсе не боюсь. Боятся, ну и пускай сидят себе на печи; нам-то чего запрещают?»

Дождь — выскочит из-под навеса, постоит под ливнем и со смехом бежит обратно, приглаживая волосы. Мороз: согнет руки в локтях, подымет плечи, старается не дохнуть, пальцы коченеют, губы синие, а сам смотрит на похороны или на уличную драку, а потом бегом, чтобы разогреться: «Брр, замерз. Здорово!»

Бедные эти старенькие, все не по ним, все им мешает.

И пожалуй, едва ли не единственное доброе чувство, которое ребенок постоянно к нам испытывает, это жалость.

Видно, что-то им да мешает, раз они такие несчастные.

Папа, бедный, все работает, мама слабая, скоро умрут, бедные, не надо их огорчать.

84. Оговорка. Наряду со всеми этими чувствами, которые ребенок несомненно испытывает, наряду с возникающими у него и своими собственными мыслями, у ребенка есть понимание дол-

га; он не освобождается полностью от навязываемых ему нами взглядов и внушаемых чувств. Активный — ярче и раньше, пассивный — позже и в смягченной форме переживают конфликты раздвоения личности. Активный размышляет самостоятельно, пассивному «открывает глаза» товарищ по доле и неволе; ни тот ни другой не систематизируют, как это сделал я. Душа ребенка равно сложна, как и наша, полна подобных противоречий, в тех же трагичных вечных борениях: стремлюсь и не могу, знаю, что надо, и не умею себя заставить.

Воспитатель — который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а формирует, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, переживает вместе с ребенком много вдохновенных минут, не раз следя увлажненным взором за борьбой ангела с сатаной, где светлый ангел побеждает.

Солгал. Взял потихоньку цукат с торта. Задрал девочке платье. Бросал камнями в лягушек. Смеялся над горбатым. Разбил статуэтку и составил, чтобы не было видно. Курил папиросы. Разозлился и проклял про себя отца.

Поступил плохо и чувствует, что это он не в последний раз, что опять на чем-нибудь споткнется, — самого потянет или подговорят.

Бывает, ребенок делается вдруг тихим, покорным, услужливым. Взрослые это знают: «Верно, совесть нечиста». Нередко этой странной перемене предшествует целая буря чувств, плач в подушку, раскаяние и торжественная клятва. Бывает, мы готовы простить, получить бы лишь заверение — ах, не гарантию — иллюзию, что проступок больше не повторится.

«А я не буду другим. Не могу я этого обещать».

Эти слова диктует честность, а не обязательно упрямство. — Я понимаю то, что вы говорите, только я этого не чувствую, — сказал двенадцатилетний мальчик.

Эту достойную всяческого уважения честность мы встречаем и у ребят с дурными наклонностями:

— Я знаю, воровать не надо, это стыдно, грешно. Я не хочу воровать! Но я не знаю, украду я еще или не украду. Я в этом не виноват!

Воспитатель переживает мучительные минуты, видя в беспомощности ребенка собственное бессилие.

85. Мы находимся во власти иллюзии, что ребенка может долго удовлетворять блаженное мировоззрение, где все просто, добро и разумно, что сумеем утаить от него наше незнание, слабость, противоречия, поражения и падения — и отсутствие формулы счастья. Наивно предписание педагогических самоучек воспитывать детей последовательно: чтобы отец не критиковал поступков матери, взрослые не говорили при детях о своих делах, а прислуга не лгала, что «хозяев нет дома», когда стучится нежеланный гость.

А почему зверей мучить нельзя, а мухи — сотнями! — гибнут в таких муках на липучке? Почему мама покупает красивое платье, а говорить про платье, что красивое, нехорошо? А кошка обязательно должна быть «притворчивая»? Сверкнула молния, няня перекрестилась — это Бог, говорит, а учительница говорит, что это электричество. А за что надо взрослых уважать? И вора тоже? Дядя сказал: «Аж брюхо подвело», а так нехорошо говорить. Почему «сукин сын» — ругательство? Кухарка верит в сны, а мама нет. Почему говорится «здоров как бык», ведь и быки болеют? Утопленнику везет? А почему некрасиво спрашивать, сколько стоит подарок?

Как утаить, как разъяснить, не углубляя непонимания?

Ох, эти наши ответы...

Мне дважды довелось выслушать, как объясняли ребенку перед витриной магазина, что такое глобус.

— Что это за мячик? — спрашивает ребенок.

— Да такой уж мячик, — объясняет няня.

А в другой раз:

— Мама, что это за шар?

— Это не шар, а Земля. Там и домики есть, и лошадки, и мамуся...

— И мамуся-а-а? — ребенок взглянул на мать с сочувствием и испугом и не возобновил вопроса.

86. Мы видим детей в бурных проявлениях радости и печали, когда дети отличаются от нас, и не замечаем внешне резко не выраженных настроений: тихой задумчивости, глубокой растроганности, горького недоумения, мучительного подозрения и унижительного сомнения, в которых на нас похожи. «Настоящим» ребенок бывает не только тогда, когда скачет на одной ножке, но и когда задумывается над сказкой жизни. Надо только исключить действительно «ненатуральных» детей, бессмысленно твердящих заученные или перенятые у взрослых фразы. Ребенок не может думать «как большой», но может по-своему, по-детски вникать в серьезные проблемы взрослых; недостаток знаний и опыта заставляет его мыслить иначе.

Я рассказываю сказку: волшебники, драконы, злые феи, заколдованные королевны, — вдруг раздается с виду наивный вопрос:

— А это правда?

И слышу — кто-то тоном превосходства поясняет:

— Вы ведь говорили, что это сказка.

И персонажи и действия правдоподобны; все это могло бы быть, но всего этого нет, потому что мы предупредили: в сказках все неправда.

Человеческая речь, которая должна была развеять ужасы и чудеса окружающего мира, наоборот, углубила и увеличила незнание. Раньше крохотная текущая жизнь личных по-

требностей нуждалась лишь в некотором количестве решительных ответов, теперь новая большая жизнь слова погрузила детей сразу во все вчерашние и завтрашние, отдаленные и отдаленнейшие проблемы. Нет времени не то что все разрешить, но и просто рассмотреть. Теоретические знания отрываются от повседневной жизни и становятся вне проверяемости.

Темпераменты — активный или пассивный — выражаются в складе ума: практическом или умозрительном.

Ребенок с практическим складом ума верит или не верит в зависимости от воли авторитета: верить удобнее, выгоднее; с умозрительным — расспрашивает, делает выводы, отрицает, бунтует и в мыслях, и в действиях. Бессознательную фальшь первого мы противопоставляем стремлению к истине второго; это ошибка, которая затрудняет диагностику и делает менее эффективной воспитательную терапию.

В психиатрических клиниках стенографист записывает монологи и беседы пациентов. То же самое предстоит будущим педологическим клиникам. Сегодня у нас есть лишь материал детских вопросов.

87. Жизнь — сказка. Сказка о мире животных.

В море рыбы, которые глотают людей. Эти рыбы больше корабля? А если она проглотит человека, человек задохнется; а если проглотит святого? А когда ни один корабль не разбился, что они едят? Такую рыбу можно поймать? А как могут жить в море простые рыбы? А почему тех рыб не выловят? Их много, миллион, да? А из такой рыбы можно лодку сделать? Это допотопные рыбы? У пчел есть королева, а почему короля нет? Он умер? Если птицы знают, как лететь в Африку, то они умнее людей, ведь они не учились. Почему ее называют сороконожкой, если у нее не сорок ног, а сколько их у нее? Все ли лисы хитрые? Могут они исправиться и почему они такие? Если кто-либо мучает и бьет собаку, то она все равно верная? А почему нельзя смотреть, когда собака вскакивает на собаку? А набитые звери раньше жили и можно ли набить человека? Очень ли неудобно улитке; а если вынуть ее, она умрет? Почему она такая мокрая, она рыба? Она понимает, когда говоришь: «Улитка, улитка, высунь рога»? Почему у рыб холодная кровь? Почему змее не больно, когда она меняет кожу? О чем муравьи разговаривают? Почему человек умирает, а звери дышат? Если порвать пауку паутину, он подохнет? Откуда он возьмет нитки на вторую паутину? Как из яйца может сделаться курица, яйцо надо в землю закопать? Страус ест камни и железо, так какие у него какашки? Откуда верблюд знает, на сколько дней запасать воду? Попугай нисколько не понимает, что он говорит, умнее ли он собаки? Почему собаке нельзя подрезать язык, чтобы она заговорила? Робинзон первый научил попугая говорить, трудно ли научить и как это сделать?

Дерево живет, дышит, умирает. Из маленького желудя вырастает дуб. Из цветка делается груша, это можно увидеть? Рубашки растут на деревьях? Учительница нам так в школе говорила (побожился), правда это? Отец ответил: «Не болтай вздор», мама — что не на деревьях, лен в поле растет, а в школе учительница сказала, что на уроке арифметики об этом нельзя говорить, она потом объяснит. Значит, это не враки; хоть бы одно такое деревцо посмотреть!

Ну и что по сравнению с этими чудесами дракон? Драконов нет, но могли бы и быть. Как Кракус мог убить дракона, если его не было? Если сирен нет, так почему их рисуют?

88. Сказки о народах.

Негр черный, хоть не знай как мойся. А язык у него не черный, и зубы тоже не черные. Это не черт: ни рогов, ни хвоста у него нет. И дети их тоже черные. Негры ужас какие дикие: едят людей. И в Бога не верят, а верят в лягушек. А до этого верили в деревья, глупые были; а греки тоже верили во всякие глупости, но были умные; так почему верили? Негры ходят на улице раздетые, и им вовсе не стыдно. Вставляют себе в нос раковины и думают, что красиво; почему им никто не скажет, чтобы они так не делали? Счастливые негры: едят фиги, финики и бананы, и обезьяны у них есть, и не учатся вовсе, маленький мальчишка, а сразу на охоту идет.

У китайцев косы, это очень смешно. Французы умнее всех, а так смешно говорят: «нон-бон-пон». А немцы — «дердидас», капуста и квас. Евреи всего боятся, кричат «ай-вай» и обсчитывают. Еврей хоть не знай что, а должен обсчитать; они распяли Иисуса Христа. В Америке тоже есть поляки. Что они там делают, для чего им ломают ноги и велят просить милостыню или отдают в цирк? А приятно, должно быть, выступать в цирке! А если раз вывернуть руки, так всегда уже можно делать разные штуки? А бывают на свете гномы? А почему не бывают, а если не бывают, то откуда люди знают, какие они? Шел по улице маленький человек, и все оглядывались; липуты уже никогда не вырастут, это они в наказание маленькие? Были ли финикийцы волшебниками: как они могли из песка делать стекло? А это трудно? Ходят ли горцы и по таким горам, которые огнедышащие? А моряки — народ? А могут они жить в воде? А кем труднее быть — водолазом или моряком, и кто важнее?

Подчас вопрос вызывает у вас беспокойство:

— А если я весь-весь вымазался бы чернилами, негры меня узнали бы?

Ребенок с трудом мирится со сведениями, которые он не может применить на деле. Он тоже хотел бы так сделать, попробовать на вкус или по крайней мере увидеть вблизи.

89. Человек — сказка.

А бывают люди с глазами из стекла, могут ли их вынимать и можно ли ими видеть? Для чего парики и почему люди смеются, если кто-нибудь лысый? А есть люди, которые говорят животом, они говорят пупком? А зачем бывает пупок? Барабаны в ушах настоящие? Почему слезы соленые и почему море соленое? Почему у девочек волосы длинные, у них и там все по-другому? А на сердце грибы растут? Почему тогда на первоапрельских открытках грибы на сердце? А умирать обязательно? Где я был, когда меня не было на свете? Прислуга говорит, что можно так взглянуть, что захвораешь, а если три раза плюнешь, то не захвораешь. Что делается в носу, когда чихаешь? Сумасшедший — это больной? Пьяный — это больной? И что хуже: пьяный или сумасшедший? А почему я сейчас не могу узнать, как рождаются дети? Буря оттого бывает, что леший помер? Лучше быть слепым или глухим? Почему дети умирают, а старики живут? Когда надо больше плакать, когда умрет бабушка или братик? Почему канарейка не может попасть на небо? Мачеха обязательно должна бить детей? А грудное молоко тоже коровье? Когда снится что-нибудь, это на самом деле так или только кажется? Отчего волосы рыжие? Почему нельзя иметь ребенка без мужа? Что лучше — съесть ядовитый гриб или чтобы тебя змея ужалила? Правда, если стоять под дождем, то скорее вырастешь? Что такое эхо, почему оно в лесу? Если сложить руку трубочкой и посмотреть, весь дом видно: как он там поместился? Что такое тень, почему от нее нельзя убежать? Правда, если поцеловать усами девочку, у нее вырастут усы? Правда это, что на зубах червячки, только их нельзя увидеть?

90. Сказка об авторитете.

У детей много богов, полубогов и героев.

Авторитеты делятся на видимые и невидимые, одушевленные и неодушевленные. Иерархия их неимоверно сложна. Мама, отец, бабушка, дедушка, тетя, дядя, прислуга, полицейский, солдат, король, доктор, старшие вообще, ксендз, учитель и более опытные товарищи.

Авторитеты видимые неодушевленные: крест, свиток Торы, молитвенник, иконы, портреты предков, памятники великих людей, чужие фотографии.

Авторитеты невидимые: Бог, здоровье, душа, совесть, усопшие, волшебники, дьяволы, ангелы, духи, волки, дальние родственники, которых часто вспоминают.

Авторитеты требуют послушания, что ребенку, увы, понятно, мучительно понятно. Авторитеты требуют любви, а с этим управиться уже гораздо труднее.

— Я люблю больше папу и маму.

Маленькие кокетничают непонятым ответом на непонятный им вопрос. Ребенок постарше терпеть не может этого вопроса: он унижает его и смущает. Он то очень любит, то так себе,

раз уж это необходимо; а иногда ненавидит, да, это ужасно, но что поделаешь, коли ненавидишь.

Уважение — это столь сложное чувство, что ребенок не имеет своего мнения, полагаясь на опыт старших.

Мама приказывает прислуге, прислуга маму боится. Мама и на бонну сердилась. Мама должна просить у доктора разрешения. Полицейский может маму оштрафовать. А товарищу не нужно мою маму слушаться. На пану на службе рассердился начальник, поэтому папа такой невеселый.

Солдат боится офицера, офицер — генерала, а генерал — короля. Здесь все понятно, и, может, поэтому мальчиков и занимают военные ранги; может, поэтому в школе дети так точно дозируют уважение — по классам, — что это тоже легко понять.

Очень достойны уважения посредники между видимыми и невидимыми авторитетами. Ксендз беседовал с Богом, доктор на дружеской ноге со здоровьем, солдат знаком с королем, а прислуга много знает о чарах, духах и кикиморах.

Но бывают моменты, когда самым достойным уважения оказывается пастух, который вырезает ножиком фигурку из дерева; этого ни мама, ни генерал, ни доктор не сумеют.

91. Почему от фруктов, если они неспелые, болит живот? А здоровье в животе или в голове? Здоровье — это душа? Почему собака может жить без души, а человек умирает? Хворают ли врачи, умирают ли и почему? Почему все великие люди умерли? Правда ли, что есть люди, которые пишут книжки и живут? Все короли умирают, не жильцы они на этом свете. У королевы есть крылья? Мишкевич был святым? А ксендз видел Бога? Может ли орел долететь до неба? А Бог молится? Что делают ангелы, спят ли, едят ли, играют ли в мячик, кто им шьет платье? А дьяволам очень больно? Это дьяволы сделали ядовитые грибы ядовитыми? Если Бог прогневался на разбойников, то почему велит за них молиться? Когда Моисей увидел Бога, он его очень испугался? Почему папа не молится, Бог ему разрешил? Гром — это чудо? Воздух — это Бог? Почему нельзя видеть воздух? Сразу ли воздух входит в пустую бутылку или понемножку, откуда он знает, что там уже нет воды? Почему бедные проклинают? Если дождик не чудо, то почему никто не может сделать дождик? Из чего сделаны тучи? А эта тетя, которая далеко живет, живет в гробу?

Сколь наивна надежда родителей (только не называйте их прогрессивными), что, сказав детям: «Бога нет», они облегчают им понимание окружающего мира. Если Бога нет, то это что значит? Кто все это сделал, что будет, когда я умру, а откуда взялся первый человек? Это правда, что если не молишься, то живешь как скотина? Папа говорит, что ангелов нет, а я их своими собственными глазами видел. Если не грешно, то почему нельзя убивать? Ведь и курице больно?

Те же сомнения и тревожные вопросы.

92. Мрачная сказка, таинственная нищета.

Почему он голодный, почему он бедный, почему ему холодно, почему он не купит, почему у него нет денег, почему ему «так» не дадут?

Ты говоришь ребенку:

«Дети бедняков грязные, употребляют нехорошие слова, в голове у них насекомые. Дети бедняков хворые, от них можно заразиться. Они дерутся, бросают камни и глаза выбивают. Во двор ходить нельзя и в кухню нельзя: ничего интересного там нет».

А жизнь заявляет:

«Вовсе не хворые, весь день бегают, веселятся, пьют воду из колодца и покупают вкусные-превкусные разноцветные конфетки. Ловко орудуя метлой, мальчишка подметает двор или снег чистит, а это очень приятно. И никаких насекомых у них нет, неправда это, и камнями не бросаются, и глаза целы, и не дерутся, а борются. Нехорошие слова смешные, а на кухне во сто раз приятнее, чем в комнатах».

Ты говоришь:

«Бедных надо любить, уважать, они добрые и много работают. Надо быть благодарным кухарке, она готовит обед, и сторожу, он смотрит за порядком. Поиграй с детьми сторожа».

А жизнь:

«Кухарка зарезала курицу, завтра мы ее будем есть, и мама будет есть, ведь курицу сварили и ей не больно, а вот кухарка так резала ее живую, мама даже смотреть не могла. Сторож утопил щенят, а такие они были хорошенькие! У кухарки шершавые руки, все в грязной воде полощется. От мужика воняет, от еврея воняет. Про торговку не говорят «госпожа торговка», а просто «торговка», и про сторожа — просто «сторож». Бедные дети грязные, что ни покажи им, сразу: «Дай мне», а не дашь, шляпу сдернут и хохочут, а один даже плюнул, в лицо плюнул...»

Ребенок еще и не слышал про злых колдунов, а уже со страхом подходит к старику нищему подать грошик.

Ребенок знает, что и здесь ему всего не говорят, что и здесь кроется что-то нехорошее, чего ему не хотят или не могут объяснить.

93. Чуждость светской жизни и хороших манер. Нехорошо класть палец в рот, ковырять в носу, шмыгать носом. Нехорошо просить, говорить: «Я не хочу», отодвигаться, когда тебя целуют, говорить: «Неправда». Нехорошо громко зевать, говорить: «Мне скучно». Неправильно сидеть, опираясь локтями на стол, первому подавать руку взрослым. Неправильно болтать ногами, держать руки в карманах, оглядываться на улице. Нехорошо делать вслух замечания и показывать пальцем.

Почему?

Эти запрещения и распоряжения имеют разные истоки, дети не могут уловить их суть и связь.

Нехорошо бегать в одной рубашке и нехорошо плевать на пол.

Почему нехорошо отвечать на вопросы взрослым сидя? И даже с отцом на улице надо здороваться? А что делать, когда говорят неправду? Например, дядя говорит: «Ты девочка», а он мальчик; или: «Ты моя невеста», или: «Я тебя у твоей мамы купил» — ведь это ложь!

— Почему с девочками надо быть вежливым? — спросил у меня ученик.

— Это объясняется исторически, — ответил я.

— Почему ты написал «огорот», через «т»? — спросил я несколько минут спустя.

— Это объясняется исторически, — отвечал он со злой ухмылкой.

На тот же вопрос одна мать ответила:

— Видишь ли, девочке придется потом рожать детей, она будет болеть и т. д.

Вскоре брат и сестра опять поссорились.

— Ну, мамочка, ну какое мне дело, как она будет рожать детей! Я хочу, чтобы она не была плакса, она плакса.

Наименее удачным кажется мне чаще всего встречающееся объяснение:

— Над тобой станут смеяться.

Правда, оно удобное, эффективное, ребенок боится всего смешного.

Но станут смеяться и над тем, что он обо всем говорит матери и что собирается в будущем не играть в карты, не пить водку, не ходить в публичный дом.

Да и родители из боязни всего смешного делают нелепые ошибки. И самую вредную ошибку: скрывают пороки ребенка и упущения в его воспитании; ребенок до поры до времени изображает перед гостями за щедрую плату хорошо воспитанного, а потом мстит.

94. Родной язык — это не нарочно подобранные для ребенка правила и нравоучения, а воздух, которым дышит его душа наравне с душой всего народа. Правда и сомнения, вера и обычаи, любовь и недоброжелательность, резвость и важность, всевозможное достоинство и низость, богатство и бедность — все, что создал в порыве вдохновения поэт и изрыгнул в пьяном трепе бандит, столетия истового труда и мрачные годы рабства.

Кто думал о том, кто писал, кто исследовал, как убивать бактерии и насыщать эту стихию кислородом? Быть может, оказалось бы, что не здоровое простонародное «обосрался», а салонное «согрешил» содержит в себе зародыши разложения?

«Бог помочь. Бог его покарал. Черт меня дернул. Суший рай. На седьмом небе. Дома ад. С Богом. Как у Христа за пазухой. Бог подаст. Читает как пономарь. Святоша. Богомаз. Ни копей-

ки за душой. Душа в пятки ушла. Черту душу продал бы. Грешки за ним водятся. Седина в бороду, бес в ребро. Морковкино заго-венье.

На здоровье. Твое здоровье. В пятницу дело пятится. Икота, кто-то вспоминает, влюблена, пересолила суп. Нож упал, голодный мужик торопится. Типун тебе на язык. Одной ногой в могиле.

Китайские церемонии. Цыганский пот. Русское авось. Бар-ская милость. Хамская морда. Сиротская доля.

Старый зануда. Старый дурак. Старая кочерга. Сопляк, пига-лица, щенок желторотый, молоко на губах не обсохло.

Слепой? Нет, незрячий. Старый? Нет, древний. Калека? Нет, убогий.

Собачья погода. Собачья смерть. Сукин сын, сукина дочь. Со злости бесится. Мечется как угорелая кошка. Волчий аппетит. Я из тебя котлету сделаю.

Пустая голова. У него голова трухой набита. Втирает очки. Шариков не хватает. Лопну со смеху. Сухим из воды выйдет. Знает как свои пять пальцев. Будет из нее штучка. Отравляет мне жизнь».

— Что это? Откуда взялось? Почему так говорят?

— «Бутылка» — имя существительное, «бутылка» — подлежа-щее. «Пробка» — имя существительное...

— Но почему: глуп как пробка? А этот человек, который вы-думал грамматику, был умный?

95. Дети не любят непонятных выражений, порой пытаются поразить ими окружающих. Дети не без выбора усваивают язык взрослых и некоторым нашим ходовым оборотам оказывают яв-ное сопротивление. «Слушай, дай мне. Эй, слышь, одолжи. По-слушай, покажи».

«Слушай», «послушай» соответствуют нашему «пожалуйста». Просить — это «просить милостыню» (нищий просит милосты-ню). Ребенок не любит это унижительное выражение.

«Думаешь, я тебя просить буду! Не проси его! Стану я его там просить! Подожди, ты еще у меня напростишься!»

Я знаю один лишь особо торжественный оборот:

— Эх ты какой, а я тебя так прошу!

Выражением «видишь ли» ребенок заменяет не менее непри-ятное «прости, пожалуйста».

«Видишь ли, я это нечаянно. Видишь ли, я не хотел этого. Видишь ли, я не знал».

А богатство средств выражения, цель которых убедить, пре-достеречь, не допустить бурных сцен?

«Перестань, оставь, лучше не трогай, отстань, уйди. Да брось же! Я тебе добром говорю, перестань! Прошу тебя, перестань (просьба здесь — категорическое приказание). Да уйдешь ты? Слушай, перестанешь ты наконец?»

Угроза:

«Хочешь получить? Схлопочешь! Вот увидишь, пожалеешь. Заревешь ты у меня!»

Пренебрежительное сдваивание слов:

«Ладно, ладно... Знаю, знаю... Погоди, погоди...»

Мы заставляем ребенка бояться.

«Очень я боюсь! Думаешь, испугался! Буду я его там бояться!»

Каждая собственность ребенка спорна: нельзя отдать, не спросив, нельзя портить, у него лишь право пользования (и тем более ценит он нераздельное обладание).

— Это твоя лавка, твой стол?

— Мой (или: А может, твой?).

— Я первый!

«Первый» занял место, начал играть, копать. Заботясь о своем покое, взрослые очень поверхностно решают споры ребят.

«Это он начал! Он первый начал! Стою я, а он...»

Любопытна отрицательная форма:

«Как я не двину ему! Как я не брошусь бежать! Как мы не примемся хохотать!»¹

Содержание этих рассказов — озорство; может быть, «не» является отголоском запретов.

«Ну помни, не надуй. Ты ведь слово дал. Нарушил слово!»

Кто не сдержал обещания, тот свинья. Взрослые обязаны это помнить.

Богатый материал для изучения.

96. Ребенок, не вконец восстановленный против бедных людей, любит кухню, и любит не потому, что там сушеные сливы и изюм, а потому, что в кухне что-то происходит, а в комнатах ничего не происходит; и сказка там интереснее, и, кроме сказки, услышит рассказ из всамделишной жизни, да и сам что-нибудь расскажет, и его выслушают с интересом, потому что на кухне он человек, а не собачонка на атласной подушке.

«Так сказку тебе сказать? Да уж ладно, скажу. Как это там было-то? Дай вспомню».

Прежде чем сказка начнется, у ребенка есть время принять удобную позу, оправить платье, откашляться, приготовиться к долгому слушанию.

«Идет она, идет по лесу. А в лесу темно, ничего не видать: ни дерева, ни зверя, ни камня. Темнешенько. Страшно ей, ух как страшно! Перекрестилась она раз — страх-то и поубавился, перекрестилась другой, дальше идет».

Я пробовал так рассказывать. Нелегкое это дело! Нам не хватает терпения, мы торопимся, мы не уважаем ни сказки, ни слушателя. Ребенок не успевает за темпом наших рассказов.

¹ Перевожу дословно — в русском языке аналогичный оборот в детской речи не отмечен. (Примеч. пер.)

Умей мы так рассказать о полотне, которое делают из льна, быть может, ребенок не думал бы, что рубашки растут на деревьях, а на полях золу сеют...

А вот и подлинное происшествие:

— Утром встаю я, а в глазах у меня все двоится: вижу всего по два. Смотрю на печку — две печки, смотрю на стол — два стола. Я знаю, стол один, а вижу два. Протираю глаза — не помогает. А в голове так и стучит, так и стучит...

Ребенок ждет разрешения загадки, и когда наконец дело доходит до незнакомого названия «тиф», он уже готов принять это новое слово.

— Доктор говорит: тиф...

Пауза. Рассказчик отдыхает, отдыхает и слушатель.

— Так вот, заболел я этим самым тифом...

Повествование не продолжается.

Простой рассказ о том, что в деревне был мужик, который ни одной собаки не боялся, и что побился он раз об заклад и злого, как волк, пса взял на руки и понес, словно теленка, превращается в эпос. И как на свадьбе один бабой переоделся и никто не узнал. И как мужик искал украденную лошадь.

Немного заботливого отношения — и, быть может, на эстрадах появятся сказочники в сермягах и научат нас рассказывать детям так, чтобы они нас слушали. Заботиться надо, а мы все хотим запрещать.

97. А это правда?

Надо понять суть этого вопроса, который мы не любим и считаем лишним.

Если мама или учительница говорили, значит, это правда.

Ан нет! Ребенок уже убедился, что каждый человек обладает лишь частью знания, и, например, кучер знает о лошадях даже больше, чем папа. А потом ведь не всякий скажет, хотя и знает. Порой просто не хотят, иногда подгоняют правду под детский уровень, часто утаивают или сознательно искажают.

Кроме знания, есть также вера; один верит, а другой нет; бабушка верит в сны, а мама не верит. Кто прав?

Наконец, ложь-шутка и ложь-похвальба.

— Правда ли, что Земля — шар?

Все говорят, что правда. Но если кто-нибудь один скажет, что неправда, останется тень сомнения.

— Вот вы были в Италии; правда это, что Италия — как сапог?

Ребенок хочет знать, сам ли ты видел или знаешь от других — откуда ты это знаешь; хочет, чтобы ответы были короткие, уверенные, понятные, одинаковые, серьезные, честные.

Как термометр измеряет температуру?

Один говорит — ртуть, другой говорит — живое серебро (почему живое?), третий — что тела расширяются (а разве термометр тело?), а четвертый — что после узнаешь.

Сказка про аиста обижает и сердит детей, как каждый шуточный ответ на серьезный вопрос, неважно, будь это «откуда берутся дети?» или «почему собака лает на кошку?».

«Не хотите, не помогайте, но зачем мешаете. зачем насмехаетесь надо мной, что хочу знать?»

Ребенок, мстя товарищу, говорит:

— Я что-то знаю, но раз ты такой, я тебе не скажу.

Да, он в наказание не скажет, а вот взрослые за что ребенка наказывают?

Привожу еще несколько детских вопросов:

«Этого никто на свете не знает? Этого нельзя знать? А кто это сказал? Все или только он один? А это всегда так? А это обязательно так должно быть?»

98. Можно?

Не позволяют, потому что грешно, нездорово, некрасиво, потому что он слишком мал, потому что не позволяют, и конец.

И тут не все ясно и просто. Подчас что-нибудь вредно, когда мама сердится, а подчас позволят и малышу, раз отец в хорошем настроении или гости.

— Почему запрещают, чем бы это им помешало?

К счастью, рекомендуемая теорией последовательность на практике неосуществима. Ну как вы хотите ввести ребенка в жизнь с убеждением, что все правильно, справедливо, разумно мотивировано и неизменно? Теоретизируя, мы забываем, что обязаны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать.

Часто мы встречаем зрелых уже людей, которые возмущаются, когда достаточно пренебречь, и презирают, где следует проявить участие. В области негативных чувств мы самоучки; обучая азбуке жизни, взрослые учат нас лишь несколькими буквам, а остальные утаивают. Удивительно ли, что мы читаем неправильно?

Ребенок чувствует свою неволю, страдает из-за оков, тоскует по свободе, но ему ее не найти, потому что форма воспитания меняется, а содержание — запрет и принуждение — остается. Мы не можем изменить свою жизнь взрослых, так как мы воспитаны в рабстве, мы не можем дать ребенку свободу, пока сами мы в кандалах.

Если я выкину из воспитания все, что прежде времени отягощает мое дитя, оно встретит суровое осуждение и у ровесников, и у взрослых. Необходимость прокладывать новый путь, трудность пути против течения не явятся ли для него еще более тяжким бременем? Как мучительно расплачиваются в школьных интернатах вольные птицы сельских усадеб за эти несколько лет относительной свободы в поле, в конюшне и в людской...

Я писал эту книгу в полевом госпитале под грохот пушек, во время войны; одной терпимости было мало.

99. Почему девочка в нейтральном возрасте уже так сильно отличается от мальчика?

Обездоленная детством, она подвержена дополнительным ограничениям как женщина. Мальчик, лишенный прав как ребенок, обеими руками ухватился за привилегии пола и не выпускает их, не желая делиться с ровесницей.

«Мне можно, я могу, я мальчик».

Девочка в кругу мальчиков — незваный гость. Из десятиртых всегда один спросит:

— А она зачем с нами?

Возникни спор — мальчики все уладят между собой, не задевая самолюбия, не угрожая изгнанием; а для девочки у них в запасе резкое:

«Не нравится тебе — ну и иди к своим».

Общаясь охотнее с мальчиками, девочка становится подозрительной личностью в своем кругу.

«Не хочешь, ну и иди к своим мальчишкам».

Обида на презрение отвечает презрением: рефлекс самозащиты атакуемой гордости.

Лишь совершенно исключительная девочка не опускает руки, не принимает всерьез общего мнения, стоит выше толпы.

В чем выражается враждебность ребячьего общества к девочкам, которые упорно играют с мальчиками? Может, я не ошибаюсь, утверждая, что эта враждебность породила беспощадный жестокий закон:

«Девочка опозорена, если мальчик у нее увидит штанишки».

Этот закон в той форме, какую он принял среди детей, придуман не взрослыми.

Девочка не может свободно бегать — если она упадет, прежде чем успеет привести в порядок платье, она уже слышит злобный возглас:

«Ой, штаны!»

«Неправда» или вызывающе: «Ну и что тут такого», — говорит она, вспыхнув, смущенная, приниженная.

Пусть она только попробует подражаться, этот возглас сразу остановит ее и обезоружит.

Почему девочки менее ловкие и, значит, менее достойные уважения, не дерутся, зато обижаются, ссорятся, жалуются и плачут? А тут еще старшие требуют девочек уважать. С какой радостью дети о взрослом-то говорят:

«Очень мне надо его слушаться».

А девчонке он, мальчик, должен уступать, почему?

До тех пор пока мы не избавим девочек от «не пристало», корни которого в их одежде, тщетны усилия девочек стать товарищами мальчику. Мы решили задачу иначе: обрядили

мальчика в длинные волосы и опутали равным количеством правил благопристойного поведения, и вот дети играют вместе; вместо мужественных дочерей мы удвоили число женподобных сыновей.

Короткие платья; купальные костюмы, спортивная одежда; новые танцы — смелая попытка по-новому решить проблему. Сколько в законах моды кроется размышлений? Верю, что не по легкомыслию.

Нельзя критиковать и раздражаться; при рассмотрении так называемых шекотливых тем сохраним благоразумную осторожность.

*

Я не возобновлял бы попытку рассмотреть все этапы развития детей в небольшой брошюре.

100. Ребенок, который сперва радостно скользит по поверхности жизни, не зная ее мрачных глубин, коварных течений, скрытых чудищ и затаившихся вражеских сил, доверчивый, очарованный, улыбаясь красочной новизне, вдруг пробуждается от голубого полусна и с остановившимся взглядом, затаив дыхание, шепчет дрожащими губами в страхе:

— Что это, почему, зачем?

Пьяный еле держится на ногах, слепой нащупывает посохом дорогу, эпилептик падает на тротуар, вора ведут, лошадь подыхает, петуха режут.

— Почему? Зачем все это?

Отец говорит сердитым голосом, а мама плачет, плачет... Дядя поцеловал прислугу, та ему в ответ погрозила, и они улыбаются и смотрят друг другу в глаза. Говорят, возмущаясь, о ком-то, что он темная личность и кости ему надо поломать.

— Что это, почему?

Ребенок не смеет спрашивать.

Чувствует себя маленьким, одиноким и беспомощным перед лицом таинственных сил.

Он, который раньше царил и чьи желания были законом — вооруженный слезами и улыбками, богатый тем, что у него есть мама, папа и няня, — замечает, что он у них только для развлечения, что это он для них, а не они для него.

Чуткий, словно умная собака, словно королевич в неволе, он озирается вокруг и заглядывает в себя.

Взрослые что-то знают, что-то скрывают. Сами они не то, чем себя выставляют, и от него требуют, чтобы он был не тем, что он есть на самом деле. Хвалят правду, а сами лгут и ему велят лгать. По-одному говорят с детьми и совершенно по-другому — между собой. Они над детьми смеются!

У взрослых своя жизнь, и взрослые сердятся, когда дети заходят в нее заглянуть: желают, чтобы ребенок был легковверным, и радуются, если наивным вопросом выдаст, что не понимает.

Смерть, животные, деньги, правда, Бог, женщина, ум — во всем как бы фальшь, дрянная загадка, дурная тайна. Почему взрослые не хотят сказать, как это на самом деле?

И ребенок с сожалением вспоминает младенческие годы.

101. Второй период неуравновешенности, о котором я могу сказать определенно лишь то, что он существует, я назвал бы школьным. Название это — увиливание, незнание, отступное, одна из многих этикеток, которые пускает в оборот наука, создавая видимость у профанов, что она знает, тогда как еще начинает догадываться.

Школьная неуравновешенность — не перелом на грани между младенчеством и первым детством и не период созревания.

Физически — это изменение к худшему во внешности, сне, аппетите, пониженная сопротивляемость болезням, проявление скрытых наследственных изъянов, плохое самочувствие.

Психически — это чувство одиночества, душевный разлад, враждебное отношение к окружающим, предрасположенность к моральным инфекциям, бунт врожденных склонностей против навязываемого воспитания.

«Что с ним случилось? Я его не узнаю» — вот характеристика, которую дает мать.

А иногда:

«Я думала, это капризы, сердилась, выговаривала ему, а он, видно, уже давно болен».

Для матери тесная связь замеченных физических и психических изменений неожиданна:

«А я это приписывала плохому влиянию товарищей».

Да, но отчего среди многих детей он выбрал плохих, отчего они так легко нашли отклик, оказали влияние?

Ребенок, с болью отрываясь от самых близких, слабо еще сросшись с ребячьим обществом, тем сильнее обижается, что ему не хотят помочь, что не с кем посоветоваться, не к кому прилажаться.

Когда встречаешь эти небольшие изменения в интернате со значительным числом ребят, когда из сотни ребят сегодня один, завтра другой «портится», делается вдруг ленивым, неуклюжим, сонным, капризным, раздражительным, недисциплинированным и лживым, чтобы через год опять выровняться, «исправиться», трудно сомневаться в том, что эти массовые проблемы связаны с процессом роста, известное знание законов которого дают объективные и беспристрастные измерительные приборы: весы и ростомер.

Предчувствую минуту, когда весы, ростомер и, может быть, другие изобретенные человеческим гением приборы станут сейсмографом скрытых сил организма и позволят не только опознавать, но и предвидеть.

102. Неправда, что ребенку подавай то стекло из окошка, то звезду с неба, что его можно подкупить потачками и уступками, что он врожденный анархист. Нет, у ребенка есть чувство долга, не навязываемое извне, любит он и расписание, и порядок и не отказывается от обязанностей и соблюдения правил. Требуется лишь, чтобы ярмо не было слишком тяжелым, не натирало холку и чтобы он встречал понимание, когда не устоит, поскользнется или, обессилив, остановится перевести дух.

«Давай попробуй, а мы проверим, поднимешь ли, сколько шагов сделаешь с таким грузом и одолеешь ли столько ежедневно» — вот основное правило ортофрени.

Ребенок хочет, чтобы с ним обходились серьезно, требует доверия, советов и указаний. Мы же относимся к нему шуточно, безустанно подозреваем, отталкиваем непониманием, отказываем в помощи.

Мать, придя к врачу на консультацию, не хочет приводить фактов, предпочитает общую форму:

— Нервная, капризная, непослушная.

— Факты, многоуважаемая, симптомы.

— Укусила подругу. Просто стыдно сказать. А ведь любит ее, всегда с ней играет.

Пятиминутная беседа с девочкой: ненавидит «подругу», которая смеется над ней и ее платьями, а маму назвала «тряпичницей».

Другой пример: ребенок боится спать один в комнате, мысль о приближающейся ночи приводит его в отчаяние.

— Почему же ты мне об этом не говорил?

— А вот именно, что говорил.

Мать не посчиталась: стыдно, такой большой и боится.

Третий пример: плюнул на бонну, вцепился ей в волосы, с трудом его оторвали.

Бонна брала его ночью к себе в постель и велела прижиматься; грозила, что положит его в сундук и бросит в речку.

Потрясающе одиноким может быть ребенок в своем страдании.

103. Положительный период — безмятежное затишье. Даже «нервные» дети делаются опять спокойными. Возвращается детская живость, свежесть, гармония жизненных функций. Есть и уважение к старшим, и послушание, и хорошие манеры; нет вызывающих тревогу вопросов, капризов и выходок. Родители опять довольны. Ребенок внешне усваивает мировоззрение семьи и среды; пользуясь относительной свободой, не требует больше того, что получает, и остерегается выявлять те из взглядов, про которые знает, что их плохо примут.

Школа с ее прочными традициями, шумной и яркой жизнью, распорядком, требовательностью и заботами, поражениями и победами и друг-книжка — вот содержание его жизни. Факты не оставляют времени на бесплодное копание.

Ребенок теперь уже знает. Знает, что не все на свете в порядке, что есть добро и зло, знание и незнание, справедливость и несправедливость, свобода и зависимость. Не понимает, так не понимает, какое ему, в конце концов, до этого дело? Он смиряется и плывет по течению.

Бог? Надо молиться, в сомнительных случаях к молитве добавить милостыню, так делают все. Грех? Придет раскаяние, и Бог простит.

Смерть? Надо плакать, траур носят, вспоминают со вздохом — все так делают.

Требуют, чтобы был примерным, веселым, наивным и благодарным родителям? Пожалуйста, к вашим услугам!

«С удовольствием, спасибо, простите, мамочка кланяется, желаю от всего сердца (а не от половинки)» — так это просто, легко, а приносит похвалу, обеспечивает покой.

Знает, когда, к кому, как и с какой обратиться просьбой, как половчее вывернуться из неприятного положения, как, кому и чем угодить, надо лишь взвесить, «стоит ли?».

Хорошее душевное самочувствие и физическое благополучие делают его снисходительным и склонным к уступкам: родители по существу добряки, мир вообще симпатяга, жизнь, опуская мелочи, прекрасна.

Этот этап, который может быть использован родителями для подготовки и себя и ребенка к ожидающим их новым задачам, — время наивного покоя и беспечного отдыха.

«Помогли мышьяк или железо, хорошая учительница, каток, пребывание на даче, исповедь, материнские наставления».

И родители и ребенок тешат себя иллюзией, что уже столкнулись, преодолели трудности, тогда как столь же важная, как и рост, но наименее покорная современному человеку функция размножения начнет вскоре трагично осложнять все еще длянущую функцию развития индивида — смутит душу и пойдет в атаку на тело.

104. И опять лишь старание обойти правду, маленькое облегчение в понимании этой правды и опасность ошибиться, что постигнуть истину, когда она лишь еле вырисовывается.

И период неустойчивости и уравновешенности — не объяснение явления, а лишь его популярное название. Тайны разгаданные мы пишем, как объективные математические формулы; другие же, перед которыми беспомощно остановились, пугают нас и сердят. Пожар, наводнение, град — катастрофы, но лишь с точки зрения наносимых убытков; мы организуем пожарную охрану, строим плотины, страхуем, оберегаем. К весне и к осени мы приспособились. С человеком же боремся безрезультатно, ибо, не зная его, не умеем согласовать наши жизни.

Сто дней ведут к весне. Еще нет ни единой былинки, ни единой почки, а в земле и в корнях уже чувствуется наказ весны, ко-

торая таится в укрытии, пульсируя, выжидая, крепчая под снегом, в нагих ветвях, в морозном вихре, чтобы вдруг вспыхнуть расцветом. Лишь поверхностное наблюдение видит непорядок в изменчивой мартовской погоде — там, в глубине, есть что-то, что логично с часу на час зреет, накапливается, строится в ряды; только мы не обособляем железного закона астрономического года от его случайных мимолетных скрещений с законами, менее известными или даже вовсе не известными.

Нет пограничных столбов между разными периодами жизни, это мы ставим их, так же как раскрасили в разные цвета карту мира, установив искусственные границы государств и меняя их каждые несколько лет.

«Он из этого вырастает, это переходный возраст, это еще изменится» — и воспитатель ждет со снисходительной улыбкой, вывезет же счастливый случай!

Каждый исследователь любит свой труд за муки поисков и упоение битвы, но добросовестный и ненавидит его — из страха перед ошибками, которыми он чреват, и лживостью результатов, к которым приводит.

Каждый ребенок переживает периоды стариковской усталости и бурлящей полноты жизненной деятельности; это не значит, что следует уступать и оберегать, но и не значит, что следует перебарывать и закалять. Сердце не поспевает за ростом, стало быть, дать ему покой или, может быть, побуждать к более живой деятельности, чтобы окрепло? Эту проблему можно решить лишь для данного случая и момента; надо, однако, чтобы мы завоевали расположение ребенка, а он заслуживал доверия.

А прежде всего надо, чтобы знание знало.

105. Надо подвергнуть коренному пересмотру все то, что мы приписываем сегодня периоду созревания, с которым мы серьезно считаемся, и правильно, что считаемся, только не преувеличенно ли, не односторонне ли, а главное, дифференцируя ли обуславливающие его факторы? Не позволит ли знакомство с предыдущими этапами развития объективнее приглядеться к этому новому, но одному из многих, периоду детской неуравновешенности (который обладает общими с ними чертами), лишая его нездоровой, таинственной исключительности? Не обрядили ли мы (несколько искусственно) созревающую молодежь в мундир неуравновешенности и беспокойства, так же как детей — в мундир душевной ясности и беззаботности, и не поддалась ли она внушению? Не повлияла ли наша беспомощность на бурность процесса? Не слишком ли много о пробуждающейся жизни, заре, весне, порывах и мало фактических данных?

Что перевешивает: явление общего буйного роста или развитие отдельных органов? Что зависит от изменений в кровеносной системе, сердце и сосудах и от недостаточного или качест-

венно измененного окисления и питания тканей мозга и что от развития желез?

Если некоторые явления сеют среди молодежи панику, больно рая и собирая богатую жатву жертв, ломая ряды и сокрушая, — это не потому, что так должно быть, а потому, что так бывает в теперешних социальных условиях, где все благоприятствует такому ходу вещей на этом отрезке жизненной орбиты.

Легко поддается панике усталый солдат; еще легче, когда с недоверием смотрит на начальство или подозревает измену; еще легче, когда, раздираемый беспокойством, не знает, где он, что перед ним, с боков и за ним; но легче всего, когда атака обрушивается неожиданно-негаданно. Одиночество благоприятствует панике, сомкнутый строй, плечом к плечу, крепит спокойную отвагу.

Утомленная ростом, одинокая, блуждающая без разумного руководства в лабиринте жизненных проблем молодежь вдруг сталкивается с врагом, будучи слишком высокого мнения о его сокрушительной мощи, не зная, откуда он взялся и как укрыться и обороняться.

Еще один вопрос:

Не смешиваем ли мы патологии периода созревания с физиологией, не обоснован ли наш взгляд врачами, видящими лишь *maturitas difficilis*, созревание трудное, ненормальное? Не повторяем ли мы ошибок столетней давности, когда все нежелательные явления у детей до трех лет приписывались прорезыванию зубок? Быть может, то, что осталось нынче от легенды про «зубки», останется через сто лет и от легенды о «половом созревании».

106. Исследования Фрейда* сексуальной жизни детей запятнали детство, но не очистили ли тем самым юность? Любимая иллюзия о непорочной чистоте ребенка рассеялась и помогла рассеяться другой, но уже мучительной иллюзии: вдруг «в нем проснется животное и утопит в клоаке». Я привел это ходовое выражение, чтобы тем сильнее подчеркнуть, как фаталистичен наш взгляд на эволюцию полового влечения, которое связано с жизнью, как и рост.

Нет, не позорное пятно — этот туман ощущений, которым лишь осознанная или безотчетная развращенность придает преждевременно определенную форму; не позорное пятно и то смутное «что-то», которое постепенно, в течение ряда лет, все более явно окрашивает чувства двух полов, чтобы с наступлением зрелости полового влечения и полной зрелости половых органов привести к зачатию нового существа, приемника ряда поколений.

Половая зрелость: организм готов без вреда для себя дать здорового потомка.

Зрелость полового влечения: четко оформившееся желание нормального совокупления с индивидом другого пола.

У юношей половая жизнь начинается иногда даже раньше, чем созреет влечение; у девушек осложняется в зависимости от замужества или изнасилования.

Трудная проблема, но тем неразумнее беспечность, когда дитя ничего не знает, и недовольство, когда о чем-то догадывается.

Не затем ли мы грубо отталкиваем его всякий раз, когда его вопрос вторгается в запретную область, чтобы не отваживался обращаться к нам в будущем, когда начнет не только предчувствовать, но и чувствовать?

107. Любовь. Ее арендовало искусство, приделало крылья, а поверх них натянуло смирительную рубашку и попеременно преклоняло колени и давало в морду, сажало на трон и велело на перекрестке завлекать прохожих — совершало тысячи нелепостей обожания и посрамления. А лысая наука, нацепив на нос очки, тогда признавала ее достойной внимания, когда могла изучать ее гнойники. Физиология любви имеет одностороннее назначение: «служить сохранению вида». Маловато! Бедновато! Астрономия знает больше, чем то, что солнце светит и греет.

И вышло, что любовь в общем грязна и сумасбродна и всегда подозрительна и смешна. Достойна уважения лишь привязанность, которая всегда приходит после совместного рождения законного ребенка.

Поэтому мы смеемся, когда шестилетний мальчуган отдает девочке половинку своего пирожного; смеемся, когда девочка вспыхивает в ответ на поклон соученика. Смеемся, подкараулив школьника, когда он любит «ее» фотографией; смеемся, что девочка кинулась отворить дверь репетитору брата.

Но морщим лоб, когда он и она как-то слишком тихо играют или, борясь, повалились, запыхавшись, на пол. Но впадаем в гнев, когда любовь сына или дочки расстраивает наши планы.

Смеемся, ибо далека, хмуримся, ибо приближается, возмущаемся, когда опрокидывает расчеты. Ранним детей насмешками и подозрениями, бесчестим чувство, не сулящее нам дохода.

Поэтому дети прячутся, но любят друг друга.

Он любит ее за то, что она не такая маменькина дочка, как все, веселая, не ссорится, носит распущенные волосы, что у нее нет отца, что какая-то такая славная.

Она любит его за то, что не такой, как все мальчишки, не хулиган, за то, что смешной, что у него светятся глаза, красивое имя, что какой-то такой славный.

Прячутся и любят друг друга.

Он любит ее за то, что похожа на ангела с картины в боковом крыле алтаря, что она чистая, а он нарочно ходил на одну улицу посмотреть на «такую» у ворот.

Она любит его за то, что согласился бы жениться при единственном условии: никогда не раздеваться в одной с ней комнате. Целовал бы ее два раза в год только в руку, а раз по-настоящему.

Испытывают все чувства любви, кроме одного, грубо заповедного, что звучит в резком:

«Вместо того, чтобы романами заниматься, лучше бы ты... Вместо того, чтобы забивать себе любовью голову, лучше бы ты...»

Почему выследили и травят?

Разве это плохо, что они влюблены? И даже не влюблены, а просто очень, очень любят друг друга? Даже больше, чем родители? А быть может, это-то и грешно?

А случись кому умереть?.. Боже, но ведь я прошу здоровья для всех!

Любовь в период созревания не является чем-то новым. Одни влюбляются еще детьми, другие еще в детском возрасте издеваются над любовью.

— Она твоя милка? Она уже тебе показала?

И мальчик, желая убедить, что у него нет милки, подставляет ей ногу или больно дергает за косу.

Выбивая из головы преждевременную любовь, не вбиваем ли мы тем самым преждевременный разврат?

108. Период созревания — словно все предшествующие не были постепенным созреванием, то медленным, то побыстрее. Приглядимся к кривой веса, и мы поймем усталость, неловкость движений, леность, полусонную задумчивость, воздушность, бледность, вялость, безволие, капризы и нерешительность, характерные для этого возраста, — скажем, большой неуравновешенности в отличие от прежних малых.

Рост — это работа, тягчайший труд организма, однако условия жизни не позволяют пожертвовать ему ни одним часом в школе, ни одним днем на фабрике. А как часто рост протекает почти как заболевание — преждевременный, слишком бурный, с отклонением от нормы!

Первая менструация для девочки — трагедия, ее выучили бояться вида крови. Развитие груди ее печалит, ее научили стыдиться своего пола, а грудь разоблачает, все увидят, что она девочка.

Мальчик, который физиологически переживает то же самое, психически реагирует иначе. Он с нетерпением ожидает первого пушка над губой, это ему сулит, предвещает многое, и если он и стыдится пускать петуха и жердеобразных рук, то потому, что еще не готов, должен ждать.

Вы замечали у обездоленных девочек зависть и неприязнь к привилегированным мальчикам? Да; раньше, когда ее наказывали, была хотя бы тень вины, а сейчас чем она виновата, что она не мальчик?

Девочки раньше формируются и радостно начинают демонстрировать это свое единственное преимущество.

«Я почти взрослая, а ты еще сопляк. Через три года я могу выйти замуж, а ты все еще будешь корпеть над книжкой».

Любимому товарищу детских игр посылается презрительная улыбка.

<...>

109. Давнишняя тайная неприязнь к окружающим взрослым получает фатальную окраску.

Столь частое явление: ребенок провинился, разбил окно. Он должен чувствовать, что виноват. Когда справедливо ему выговариваешь, реже встречаешь раскаяние, чаще бунт — гневно нахмуренные брови, взгляд исподлобья. Ребенку хочется, чтобы воспитатель именно тогда проявил доброту, когда он виноват, когда он плохой, когда его постигло несчастье. Разбито стекло, пролиты чернила, порвано платье — все это результаты неудачных начинаний, которые затевались, может быть, даже несмотря на предупреждения. Ну а взрослые, просчитавшись и потеряв на сделке, как воспримут претензии, гнев и брань?

Эта неприязнь к суровым беспощадным господам существует и тогда, когда ребенок считает взрослых высшими существами.

«Ага, значит, это так, значит, вот она, ваша тайна, значит, вы скрывали, и ведь есть чего вам стыдиться».

Ребенок слышал и раньше, но не верил, сомневался, его это не касалось. Теперь он желает твердо знать, и у него есть у кого узнать, эти сведения ему нужны для борьбы с ним, взрослым, наконец, он чувствует, что и сам уже замешан в это дело. Раньше было так: «Это я не знаю, а то знаю наверняка», а теперь ему все ясно.

«Значит, можно и хотеть, да не иметь детей, значит, и у девушки может быть ребенок, значит, можно не рожать, если не хочешь, значит, за деньги, значит, болезни, значит, все?!»

А они живут, и ничего, они между собой не стыдятся.

Их улыбки и взгляды, запреты и опасения, смущение и недоумолвки, все, ранее неясное, становится теперь понятным и потрясающе выразительным.

«Ладно, ладно, сочтемся».

Учительница польского языка глаз не сводит с математика.

«Поди сюда, я тебе что-то скажу на ухо».

И смех злобного торжества, и подглядывание в замочную скважину, и изображение сердца, пронзенного стрелой, на промокашке или классной доске.

Старушка вырядилась. Старикан заигрывает. Дядя берет за подбородок и говорит: «Э-э, еще молодо-зелено...»

Нет, уже не молодо-зелено, а «Я знаю».

Они, взрослые, еще притворяются, еще пытаются лгать, — значит, преследовать, разоблачать обманщиков, мстить за годы рабства, за краденое доверие, за вынужденные ласки, за выманные признания, принудительное уважение.

Уважать?! Нет, презирать, насмехаться и помнить. Борьба с ненавистной зависимостью.

«Я не ребенок. Что думаю — мое дело. Не надо было меня рожать. Завидуешь мне, мама? Взрослые тоже не такие уж святые».

Или прикидываться, что не знаешь, пользоваться тем, что прямо сказать они не посмеют, и лишь насмешливым взглядом, полуулыбкой говорить: «Знаю», когда уста произносят: «Я не знаю, что в этом плохого, я не знаю, что вы от меня хотите».

110. Следует помнить, что ребенок недисциплинирован и зол не потому, что он «знает», а потому, что страдает. Мирное благополучие снисходительно, а раздражительная усталость агрессивна и мелочна.

Было бы ошибкой считать, что понять — это значит избежать трудностей. Сколько раз воспитатель, сочувствуя, должен подавлять в себе доброе чувство: должен обуздывать детские выходки ради поддержания дисциплины, чуждой его духу. Большая научная подготовка, опыт, душевное равновесие подвергаются здесь тяжкому испытанию.

«Я понимаю и прошаяю, но люди, мир не простят».

«На улице ты должен вести себя прилично — умерять слишком бурные проявления веселья, не давать воли гневу, воздерживаться от замечаний и осуждения, оказывать уважение старшим».

Даже при наличии доброй воли и стараний понять бывает трудно, тяжело: а всегда ли встречает ребенок в отчем доме беспристрастное отношение?

Его 16 лет — это родительских сорок с лишним, возраст печальных размышлений, подчас последний протест против собственной жизни, минуты, когда баланс прошлого показывает явную недостачу.

— Что я имею в жизни? — говорит ребенок.

— А я что имела?

Предчувствие говорит нам, что и он не выиграет в лотерее жизни, но мы уже проиграли, а у него есть надежда, и ради этой призрачной надежды он рвется в будущее, не замечая — равнодушный, — что нас хоронит.

Помните, когда вас разбудил рано утром лепет ребенка? Тогда вы заплатили себе за труды поцелуем. Да, да, за пряник мы получали сокровища признательной улыбки. Пинетки, чепчик, слюнявчик — так все это было дешево, мило, ново, забавно. А теперь все дорого, быстро рвется, а взамен ничего, даже доброго слова не скажет... А сколько сносит подметок в погоне за идеалом и как быстро вырастает из одежды, не желая носить на рост!

— На тебе на мелкие расходы...

Ему надо развлечься, есть у него и свои небольшие потребности. Но принимает сухо, принужденно, словно милостыню от врага.

Горе ребенка отзывается на родителях, страдания родителей необдуманно бьют по ребенку. Раз конфликт так силен, насколько он был бы сильнее, если бы ребенок, вопреки нашей воле, сам, своим одиночным усилием, не подготовил себя исподволь к тому, что мы не всемогущи, не всеведущи и не совершенны.

III. Если внимательно взглядеться не в собирательную душу детей этого века, а в ее составные части, не в массы, а в индивиды, мы опять видим две прямо противоположные душевные организации.

Мы находим того, кто тихо плакал в колыбели, нескоро стал сам приподниматься, без протеста расставался с пирожным, смотрел издали на игры сбившихся в круг ребят, а теперь изливает свои бунт и боль в слезах, которые ночью никто не видит.

Мы находим того, кто кричал до синюхи, ни на минуту его нельзя было оставить со спокойной душой одного, вырывал у сверстника мяч, командовал: «Ну, кто играет? Возьмитесь за руки, быстро», — а теперь навязывает свою программу бунта и активное беспокойство сверстникам и всему обществу.

Я усиленно искал объяснение мучительной загадке: отчего и среди молодежи, и взрослых так часто честная мысль должна скрываться и убеждать вполголоса, а спесь задает шик и криклива? И почему доброта — синоним глупости или бессилия? Как часто толковый общественный деятель и честный политик, сами не зная почему идя на попятную, нашли бы объяснение этому в словах Елленты*:

«Я недостаточно дерзок на язык, чтобы отвечать на их остроты и ехидства, и говорить, рассуждать с теми, у кого на все готов наглый ответ альфонса, не умею».

Что делать, чтобы в соках, движущихся в собирательном организме, присутствовали на равных правах активные и пассивные личности, свободно циркулировали элементы всех воспитывающих сфер?

«Я этого не прошу. Уж я знаю, что я сделаю. Хватит с меня всего этого», — говорит активный бунт.

«Брось. Ну зачем тебе это? Может, тебе это только кажется».

Эти простые слова, выражение честного колебания или простодушного смирения, действуют успокоительно, обладая большей силой убеждения, чем искусная фразеология тирании, которую вырабатываем мы, взрослые, желая закабалить детей. Сверстника не стыдно послушаться, но дать себя убедить взрослому, а уж тем более растрогать — это дать себя провести, обмануть, расписаться в своем ничтожестве; к сожалению, дети правы, не доверяя нам.

Но как, повторяю, защитить раздумье от алчного честолубия; спокойное рассуждение от крикливого аргумента; как научить отличать «идею» от «внешнего лоска и карьеры»; как огра-

дить догмат от издевательства, а молодую идею от многоопытной предательской демагогии?

Ребенок, шагнув вперед, вступает в жизнь — не в половую жизнь! — он созревает, но не в одном половом отношении.

Если ты понимаешь, что никакого вопроса тебе не решить самому, без их участия; если ты им выскажешь все, что тут сказано, а после окончания собрания услышишь:

«Ну, пассивные, пошли домой! — Не будь такой активный, а то склопочешь. — Эй ты, догматическая среда, ты мою шапку взял...» — не думай, что они над тобой насмеются, не говори: не стоит.

112. Мечты.

Игру в Робинзона сменили мечты о путешествии, игру в разбойники — мечты о приключении.

Опять жизнь не удовлетворяет, мечта — это бегство от жизни. Нет пищи для размышления, и появляется их поэтическая форма. В мечте находят выход скопившиеся чувства. Мечты — это программа жизни. Умей мы их расшифровывать, мы увидели бы, что мечты сбываются.

<...>

Что толкает молодежь к богеме? Одних — развязность, других притягивает экзотика, третьих — напористость, честолюбие, карьера; и только этот, один-единственный, любит искусство, он один в этом артистическом мире на самом деле художник и не предаст искусства; и умер он в нищете и безвестности, но ведь мечтал он не о злате и почестях, а о победе. Прочитайте «Творчество» Золя; жизнь куда более логична, чем мы думаем.

Она мечтала о монастыре, а очутилась в доме терпимости; но и там оставалась сестрой милосердия, которая в неприемные часы ухаживает за больными товарками по недолу, утоляя их печаль и страдание. Другую влекло к веселью, и она полна им в приюте для больных раком, — даже умирающий улыбается, слушая ее болтовню и следя угасающим взглядом за светлым личиком...

Нищета.

Ученый о ней думает, изучая, предлагая проекты, выдвигая теории и гипотезы; а юноша мечтает, что он строит больницы и раздает милостыню.

В детских мечтах есть Эрос, но до поры до времени нет Венеры. Односторонняя формула, что любовь — это эгоизм вида, пагубна. Дети любят людей одного с ними пола, любят стариков и тех, кого они и в глаза не видели, даже кого вообще нет на свете. Даже испытывая половое влечение, дети долго любят идеал, не тело.

Потребность борьбы, тишины и шума, труда и жертв; стремление обладать, потреблять, искать; амбиция, пассивное раздражительность — все это находит выражение в мечте, независимо от ее формы.

Жизнь воплощает мечты, из сотен юношеских мечтаний лепит одну статую действительности.

113. Первая стадия периода созревания. Знаю, но еще сам не чувствую, чувствую, но сам еще этому не верю, осуждаю то, что делает с другими природа; страдаю, ибо нет уверенности, что сам избегу этого. Но я невинен; презираю их, опасаясь за себя.

Вторая стадия: во сне, в полусне, в мечтах, в момент возбуждения игрой, несмотря на внутренний протест, отвращение и голос совести, все чаще и четче прорезывается чувство, которое к мучительному конфликту с внешним миром добавляет тяжесть конфликта с самим собой. Гонишь мысль, а она пронизывает тебя, как предвестник болезни — первый озноб. Существует инкубационный период сексуальных ощущений, которые сначала удивляют и пугают, а затем вызывают ужас и отчаяние.

Эпидемия разговоров шепотом по секрету и хихиканья угасает, будоражащие пикантности теряют прелесть, — ребенок вступает в период взаимных признаний; крепнет дружба — прекрасная дружба заблудившихся в чаще жизни сирот, которые клянутся друг другу, что не покинут, не оставят, не расстанутся.

Ребенок, сам несчастный, уже не встречает, с тревогой и угрюмым удивлением, заученной фразой чужое несчастье, страдание и лишение, а горячо им сочувствует. Слишком занятый и озабоченный собой, не может долго плакаться о других, но он найдет время для слезы о соблазненной и покинутой девушке, побитом ребенке, узнике в кандалах.

Каждый новый лозунг, идея находят в нем внимательного слушателя и горячего сторонника. Книги он не читает, а глотает и молит Бога о чуде. Детский Боженька — сказка, потом — Бог, виновник всех бед, первоисточник несчастий и преступлений, тот, кто может и не хочет, — становится для него Богом великой тайны, Богом — всепрощением, Богом — разумом превыше человеческой мысли, Богом — пристанью во время бури.

Раньше: «Если взрослые заставляют молиться, значит, и молитва — вранье; если критикуют приятеля, видно, он-то и укажет мне путь», ибо как можно им верить? Теперь все иначе: враждебная неприязнь уступает место состраданию. Определения «свинство» недостаточно; здесь кроется что-то бесконечно более сложное. Но что? Книга только на первый взгляд, на минуту рассеивает сомнения, а ровесник сам слаб и беспомощен. Бывает момент, когда можно вновь обрести ребенка — он ждет, он хочет тебя выслушать.

Что ему сказать? Только не про то, как оплодотворяются цветы и размножаются гишпопотамы и что онанизм вреден. Ребенок чувствует, что тут дело в чем-то значительно более важном, чем чистота пальцев и простыни, тут решается судьба его духовной основы — ответственности перед жизнью в целом.

Ах, снова стать невинным ребенком, который верит и доверяет, не размышляя!

Ах, стать наконец взрослым, убежать от переходного возраста и быть таким, как они, как все.

Монастырь, тишина, благочестивые размышления.

Нет, слава, героические подвиги.

Путешествия, смена впечатлений.

Танцы, игры, море, горы.

Лучше всего умереть; к чему жить, к чему мучиться.

Воспитатель в зависимости от того, что он приготовил к этой минуте за те годы, когда он внимательно приглядывался к ребенку, может наметить ему план действий — как познать себя, как побеждать себя, какие приложить усилия, как искать свой путь в жизни.

114. Буйное своеволие, пустой смех, веселье юности.

Да, радость, что всем скопом, торжество во сне сившейся победы, взрыв неискушенной веры в то, что наперекор действительности мы переворачиваем мир.

Сколько нас, сколько юных лиц, сжатых кулаков, сколько здоровых клыков, не поддадимся!

Рюмка или кружка рассеивает оставшиеся сомнения.

Смерть старому миру, за новую жизнь, ура!

Не замечают того, чей насмешливый прищур глаз говорит: «дурачье», не видят другого, в чьем печальном взгляде читаешь: «несчастные», не видят и третьего, который хочет использовать эту минуту и положить чему-то начало, принести клятву, дабы благородное возбуждение не потонуло в оргии, не расплескалось в бессодержательных возгласах.

Часто массовое веселье мы считаем избытком энергии, тогда как это лишь проявление раздраженной усталости, которая на какой-то момент, не чувствуя преград, приходит в обманчивое возбуждение. Вспомни веселье ребенка в железнодорожном вагоне, когда ребенок, не зная, как долго будет ехать и куда, вроде бы и довольный новыми впечатлениями, капризничает от их избытка и ожидания того, что наступит, и веселый смех кончается горькими слезами.

Объясни, почему присутствие взрослых «испортит игру», стесняет, вносит принужденность...

Празднество, помпезность, у всех приподнятое настроение, взрослые так умело взволнованны, так чувствовались в роль. А два этаких переглянулись и задыхаются, помирают со смеху, аж слезы текут от старания не прыснуть, и не могут удержаться от каверзного желания подтолкнуть локтем, шепнуть язвительное словечко, приближая опасность скандала.

«Только, чур, не смеяться. Только ты не смотри на меня. Только ты меня не смей».

А после праздника:

«А какой у нее был красный нос! А у него галстук перекосялся. Покажи: у тебя это так хорошо выходит».

И бесконечное повествование о том, как это было смешно.

И еще одно:

«Они думают, мне весело. И пускай себе думают. Еще одно доказательство, что они нас не понимают...»

Вдохновенный труд юности. Какие-нибудь приготовления, огромные усилия, действия с ясно очерченной целью, когда нужны быстрота рук и изобретательный ум. Здесь молодежь в своей стихии, здесь увидишь ты здоровое веселье и ясное возбуждение.

Планировать, принять решение, выложить всего себя и выполнить, а затем смеяться над неудачными попытками и преодоленными трудностями.

115. Юность благородна.

Если вы зовете это отвагой, когда ребенок не боится высунуться из окна пятого этажа; если вы зовете это добротой, когда ребенок подает хромоту нищему золотые часы, которые мама оставила на столе; если вы зовете преступлением, что ребенок кинул в брата ножом и выбил глаз, — хорошо, я согласен: молодежь благородна, не имея опыта в таких областях — широчайших, широтой в пол-человеческой жизни, — как работа по найму, социальная иерархия и законы общества.

Люди неопытные считают, что можно проявлять дружелюбие или неприязнь, уважение или презрение в зависимости от испытываемых чувств.

Люди неопытные считают, что можно добровольно завязывать и порывать отношения, мириться или не считаться с общепринятыми формами, соблюдать или нарушать правила общежития.

«А мне начхать, плевать, какое мне дело, и пусть себе говорят, не хочу — и баста, а мне-то что?»

Еле дух перевел, хоть отчасти вырвался из-под родительской власти, ан глядь, новые пути, эх-ма!

Потому, что кто-то богат или сиятелен, потому, что где-то кто-то может что-то подумать или сказать?

Кто из нас учит молодежь, какие компромиссы — жизненная необходимость, а какие можно избежать и какой ценой? Какие заставляют страдать, но не марают душу, и какие развращают? Кто указывает границы, в которых лицемерие — приличие (вроде неплевания на пол и невытирания носа о скатерть), а не преступление?

Мы говорили ребенку: люди будут смеяться.

Надо теперь добавить: и заморят голодом.

Вы говорите: идеализм молодежи. Иллюзия, что всегда можно убедить и исправить.

А что вы делаете с этим благородством? Вырываете его у своих детей с корнем, опираясь сладострастно об идеализм, веселье,

свободу безымянной «молодежи», как прежде о невинность, обаяние, любовь своих детей. И создается иллюзия, что идеал такая же возрастная болезнь, как свинка или ветряная оспа, — этакая невинная обязанность, вроде посещения картинной галереи во время свадебного путешествия.

«И я был фарисом. Я видел Рубенса».

Благородство не может быть утренней мглой, оно сноп лучей. Если нас на это еще не хватает, давайте пока воспитывать просто честных людей.

116. Счастлив автор, который, кончая свой труд, сознает, что сказал в нем то, что знал, вычитал и оценил согласно принятым образцам. Сдавая такой труд в печать, он испытывает чувство спокойного удовлетворения, что дал жизнь зрелому жизнеспособному детищу. А бывает и иначе: автор не видит читателя, который требует от него рядовых знаний с готовыми рецептами и указанием способа их применения. Творческий процесс здесь иной: вслушивание в собственные не установленные и не доказанные внезапно рождающиеся мысли. Окончание труда здесь — холодный итог, мучительное пробуждение. Каждая глава взирает с упреком: «Покинул, прежде чем закончил!» Последняя мысль в книге не завершает целого, а удивляет: «Как, уже? И больше ничего?»

Стало быть, дополнить? Это значило бы еще раз начать, отбросив то, что уже знаю, столкнуться с новыми проблемами, о которых лишь догадываюсь; написать новую книгу, равно не законченную.

*

Ребенок вносит в жизнь матери дивную песнь молчания. От количества часов, которые мать проводит подле него, когда он сам еще ничего не добивается, а живет, от мыслей, которыми трудолюбиво его окутывает, зависит ее содержание, программа, сила и творчество; мать в тихом созерцании зреет для вдохновения, которого требует труд воспитания.

Не из книжки, а из себя. Тогда каждая книжка падет в цене, а моя, если убедила в этом, выполнила свою задачу.

В мудром одиночестве бодрствуй...

ИНТЕРНАТ

1. Я желаю написать книгу о городском интернате, где под наблюдением небольшого числа воспитателей, в собственном здании, при немногочисленном техперсонале воспитывается сто человек сирот — мальчиков и девочек школьного возраста.

Эта тема не может похвастать богатой литературой. Обычно встречаются или труды исключительно по гигиене, или страстная критика самого принципа массового воспитания детей.

В роли воспитателя я узнал яркие и мрачные тайны интерната — спальни, умывалки, зала, столовой, двора, уборной. Я знаю детей в будничном домашнем платье, а не в парадной школьной форме.

Эта книга может заинтересовать не только воспитателя тюрьмы-казармы, какой является интернат, но и тюрьмы с одиночками, какими для современных детей являются семьи.

Как в интернате, так и в семье детей истязают; более энергичные пытаются обмануть надзор, вырваться из-под неусыпного контроля — упорно и безнадежно борются за свои права.

Боюсь, читатель захочет мне слепо поверить, тогда эта книга принесет ему вред. Поэтому предупреждаю: путь, который я избрал, стремясь к своей цели, ни самый короткий, ни самый удобный, но для меня самый лучший, раз это мой — собственный — путь. Я нашел его не без труда, не без мук и лишь когда понял, что все прочитанные книги — чужой опыт и чужие мнения — лгали.

Издатели печатают подчас золотые мысли великих людей; насколько было бы полезнее составить собрание ложных высказываний классиков правды и знания. Руссо начинает своего «Эмиля» фразой, которую опровергает вся современная наука о наследственности*.

2. Книга эта должна быть как можно короче, потому что я предназначаю ее в первую очередь моему юному товарищу, который попал в круговорот труднейших педагогических проблем, сложнейших жизненных обстоятельств и, ошеломленный и огорченный, взывает о помощи.

У бедняги нет времени на учебу. Ночью его два раза будили: у ребенка болел зуб, ребенок заплакал — пришлось утешать и лечить. Едва воспитатель уснул, будит второй; этому приснился страшный сон: мертвецы, разбойники... хотели убить, бросили в реку; воспитатель опять успокаивает, убаюкивает...

Человек сонный не может читать на ночь толстых педагогических трудов, у него слипаются глаза, а если он не выспится, то станет раздражаться, выходить из себя и не сможет проводить в жизнь спасительные идеи ученой книги. Я буду краток, чтобы не лишать воспитателя его ночного отдыха.

3. Днем у него нет времени на учебу. Только он сел за книжку, подходит ребенок с жалобой, что он писал, а его подтолкнули и вышла клякса и теперь он не знает, то ли начать все сначала, то ли оставить так, то ли вырвать страницу. Другой ребенок хромает: в башмаке гвоздь, не может ходить. Третий спрашивает, можно ли взять домино. Четвертый просит ключ от шкафа. Пятый подает носовой платок: «Нашел вот, а чей — не знаю». Шестой дает на хранение четыре гроша, которые получил от тетки. Седьмой прибегает за платком: «Это мой платок, я его только на минутку положил на окно, а он уже взял!»

Там, в углу, маленький недотепушка играет ножницами — насорит, порежется — кто ему их дал? Посредине комнаты горячий спор, готовый перейти в драку, — надо вмешаться. Тот, у кого вчера болел зуб, носится теперь как угорелый и, того и гляди, опять кого-нибудь подтолкнет или опрокинет чернила, а ночью снова, может быть, у него разболится зуб.

Воспитатель должен очень захотеть, чтобы одолеть хотя бы маленькую книжку.

4. Но он не очень хочет, потому что не верит.

Любой автор с помощью многочисленных цитат докажет свою ученость. Еще раз повторит то, что общеизвестно. Все те же благочестивые пожелания, согревающая душу ложь, невыполнимые советы: «Воспитатель обязан... обязан... обязан...» А в конечном счете во всех мелких и важных делах воспитатель вынужден поступать как знает и как умеет, а главное — как может.

— Это хорошо в теории, — печально утешает себя воспитатель.

И испытывает неприязнь к автору за то, что тот, сидя в тишине, за удобным письменным столом, диктует предписания, не обязанный сам непосредственно соприкасаться с подвижной, крикливой, надоедливой, непослушной оравой, рабом которой становится каждый, кто не хочет быть ее тираном, и из которой то один, то другой так основательно отравляют тебе, изо дня в день жизнь, что с трудом скрашивают остальные.

К чему дразнить его миражом глубоких знаний, серьезных задач, высоких идеалов, когда он есть и должен остаться педагогической Золушкой и батраком?

5. Он чувствует, что утрачивает энтузиазм, который возникал в нем самопроизвольно, независимо от чьих-либо приказов. Раньше его тешила мысль, что вот, мол, он организует игру, приготовит детям сюрприз. Он желал внести новую радостную струю в серую однообразную жизнь интерната. А теперь доволен, если отметит у себя «все по-старому». Если никого не рвало, не били стекло и сам он не получил нагоняя, значит, день прошел хорошо.

Он утрачивает энергию: на мелкие проступки смотрит сквозь пальцы, старается меньше замечать, меньше знать — только самое необходимое.

Утрачивает инициативу: раньше, когда он получал конфеты, игрушки, у него сразу уже был план, как их лучше всего использовать. Теперь он быстро раздает лакомства: пускай уж поскорее съедят, а то опять не оберешься ссор, жалоб, претензий. Новая мебель или вещь — значит, опять надо смотреть, следить, как бы не сломали, не попортили. Какие-нибудь цветы на окно, картинка на стену — сколько всего можно сделать, а он не знает, не хочет или не может. И просто уже не замечает.

Теряет веру в себя. Раньше дня не пройдет, чтобы он не подметил что-нибудь новое в детях или в себе. И дети к нему льнули, а теперь сторонятся. Да и любит ли он их еще? Бывает резок, иногда груб.

Может быть, он станет скоро похож на тех воспитателей, для кого хотел быть примером и к кому питал неприязнь за их холодность, пассивность и недобросовестность?

6. Он в обиде на себя, на окружающих, на детей.

Неделю тому назад он получил письмо: больна сестра. Ребята узнали и отнеслись к его горю с уважением: легли спать тихо. Он был благодарен им.

А назавтра поступил новый воспитанник. Ребята выманили у него все привезенные из дома конфеты, и пенал, и картинки, пригрозив, что, если пожалуется, изобьют, а участие в этой грязной истории принимали и те, кого он считал честными.

Ребенок закинет ему ручонки на шею, скажет «люблю» — и попросит новое платье.

Ведь тот же самый ребенок то умиляет тебя необыкновенным тактом, глубиной чувств, то оттолкнет хищным двуличием.

То «я хочу, я должен, я обязан», а то безнадежное «да стоит ли?».

Теоретические послышки и личный каждодневный опыт так смешались, что воспитатель потерял нить и, чем дольше думает, тем меньше понимает.

7. Он не понимает, что вокруг него происходит.

Старается свести наказания и запреты к самым необходимым, дает детям свободу — недовольные, дети требуют еще.

Хочет вникнуть во все их заботы. Подходит к парнишке, который против обыкновения стоит в сторонке, тихий и равнодушный. «Что с тобой? Почему ты такой грустный?» — «Ничего... я не грустный», — отвечает тот неохотно. Воспитатель хочет погладить его по голове — мальчик резко отстраняется.

Вот оживленно беседует кучка ребят. Воспитатель подходит — молчание. «О чем говорили?» — «Ни о чем».

Ему кажется, дети его не любят. И знает, что над ним смеются. Доверяют ему — и всегда что-нибудь да скроют. Как будто его словам верят, а охотно прислушиваются к сплетням.

Воспитатель не понимает, не знает ребят — чуждых, враждебных. Плохо ему.

А ты лучше порадуйся, о воспитатель! Ты уже отбрасываешь предвзятое сентиментальное представление о детях. Ты уже знаешь, что ты не знаешь. Это не так, как ты думал, значит, как-то по-другому. Сам того не понимая, ты уже на правильном пути. Сбился? Помни, блуждать в огромном лесу жизни — не зорно. Даже плутая, гляди по сторонам с интересом и увидишь мозаику прекрасных образов. Страдаешь? Истина рождается в муках.

8. Будь самим собой, ищи собственный путь. Познай себя прежде, чем захочешь познать детей. Прежде чем наметить круг их прав и обязанностей, отдай себе отчет в том, на что ты способен сам. Ты сам тот ребенок, которого должен раньше, чем других, узнать, воспитать, научить.

Одна из грубейших ошибок считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке.

Вспыльчивый ребенок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного ребенка выманили игрушку; у взрослого — подпись на векселе. Легкомысленный ребенок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты все свое состояние. Детей нет — есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств. Помни, что мы их не знаем.

Не достигшие зрелости!

Спроси старика, он тебя и в сорок лет считает не созревшим. Да что там, целые классы общества не созрели, не вошли в силу. Целые народы нуждаются в опеке, они тоже не достигли зрелости, у них нет пушек!

Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требований. Тебе не заставить живого, задорного ребенка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не делается общительным и откровенным; самолюбивый и своевольный не станет кротким и покорным.

А ты сам?

Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми легкими, ты напрасно будешь призывать галдящих ребят к порядку. Но у тебя добрая улыбка и терпеливый взгляд. Не говори ничего: может быть, они сами успокоятся? Дети ищут свой путь.

Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове. У тебя есть чудесный союзник — волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу — дряхлый опыт.

9. Не то, что должно быть, а то, что может быть.

Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам — обязанный добросовестно выполнять предписанную работу — должен втискивать их в душевные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде.

Ты хочешь, чтобы они были искренни и хорошо воспитаны, тогда как формы светской жизни — лживы и искренность — это дерзость. Знаешь, что думал мальчик, которого ты вчера спрашивал, почему он грустный? Он подумал: «Да отстань ты от меня». Он уже не искренний, не сказал, что думает, а только недовольно отстранился — и даже это тебя задело.

Жаловаться не положено, ябедничать скверно — а как же постичь их дела, страдания, грехи?

Не наказывать, не награждать. А должны быть и режим и сигнал, которого дети слушались бы. По звонку все должны собраться к обеду. Ну, а если опоздают, не придут, не захотят прийти?

Ты должен быть для них образцом, а куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся: ведь чем старательней ты будешь скрывать, тем старательней дети станут притворяться, что не видят, не знают, и потешаться над тобой, только самым тихим шепотом.

Трудно тебе, даже очень трудно — согласен! Но трудности есть у каждого, а вот разрешать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь не задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способов решения самое большее два.

10. Обеспечить детям свободу гармонического развития всех духовных сил, высвободить всю полноту скрытых возможностей, воспитать в уважении к добру, к красоте, к свободе... Наивный, попробуй! Общество дало тебе маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждет. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь — догматической веры, работодатель — честности, а все они — посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрет, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу — кто? Да никто — жизнь!

Ты полагаешь, ребенок — это пустяки, сирота-птенец, выпавший из гнезда, умри он — и никто не заметит, порастет мотылька травой? Попробуй испытай, и ты убедишься, что это не так, и заплачешь. Прочти историю приюта Прево* в свободной республиканской Франции.

Ребенок имеет право желать, домогаться, требовать, имеет право расти и созревать, а достигнув зрелости, приносить плоды. А цель воспитания: не шуметь, не рвать башмаки, слушаться и

выполнять приказания, не критиковать, а верить, что все они ему во благо.

Нет, заповедь: люби ближнего своего — это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг — улыбнись!

11. Новый воспитанник.

Ты его остриг, обрезал ему ногти, вымыл, передел, и вот он уже похож на всех.

Он уже даже умеет кланяться, не говорит «я хочу», а «пожалуйста», знает, что, когда входит кто-нибудь чужой, надо поздороваться. Он уже на школьном вечере прочитает стишок, вытрет грязные ноги; не плюнет на пол, пользуется носовым платком.

Не обольщайся, что ты вычеркнул из его памяти тяжелые воспоминания, дурные влияния, горький опыт. Эти чистые и чисто одетые дети долго еще останутся душевно смятыми, обливными, больными; есть нечистые раны, которые приходится терпеливо лечить месяцами, да и то еще остаются рубцы, всегда готовые опять загноиться.

Интернат для сирот — это клиника, где встречаются всякие недомогания души и тела при слабой сопротивляемости организма, где отягощенная наследственность мешает, задерживает выздоровление. И если интернат не будет моральным курортом, есть угроза, что он станет очагом заразы.

Ты запер двери интерната на все запоры, но тебе не сделать так, чтобы не просачивался вредный уличный шепот и не врываются непрофильтрованные свирепые голоса, которых не заглушить моральному песнопению. Воспитатель может опустить глаза и притвориться, что не знает, но тем пагубнее будут знать дети.

12. Ты говоришь: я иду на компромиссы, принимаю тот детский материал, который дает жизнь, и склоняю голову перед неизбежными условиями работы, хотя они и очень тяжелы; но я требую свободы в деталях и помощи и облегчений в самой технике работы.

Наивный, ты ничего не можешь требовать.

Начальник поставит тебе в упрек, что на полу валяются бумажки, что маленький увалень набил себе шишку, что фартучки недостаточно чистые, а постели недостаточно гладко застланы.

Ты хочешь удалить ребенка из интерната, считая это необходимым для блага остальных. Тебя просят не исключать: а может, справится?

В комнатах холодно, у большинства твоих анемичных детей заморожены пальцы. Уголь, тепло — дороги, но ведь холод заставляет детей свертываться и физически и духовно. Нет, надо детей закалять.

Ты удивляешься, что из двух яиц выходит неполная ложка яичницы. Ты слышишь грубый ответ, что это не твое дело.

Твой товарищ по работе, наверное, знал, где ключ от шкафа, может быть, сам спрятал и нарочно заставил искать. По вечерам он уходит, оставляя спальню без присмотра, но «не позволит лезть не в свое дело» — в его спальню, к его ребятам.

Деспотический каприз и неосведомленность начальства, нечестность администрации, недоброжелательность и недобросовестность товарища по работе. Добавь: грубость техперсонала, скандал с прачкой из-за утерянной якобы тобой простыни, с кухаркой из-за подгоревшего молока, со сторожем из-за натоптанной лестницы.

Если воспитателю удастся найти более приличные условия работы, его счастье. Если же именно такие, пусть не удивляется и не возмущается, а трезво рассчитает свои силы и энергию на более длительный срок, чем несколько первых месяцев.

13. Интернат с высоты птичьего полета.

Гомон, движение, юность, веселье.

Этакое славненькое государство наивных маленьких человечков.

Сколько детей, а так чисто.

Гармония форменной одежды, ритм хорового пения.

Сигнал — и все умолкают. Молитва — ребята садятся за стол.

Ни драк, ни ссор.

Мелькнет славная мордашка, блеснут веселые глазки. Этакая бедненькая крохотулька.

Воспитатель добрый, спокойный. Кто-то подбежал с вопросом — ответил. Шутливо погрозил кому-то пальцем — тот понял и послушался. Кучка самых преданных окружает вас тесным кольцом.

— Вам тут хорошо?

— Хорошо.

— Вы любите своего воспитателя?

Кокетливо потупившись, улыбаются.

— Некрасиво не отвечать, когда вас спрашивают. Любите?

— Любим.

Приятный труд, благородная задача. Малые заботы, незначительные потребности — детский мирок.

— Натя пряники, это вам.

Ребята вежливо поблагодарили. Ни один не протянул руки первым.

14. Случайный гость, взгляни лучше на тех ребят, что стоят в стороне.

Где-то в темном углу один хмурый такой, палец обвязан тряпочкой. Двое постарше о чем-то шепчутся с иронической улыбкой, внимательно провожая вас взглядом. Несколько ребят заняты и даже не замечают, что пришел кто-то посторонний. Кто-то делает вид, что читает, чтобы к нему не обратились с трафаретным вопросом. Кто-то, пользуясь тем, что воспитатель занят, потихоньку удирает, чтобы безнаказанно нахулиганить.

Есть такой, который с нетерпением ждет, когда ты уйдешь, так как хочет что-то спросить у воспитателя. Другой нарочно подходит, чтобы его видели. Еще один притаился, желая подойти последним и побыть с вами наедине; он знает, тогда воспитатель скажет: «Это наш певец, это наша маленькая хозяйка, это жертва трагического случая». Под одинаковой одеждой бьется сто разных сердец, и каждое — особая трудность, особый характер работы, особые хлопоты и опасения.

Сто детей — сто людей, которые не когда-то там, не еще... не завтра, а уже... сейчас... люди. Не мирок, а мир, не малых, а великих, не «невинных», а глубоко человеческих ценностей, достоинств, свойств, стремлений, желаний.

Вместо того чтобы спрашивать, любят ли, спроси лучше, чем это достигается, что они слушаются, что в интернате мир, программа, порядок.

— Нет наказаний...

— Ложь.

15. Каковы твои обязанности? — Быть бдительным.

Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать. Но если ты воспитатель, у тебя шестнадцатичасовой рабочий день без перерывов и без праздников, день, состоящий из работы, которую нельзя ни точно определить, ни заметить, ни проконтролировать, — и из слов, мыслей, чувств, имя которым — легион. Внешний порядок, кажущаяся воспитанность, дрессировка напоказ требуют только твердой руки и многочисленных запретов. И дети всегда мученики страха за их мнимое благополучие; страх этот — источник тяжчайших несправедливостей.

Воспитатель, так же как и надзиратель, хорошо знает, что, если ударить по глазу, ребенок может ослепнуть, что ему постоянно угрожает перелом руки или вывих ноги, но помнит и многочисленные случаи, когда ребенок едва не лишился глаза, чуть не выпал из окна, сильно ушиб, а мог сломать ногу, что действительно несчастья относительно редки, а главное, застраховать от них невозможно.

Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своем покое и удобствах, тем больше он издает приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о благе детей.

Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, — тиран.

16. Тираном станет и воспитатель, неумело заботящийся о нравственности детей.

Болезненная подозрительность может зайти так далеко, что уже не детей разного пола и не любых двоих уединившихся ребят, а собственные руки ребенка мы будем считать врагами.

Когда-то, где-то, кто-то безымянный продиктовал запрет: не держать руки под одеялом.

«А раз мне холодно, а раз мне страшно, а раз я не могу заснуть?»

Если в комнате тепло, ребенок не только руки, он весь раскроется. И если он сонный, он через пять минут спит. И сколько еще подобных бессмысленных подозрений, основанных на незнании ребенка!

Раз я заметил, как несколько старших мальчиков, таинственно пошептавшись, повели малышкой в уборную. Малышки возвращались в сильном смущении. Мне стоило больших усилий усидеть на месте и продолжать писать. А забава была невинная. Один из ребят (он работал у фотографа) накрыл фартуком коробку из-под сигар; желающих сниматься он устанавливал у стенки, под краном, и, когда малышки с приятным выражением лица ждали, что их сейчас снимут, им по счету «три» пускали на голову струю холодной воды.

Превосходный урок разумной осторожности для малышей! Облитые водой, они уже не пойдут в уборную по первому таинственному приглашению.

Воспитатель, слишком односторонне следящий за нравственностью детей! Боюсь, у тебя самого не все благополучно.

17. Теоретик делит детей на категории согласно темпераментам, типам интеллекта и склонностям; практик знает прежде всего детей «удобных» и «неудобных»: обычных, с которыми не приходится возиться, и исключительных, на которых идет уйма времени.

«Неудобные» дети: самый младший, ниже обычного возраста; самый старший, критически настроенный и своенравный; вялый, несобранный и хилый; и горячий, настырный.

Ребенок, который перерос интернатскую дисциплину, которому она в тягость, которого унижает режим спальни, столовой, молитвы, игры, прогулки.

Ребенок, у которого из уха течет гной, вскочил чирей, сошел ноготь, слезятся глаза, болит голова, жар, кашель.

Ребенок, который медленно одевается, умывается, причесывается, ест. Последним стелет постель, последним вешает полотенце, тарелку его и стакан всегда приходится дожидаться, задерживает уборку спальни и со стола и отправку посуды на кухню.

Ребенок, который поминутно обращается к тебе с вопросами, жалуется, требует, плачет, клянчит, который не любит общества других детей и назойливо тянется к тебе, вечно чего-нибудь не знает, что-нибудь да просит, в чем-либо нуждается, хочет сказать что-то важное.

Ребенок, который грубо ответил, обидел кого-нибудь из персонала, поссорился, подрался, бросался камнями, нарочно что-то сломал или порвал, отвечает на все «не хочу».

Ребенок впечатлительный и капризный, которому больно от пустячного замечания, хмурого взгляда, для которого холодное безразличие — наказание.

Симпатичный шалунишка, который заткнет тебе камешками умывальник, покатается на дверях, открутит кран, закроет вьюшку, отвинтит звонок, запачкает стену синим карандашом, исцарапает гвоздем подоконники, вырежет на столе буквы. Убийственно изобретательный и неутомимый.

Вот похитители твоего времени, тираны твоего терпения, ферменты твоей совести. Ты борешься с ними, а знаешь, что это не их вина.

18. В шесть часов утра дети встают. Тебе нужно только сказать: «Дети, вставать!» — ничего больше.

На самом же деле, если ты велишь сотне ребят встать, восемьдесят «удобных» встанут, оденутся, умоются и будут готовы к новому сигналу «завтракать». Восьмерым же ты должен повторить это дважды, пятерым — трижды. На троих тебе придется прикрикнуть. Двоих разбудить. У одного болит голова: хворает или, может быть, притворяется?

Девяносто ребят одеваются сами, двоим же ты должен помочь, а то не успеют. У одного потерялась подвязка, у другого отморожен палец и башмак не надевается. Еще у одного на шнурке сделался узелок. Кто-то кому-то мешает стелить постель. Кто-то не дает мыло, еще кто-то толкается, или брызгается, умываясь, или перепутал полотенца, или льет на пол. Одел правый башмак на левую ногу, не может — оборвалась пуговица — застегнуть фартук; кто-то, видно, взял блузу — минуту назад была! Кто-то плачет: «Это мой тазик, я всегда в нем умываюсь», — но ведь тот сегодня первый пришел.

Восемьдесят ребят ты напичкал пятью минутами своего времени, десять ребят поглотили у тебя по минуте, а с двумя ты провозился почти полчаса.

То же самое будет и завтра, только не этот, а тот потеряет, заболит, плохо постелит постель.

То же самое будет и через месяц, и через год, и через пять лет.

19. Ты должен был только сказать: «Ребята, вставать!» — и все. А ведь ты не успел бы.

Не успел бы, не найди один из «удобных» ребят пропавшую подвязку или блузу, не принеси другой ребенку с отмороженным пальцем запасных башмаков, не развяжи узелка третий.

Ведь за подвязкой надо было лезть под кровать, башмаки принести из дальней комнаты, а над узлом изрядно попотел твой заместитель, орудуя сначала ногтями, потом зубами, потом найденным вчера гвоздем и, наконец, одолженным с этой целью вязальным крючком.

Ты не можешь не заметить, что один ребенок чаще теряет, а другой чаще находит, один делает узлы, а другой развязывает. Один часто болеет, а другой всегда здоров. Один требует помощи, а другой сам тебе помогает. Предположим, ты не испытываешь нерасположения к первым и благодарности ко вторым.

Но вот сегодня с трудом встает тот, который вчера долго разговаривал, лежа в постели. Младший стелет постель лучше, чем старший. Тот, у кого болят горло, пьет воду из-под крана, хотя ты и предупредил, что вода холодная, а он потный. Сам подумай, что ты тогда скажешь, хотя ты и знаешь, и понимаешь, и со всем миришься и прощаешь.

Чем больше этих «неудобных», тем больше из твоих шестнадцати рабочих часов уйдет на возню, беготню, воркотню и тем меньше останется времени на «высокое», «чистое» (читай раздел «Воспитатель обязан»).

И меньше времени, и меньше сил...

20. Помощь, которую дети оказывают воспитателю, может быть совершенно бескорыстной. Ребенок помогает, раз ему хочется, помогает, раз сегодня хочется, а за завтра он не отвечает.

Но такой капризный, самолюбивый и честный помощник возьмется не за каждую работу. Он легко остынет, повстречайся неожиданная трудность; обидится, вырази воспитатель недовольствие; сомневается, спрашивает, нуждается в проверке и в указаниях. Сам он навязывать тебе свою помощь не будет; его надо найти, поощрить, ободрить; попроси — сделает это охотно, прикажи — не захочет. Полагаться на него нельзя, он может подвести, когда более всего нужен.

Надзиратель легко найдет среди ребят помощника другого типа. Ловкий, энергичный, наглый, двуличный и корыстный, он сам навяжет свою помощь; прогони его — он вернется, нужен — вырастет как из-под земли, по глазам увидит, чего ты хочешь, выполнит любое поручение, возьмется за все.

Если выполнит плохо — вывернется, наврет. Отчитай его — прикинется тише воды, ниже травы. Такой всегда рапортует: «Все в порядке».

Если недобросовестный, неспособный или просто вымотавшийся воспитатель, не входя в малые ребячьи дела и заботы, передоверит такому дежурному свою власть, тот его выручит, легко заменит. И из ребенка, который отыщет, позовет, принесет, уберет, присмотрит, напомним, знает, слышал, скажет, он скоро превратится в настоящего заместителя.

Это не невинная школьная подлиза, это грозный фельдфебель интерната-казармы.

21. Дежурному легче справиться с ребятами, чем взрослому. Надзиратель и ударит, так не изо всей силы, пригрозит сдержанно, накажет, так за провинность. А надзиратель из ребят ударит

не по мягкому месту, а по голове или в живот, ведь это большее, пригрозит не наказанием, а с виду наивным: «Погоди, вот зарежу тебя ночью складным ножом»; хладнокровнейшим образом обвинит невинного и заставит признаться в несовершенном преступлении: «Скажешь, что съел, взял, сломал», — и малыш, трепеща, повторяет: «Это я сломал, это я украл».

Основная масса детей боится его больше, чем воспитателя: ведь дежурный все знает, он с ними все время вместе. Непослушные дети ненавидят, редко мстят, чаще подкупают.

Теперь у маленького тирана завелись уже помощники, заместители. Он уже ничего не делает сам, только командует, доносит на противников и отвечает за все перед начальством.

Нужно хорошо различать: это не фаворит, не любимчик, это настоящий помощник, доверенный слуга — наушник. Он заботится об удобствах хозяина, хозяин его терпит и, хотя и знает, что он врет, обманывает и наживается на нем, не может без него обойтись — а впрочем, ждет местечка получше.

22. Таинственные угрозы исподтишка заменяют явные и шумные запрещенные драки:

«Погоди вот, я скажу воспитателю. Погоди, уж и задам же я тебе ночью» — вот магические заклятия, которыми ловкий и двуличный заставит молчать, поддаться, смириться младшего, глупенького, более слабого и честного.

Уборная и спальня — вот два места, где свободно обмениваются тайнами и где концентрируется конспиративная жизнь интерната. Воспитатели ошибаются, полагая, что спальня и уборная требуют лишь односторонней бдительности.

Я знаю случай, когда мальчик подполз ночью к кровати врага и щипал его, драл за уши, таскал за волосы, предупреждая: «Тише! Крикнешь, разбудишь воспитателя, и тебя исключат».

Я знаю случай, когда мальчику нарочно наливали ночью в постель воды, чтобы надзиратель подложил позорную клеенку.

Я знаю случай, когда дежурный коротко, до самого мяса обстригал ногти нелюбимым товарищам. Другой дежурный нарочно приготовил холодную ванну мальчику, с которым был в ссоре.

В интернате может укорениться террор злых сил, отравляя атмосферу, ширя моральные эпидемии, калеча и опустошая. В этой атмосфере лжи, принуждения, укрывательства, гнета, насилия, тайных расправ, ложных доносов, страха и молчания — в атмосфере, насыщенной миазмами морального гниения, вспыхивают эпидемии онанизма и уголовных преступлений.

Воспитатель, попав в подобную клоаку, бежит прочь, а если не может убежать, обо всем утаивает.

23. Дети быстро подметят, что надзиратель скрывает от начальства — что те ребята, кого похвалили, пользуются у него

симпатией, а те, из-за кого пришлось выслушать замечание, ему антипатичны.

Между надзирателем и детьми заключается немое соглашение: будем делать вид, что все превосходно, а случись «что-нибудь такое» — скроем.

И до главного руководителя в его укомной канцелярии уже доходит немного, за стены же учреждения не выходит ничего. Дети совершают ряд недозволенных, заслуживающих наказания поступков, а он по недомыслию или по преступной небрежности все покрывает.

Может, поэтому-то интернатские дети такие неразговорчивые и отвечают охотно лишь на самые банальные вопросы: «Тебе хорошо здесь? А ты послушный?» — и молчат, когда могут «засыпаться». Может, поэтому-то на интернате лежит печать каких-то дурных тайн, и разговор с ребенком, который то и дело переглядывается с воспитателем, стесняет и неприятен?

В третьей части этой книги я расскажу, как при организации Дома сирот мы обеспечили себе детскую помощь, не опасаясь каких-либо дурных последствий, потому что ввели гласность.

24. Будни с их хлопотами и возней имеют своих «удобных» и «неудобных» детей; дни торжественных ярмарок, дни показов — своих.

Для воспитателя, который ведет уроки пения, таким «удобным» будет ребенок с самым звонким голосом; для воспитателя — преподавателя гимнастики самый ловкий гимнаст. Первый думает о показательном хоре, второй о публичном состязании.

Дети способные, воспитанные, смелые принимают гостей во время парадного визита, выставляя в выгодном свете учреждение, хорошо свидетельствуя о воспитателе. Милovidный ребенок преподнесет букет достойной особе.

Разве воспитатель может не быть им за это благодарным? Но что из того, что ребенок спел, сыграл на скрипке, ловко провел свою роль в комической пьеске? Это не его заслуга. И, полный укоров совести, честный воспитатель старается подавить приятное волнение.

Правильно ли это? И может ли притворное равнодушие обмануть ребенка, а если обманет, то не обидит ли? Для ребенка это важный, торжественный, памятный день; немного ошеломленный, а больше всего испуганный присутствием многочисленных сановников и вообще посторонних, ребенок подбежит к тому, кто ему близок, потому что ценит прежде всего его похвалу, ждет ее, имеет на то право...

Не позволяй им зазнаваться, но отличить их ты должен...

А что тогда будет с положением о безусловном равенстве всех детей? Но это положение — ложь.

25. У воспитателя-практика всегда есть дети, которые вызывают в нем приятное чувство, вознаграждая за потраченный труд, — дети воскресных дней его души, — он любит их независимо от подлинной их цены и пользы, которую они приносят.

Славные, потому что милovidные; славные, потому что ясноглазые, веселые, подвижные, улыбающиеся; славные, потому что тихие, серьезные, сосредоточенные, хмурые; славные, потому что маленькие, беспомощные, отвлекающиеся; славные, потому что критически настроенные, смелые, склонные к бунту.

В зависимости от духовного облика и идеалов воспитателя разным воспитателям близки и дороги разные дети.

Один импонирует своей энергией, другой трогает добродушием, третий будит воспоминания о твоём собственном детстве, четвертый вызывает искреннее беспокойство за его судьбу, в пятом боишься его порыва ввысь, в шестом — пугливой покорности.

А среди всех этих многочисленных славных ребят ты любишь одного как самое близкое существо, кому желаешь всего самого лучшего, чьи слезы причиняют самую сильную боль, чьего расположения стремишься добиться и кем не хотел бы быть забытым.

Как это случилось, когда? Ты не знаешь. Чувство пришло внезапно, без всякого повода, неожиданно, как любовь.

Не скрывай: тебя выдадут улыбка, голос, взгляд.

А остальные дети? Не бойся, они не обидятся: и у них есть любимцы.

26. Молодые и чувствительные воспитатели склонны любить этого самого тихого и запуганного, с печальными глазами и с тоской на душе. К этим забытым в тени и обращают они свое горячее чувство, хотят завоевать их доверие, ждут признаний: что чувствует, о чем думает этот ангел с утомленно опущенными крыльями?

Все ребята удивляются: «За что его любить, ведь он такой глупый?» И ребята, которые раньше обходили твоего любимца, считая круглым нулем, или, самое большее, толкали, если стоял у них на дороге, теперь сознательно, планомерно его преследуют. Ребята ревнуют, потому что выбор сделан неудачно.

Воспитатель вступает в неравную борьбу за любимца — и проигрывает. Поняв ошибку, воспитатель старается его полегоньку, незаметно от себя отстранить. Тот понял и отошел, печально глядя, как бы с упреком, своими влажными глазами. Воспитатель страдает и сердится и на себя и на ребят.

Поэт, если бы ты знал, что в больших, осененных длинными ресницами глазах этого поэтичного ребенка скрыта одна только тайна — тайна наследственного туберкулеза, — ты, может быть, вместо признаний скорее ожидал бы приступов кашля и не целовал бы его, а поил рыбьим жиром с гваяколом*. Ты избавил бы и его, и себя, и остальных ребят от многих тяжелых минут.

27. Бывает, что ты полюбил ребенка без взаимности. Ему хочется играть в мяч, в войну, бегать наперегонки, а тебе хочется погладить, прижать к себе, приласкать. Это его сердит, раздражает, унижает, и он или отодвигается, или обвивает ручонками шею и просит новое платье. В этом виноват ты, а не он.

Бывает, что несколько человек из персонала добиваются расположения одного и того же ребенка; тогда маленький фаворит искусно лавирует, стараясь никого не обидеть. Ведь ты позволяешь ему позже ложиться спать, экономка сменит рваные чулки, а кухарка угостит яблоками или изюмом.

Бывает, что чувственный или уже развращенный ребенок находит в ласке удовольствие. Он любит погладить твою руку, она такая мягкая! Скажет, что твои волосы приятно пахнут, поцелует в ухо, или в шею, или по очереди каждый любимый пальчик. Смотри правде в глаза: это сладострастная ласка.

В ребенке заложены эротические чувства. Все живое должно расти и размножаться: этот закон природы охватывает людей, животных и растения. Половое чувство не появляется вдруг и из ничего; оно еще дремлет, но его тихое дыхание уже слышно. У детей есть явно или скрыто чувственные движения, объятия, поцелуи, игры.

Но воспитателю нет надобности воздевать очи к небу, разводиться в недоумении руками, отрешиваться с возмущением.

Сообщи жизни ребенка размах, чтобы он не скучал, позволь ему бегать и шуметь и спать сколько хочет, и половое чувство пустит ростки спокойно, не марая и не принося вреда.

28. Пытливое око науки обнаружило сексуальное начало и в родительском чувстве. От него не свободны ни мать, кормящая грудью младенца, ни отец, прижавший к губам холодную руку умершего ребенка.

Потрепать по щечке, погладить по головке, подоткнуть одеяльце, даже помолиться за счастье своего дитяти, когда оно спокойно спит в колыбели, — все это нормальное проявление здорового эротического чувства, а бросать ребенка на прислугу и находить высочайшее удовольствие в пустой болтовне в кафе — его извращение.

Для извращенной, притупленной чувственности эти ощущения слишком слабы и уже неуловимы. Здесь мать должна осыпать поцелуями ножки, спинку и животик ребенка, чтобы испытать чувство, которое здоровая мать получает от легкого прикосновения. Простой честной чувственности мало, нужно сладострастие.

Ты удивляешься и, может быть, не хочешь мне верить? А может, я сказал то, что ты уже сам предчувствовал, подозревал, но с гневом отвергал?

Ибо ты не знаешь, что инстинкт размножения в его разнородных проявлениях колеблется от возвышенных творческих порывов до низменнейшего преступления.

Ты обязан дать себе отчет в чувстве, которое испытываешь к детям, и следить за ним, ибо дети могут растлить и тебя, своего воспитателя и воспитанника.

За четырьмя стенами дома, школы, интерната скрыты мрачные тайны. Иногда их на миг осветит молния уголовного скандала. И опять тьма.

Указанное насилие над детскими душами, которое допускается современным воспитанием, рабство, тайна и безапелляционная власть неизбежно таят в себе и произвол и преступления.

29. «Воспитатель — апостол... Будущее народа... Счастье будущих поколений...»

Но где в этом моя собственная жизнь, мое собственное будущее, мое собственное счастье, мое собственное сердце?

Я раздаю мысли, советы, предостережения, чувства, раздаю щедро. Когда поминутно подходит все новый и новый ребенок с новым и новым требованием, просьбой или вопросом, отнимая время, мысль, чувство, ты иногда с болью видишь, что ты, солнце этой толпы, сам остываешь и, светя им, теряешь за лучом луч.

Все детям, а что же мне?

Дети набираются знаний, опыта, моральных принципов; они обогащаются — я теряю. Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?

Допустим, у воспитателя нет молодости, предъявляющей свои права, семьи, сковавшей по рукам и ногам, одолевающих материальных забот, замучивших физических недомоганий. Отдав себя целиком святому делу воспитания, воспитатель не должен отказываться от чувств.

Как уберечь их от крушения?

Когда он возвращается в дом, который должен быть его домом, и не может сердечно приветствовать всех, разве не вправе он улыбнуться одному? Когда он покидает вечером спальню и не может нежно попрощаться со всеми, разве не вправе он одного или двоих выделить отдельным: «Спи, сынок, спи, баловник»? Или, распекая за мелкие провинности и произнося суровые слова, прощать взглядом?

Если даже он ошибается и выбрал не самого стоящего, ну что из этого? Приятное чувство от общения с ним покрывает ряд неприятных; полученной от любимого улыбкой воспитатель одарит многих.

Быть может, и есть воспитатели, которым все дети одинаково безразличны или ненавистны, но таких, которым все до одного были бы одинаково милы и дороги, нет.

30. Предположим, что существует абсолютное равенство. Нет ни «удобных», ни «неудобных», ни милых, ни немилых. Для всех одинаковые куски хлеба и порции супа, одинаковое количество сна и бодрствования, одинаковые строгости и поправки и абсолютное

тождество одежды, порций, режима, чувств. Несмотря на явную абсурдность, допустим, что так и должно быть. Никаких привилегий, никаких исключений, никаких отличий — все это портит.

И даже тогда воспитатель имеет право ошибаться, отвечая за последствия совершаемых им ошибок.

Письма Песталоцци о его пребывании в Станце — это прекраснейшее из произведений воспитателя-практика.

«...Один из самых больших моих любимцев злоупотребил моей верной любовью и несправедливо стал угрожать другому ребенку; это возмутило меня, и я сурово дал ему почувствовать свое негодование».

О, диво: у великого Песталоцци были любимчики, Песталоцци гневался!

Ошибся, чересчур доверившись или захвалив, и в первую очередь был наказан сам: обманулся!

Подчас просто недоумеваешь, как быстро, как жестоко приходится воспитателю расплачиваться за совершенные им ошибки. Пускай он их тщательно исправляет.

К сожалению, иногда в самых важных вопросах это ему не под силу.

31. Не шуметь!

Ребята дают разрядку только части энергии, скопившейся у них в горле, в легких, в душе; только части крика, который живет в их мускулах. Послушные дети подавляют крик до предела возможного.

«Тише!» — вот девиз класса.

Нельзя шуметь за обедом.

Не шуметь в спальне!

Ребята шумят трогательно тихо, бегают до слез осторожно, чтобы не сдвинуть стол, обходят друг друга, уступают, только не было бы ссоры, только бы чего-нибудь не вышло, а то опять услышат ненавистное: «Только без шума».

Нельзя кричать и во дворе — беспокоят соседей. А единственная их вина — это то, что в городе каждый метр земли стоит дорого.

«Вы не в лесу». Циничное замечание, грубое издевательство над ребенком, что он не может быть там, где ему следует быть.

Разрешите им рассыпаться по лужайке — и не будет никакого крика, лишь милое щебетание человеческих птишек.

Если не все, то по крайней мере значительное большинство ребят любит двигаться и шуметь. От свободы двигаться и кричать зависит их физическое и моральное здоровье. А ты, зная это, должен одергивать:

— Сидите спокойно и тихо.

32. Ты всегда делаешь ошибку: борешься со справедливым упорством ребенка:

— Я не хочу!

Не хочу ложиться спать, хотя часы пробили, ведь ароматный вечер улыбается мне кусочком звездного неба. Не хочу идти в школу, ведь ночью выпал первый снег и так весело на свете. Не хочу вставать, ведь холодно, грустно. Лучше не пообедать, а доиграть партию в лапту. Не буду просить прощения у учительницы, она наказала несправедливо. Не хочу готовить уроки, я читаю Робинзона. Не надену коротких штанов, засмеют.

Нет, ты это сделаешь.

Бывает, отдаешь приказ сердито, но без внутреннего убеждения, так как тебе самому приказали, а не исполнить нельзя.

Значит, слушайся уже не только меня, который взвешивает каждое распоряжение, прежде чем отдать, но и этих многочисленных безмянных, чьи законы жестоки и несправедливы.

Учись у них, уважай их, верь!

— Не хочу! — это крик ребячьей души, а ты должен его подавить, ведь современный человек живет в обществе, а не в лесу.

Нет, ты это сделаешь.

Сделаешь, а то будет хаос.

Чем незаметней ты ломаешь сопротивление, тем лучше, а чем скорей и основательней, тем безболезненней обеспечишь дисциплину и достигнешь необходимого минимума порядка. И горе тебе, если, слишком мягкий, ты этого не сумеешь сделать.

В обстановке дезорганизации и расхлябанности могут нормально развиваться только немногие, исключительные дети, из десятков же не будет толка.

33. Есть ошибки, которые ты будешь совершать всегда, потому что ты человек, а не машина.

Грустный, усталый, больной, ты с горечью замечаешь в ребенке черту характера, которая делает взрослых плохими и вредными: лживость, холодный расчет, пошлое чванство, дрянненькую хитрость, хищную жадность; не поступишь ли ты опрометчиво?

У меня не сходит с ума счет. Поминутно кто-нибудь да входит, хотя вход в канцелярию детям в какой-то мере воспрещен. Последним входит мальчуган, неся мне в подарок букетик; букет я выбрасываю в открытое окно, а его самого вывожу за ухо за дверь.

К чему множить примеры неразумных и грубых поступков?

Но ребенок простит. Обидится, рассердится, а подумает и очень часто доверчиво припишет вину себе. Несколько наиболее впечатлительных ребят будут тебя избегать, когда ты злишься или занят. Но и они простят, если знают, что, в общем, им желают добра.

Это не какая-нибудь сверхъестественная интуиция, когда ребенок знает, кто его любит, а бдительность зависимого существа, которое обязано тебя изучить, раз в твоих руках его благополу-

чие. Так, раб-чиновник до тех пор приглядывается и мучительно думает о своем шефе, пока не изучит все его привычки, вкусы, настроения — движения губ, жесты, блеск глаз. И знает, когда попросить отпуск или повисить жалование, порой целые недели терпеливо выжидая подходящей минуты. Дайте им независимость, и они утратят эту наблюдательность.

Ребенок простит и бестактность, и несправедливость, но не привяжется к воспитателю-педанту или сухому деспоту. А всякую фальшь гадливо отбросит или поднимет на смех.

34. Воспитателю не избежать ошибок, вытекающих из порочного навыка к избитым выражениям и общепринятым поступкам и из обычного отношения к детям как к существам низшим, не отвечающим за себя, забавным своей наивной неопытностью.

Если станешь относиться к их заботам, желаниям, вопросам пренебрежительно, шутливо или покровительственно, ты всегда кого-нибудь больно заденешь.

Ребенок имеет право требовать уважения к своему горю, хотя бы он потерял камешек, желанию, хотя бы хотел пройтись без пальто по морозцу, к нелепому на вид вопросу. Ты безучастен к его потере, коротким «нельзя» отклоняешь просьбу, двумя словами «вот дурачок» пресекаешь сомнения.

А знаешь, почему мальчуган хотел надеть в жаркий день пелерину? На коленке, на чулке у него безобразная заплатка, а в саду будет девочка, которую он любит.

У тебя нет времени, ты не можешь все время следить, вдумываться, искать скрытые мотивы явно нелепого желания, проникать в неисследованные тайники детской логики, фантазии, искания истины — приспособляться к стремлениям и вкусам ребенка. Ты будешь делать эти ошибки, потому что не ошибается только тот, кто ничего не делает.

35. Я вспыльчив. Олимпийское спокойствие и философское равновесие духа не мой удел. Плохо. Ну что же, коли иначе я не могу.

Когда меня как какого-нибудь эконома отругает хозяйка-жизнь, я злюсь, что раб-ребенок не понимает, с каким трудом я добываю для него цепи длиннее на одно звено, на грамм легче. Я вижу сопротивление там, где мне нельзя уступить, и говорю, как чиновник: «ты должен», а как естествоиспытатель: «тебе не сделать». То я — батрак — злюсь, что скот лезет в потраву, то я — человек — радуюсь, что дети живут. Попеременно я то тюремщик — слежу за предписанным циркулярами порядком, то равный среди равных, раб среди сотоварищей-рабов, бунтую против деспота-закона.

Когда я врезаюсь лбом в проблему и бессилён, когда я слышу о грозных событиях и не могу их отвратить, я — сам страх, само предвидение, — глядя на их доверчивость и беззаботность, испытываю гневную скорбь и беспредельную нежность.

Когда я замечаю в ребенке бессмертную искру похищенного у богов огня — блеск непокорной мысли, гордость гнева, порыв энтузиазма, осеннюю грусть, сладость жертвы, застенчивое достоинство, энергичные, радостные, уверенные, активные поиски причин и целей, настойчивость попыток, грозный голос совести, — я смиренно преклоняю колени: я хуже тебя, я слабый, я трус.

Что же я еще для вас, как не балласт, мешающий вольному полету, паутина на ваших ярких крыльях, ножницы, кровавая обязанность которых срезать буйные побеги?

Я стою у вас на дороге и беспомощно топчусь на месте, брюзжу, пристаю, замалчиваю, неискренне убеждаю — бесцветный и смешной.

36. Хороший воспитатель от плохого отличается только количеством сделанных ошибок и причиненного детям вреда.

Есть ошибки, которые хороший воспитатель делает только раз и, критически оценив, больше не повторяет, долго помня свою ошибку. Если хороший воспитатель от усталости поступит бестактно или несправедливо, он приложит все усилия, чтобы как-то механизировать мелкие надоедливые обязанности, ведь он знает, что все неладное от нехватки у него времени. Плохой воспитатель свои ошибки сваливает на детей.

Хороший воспитатель знает, что стоит подумать и над пустячным эпизодом, за ним может стоять целая проблема, — не пренебрегает ничем.

Хороший воспитатель знает, что он делает по требованию торжествующих властей, господствующей церкви, в силу укоренившейся традиции, принятого обычая, под железным диктатом существующих условий. И он знает, что диктат этот имеет в виду добро детей лишь постольку, поскольку учит гнуть спины, подчиняться, рассчитывать, приучает к будущим компромиссам.

Плохой воспитатель полагает, что дети и в самом деле должны не шуметь и не пачкать платье, а добросовестно зубрить грамматические правила.

Умный воспитатель не куксится, когда он не понимает детей, а размышляет, ищет, спрашивает их самих. И они его научат не задевать их слишком чувствительно — было б желание научиться!

37. «У меня наказаний нет», — говорит воспитатель, иногда и не подозревая, что не только есть, но и очень суровые.

Нет темного карцера, но есть изоляция и лишение свободы. Поставит в угол, посадит за отдельный стол, не позволит съездить домой. Отберет мячик, магнит, картинку, пузырек из-под одеколona, — значит, есть и конфискация собственности. Запретит ложиться спать вместе со старшими, не позволит на праздник надеть новое платье, — значит, и лишение особых прав и

льгот. Наконец, разве это не наказание, если воспитатель холоден, недружелюбен, недоволен?

Ты применяешь наказания, ты только смягчил или изменил их форму. Дети боятся, будь это большое, маленькое или только символическое наказание. Понимаешь: дети боятся, — значит, наказания существуют.

Можно высечь самолюбие и чувства ребенка, как раньше секли розгами тело.

38. Наказаний нет, я ему только объясняю, что он плохо поступил. А как ты это объяснишь?

Скажешь, что, если не исправится, будешь вынужден его исключить? Наивный! Ты грозишь смертью! И не исключишь: тот, кого в прошлом году исключили, был больной, ненормальный, а этот здоровый, симпатичный сорванец, из него выйдет дельный парень; ты его хочешь только поугатать. Ведь и нянька не отдаст ребенка нищему и не заведет его в лес, чтобы его волки съели, и она только грозитя.

Вызовешь опекунов на беседу — еще более изощренная угроза.

Ты грозишь, что заставишь спать в коридоре, есть на лестнице, наденешь на него слюнявчик, — всегда грозишь наказанием ступенью выше тех, которые в ходу.

Иногда угрозы бесплотны, неопределенны:

«В последний раз тебе говорю! — Увидишь, все это плохо кончится! — Доиграешься наконец! — Больше повторять не стану, делай что хочешь. — Теперь уж я за тебя примусь всерьез!» Само разнообразие оборотов доказывает, что они широко распространены, и добавлю, что ими злоупотребляют.

Иногда ребенок верит всецело и всегда хотя бы наполовину.

«И что только теперь со мной будет?»

Правда, воспитатель пока не наказал, ну а если накажет, то когда и как? Боязнь неизвестного, неожиданного. Если ты его наказал — он уже обрел душевное спокойствие, а если ты ему только пригрозил, то, проснувшись на другой день, он готов будет тебя возненавидеть за то, что ты его так мучишь.

Можно угрозами держать детей в полном повиновении и при отсутствии критического отношения к себе думать, что это мягкий способ воздействия, тогда как на самом деле невыполненная угроза большое наказание...

39. Существует ошибочное, основанное на поверхностном наблюдении убеждение, что дети быстро забывают печали, обиды и лишения. Только что плакал — и уже смеется. Едва поссорились, как уже вместе играют. Час назад обещал исправиться и снова шкодит.

Нет, дети долго помнят обиды, они припомнят тебе оскорбление, нанесенное год назад. А не выполняет вынужденное обещание потому, что не может.

Заразившись общим весельем, ребенок бегаёт и играет, но он вернется к своим невеселым думам в тиши — за книжкой или вечером перед сном.

Порой замечаешь, что ребенок тебя избегает. Не подбежит с вопросом, не улыбнется, проходя мимо, не войдет к тебе в комнату.

— А я думал, вы еще сердитесь, — ответит, если спросить.

И с трудом вспоминаешь, что на прошлой неделе ты сказал ему из-за какого-то мелкого проступка что-то не совсем приятное, несколько повысив голос. И самолюбивый или впечатлительный ребенок пережил в душе незаметно для тебя много неприятных минут.

Ребенок помнит.

Вдова в глубоком трауре, забывшись в шутливой беседе, громко рассмеется и тут же спохватится: «Ах, я смеюсь, а мой бедный муж...» Она знает: так надо. Ты быстро научишь детей этому искусству: сделай выговор, что он веселый, а должен быть грустным и сокрушенным, и он послушается. Мне не раз случилось видеть, как принимавший живое участие в играх мальчик делал печальное лицо, поймав мой грозный взгляд. «Ох, правда, неприлично веселиться, когда на тебя сердятся».

Помни, есть дети, которые только прикидываются, что им все равно: пусть, мол, воспитатель не думает, что они боятся, огорчены, помнят. А если цель наказания — сбить с них спесь, так это уже для них становится делом чести. И это дети, которые, пожалуй, острее всего воспринимают и долго помнят.

40. Наказаний нет — только выговор, напоминания — слова. Ну а если под этими словами кроется желание опозорить?

«Взгляни, как выглядит твоя тетрадка! На кого ты похож! Ну и отличился! Поглядите-ка, что он устроил!»

А публика — товарищи обязаны иронически улыбаться и выражать удивление и презрение. Это делают не все — и чем ребята честнее, тем они сдержаннее в выражении нелестного мнения.

Существует другой вид наказания: упорное пренебрежение, унизительное примирение с существующим положением вещей.

— Ты еще не съел? Опять последний? Опять забыл?

Посмотришь укоризненно, вздохнешь с отчаянием, махнешь безнадежно рукой.

Сознавая свою вину, правонарушитель вешает голову, а иногда, полный внутреннего бунта и неприязни, косится исподлобья на травящую его свору, чтобы при случае задать кому следует.

— Дай мне то, дай мне это, — чаще, чем другие, повторял один мальчик.

В довольно резкой форме я приструнил его за эту некрасивую привычку. Год спустя, записывая детские прозвища, я столкнулся с отголоском моего бестактного выступления — у этого маль-

чика было мучительнейшее для самолюбия прозвище: «Дай-мне это-попрошайка».

Висмеивание — большое и очень болезненное наказание.

41. Ты взываешь к чувствам.

— Так вот как ты меня любишь? Так-то ты выполняешь обещание?

Ласковой просьбой, добродушным укором, поцелуем в залог желанного исправления ты наконец добиваешься нового обещания.

А у ребенка тяжело на душе: признательный за доброту и великодушное прощение, беспомощный, часто не веря в исправление, он возобновил обещание, решил еще раз вступить в жестокий бой со своей вспльчивостью, ленью, рассеянностью — с собой.

— А что будет, если я опять забуду, опоздаю, ударю, дерзко отвечу, потеряю?

Порой поцелуй налагает более тяжкие оковы, чем розга.

Разве ты не замечал, что если ребенок после данного обещания исправиться что-нибудь натворил, то уж держись: за первой провинностью следует и вторая, и третья?

Это боль понесенного поражения и досада на воспитателя за то, что, коварно вырвав у него обещание, он принудил его к неравному бою. И если ты вторично взовешь к его совести и чувствам, он тебя резко оттолкнет.

На гнев ты отвечаешь бурной вспышкой гнева, криком. Ребенок не слушает, он только чувствует, что ты выкидываешь его из своего сердца, лишаешь расположения. Чужой, одинокий — вокруг пустота. А ты в исступлении обрушиваешь на него все, какие есть, наказания: угрозу, упреки, насмешку и более существенные меры.

Обрати внимание, с каким сочувствием смотрят на него товарищи, как ласково стараются утешить:

— Это он только так говорит. Не бойся — это ничего, не горюй, он забудет.

И все это осторожно, чтобы не досталось от воспитателя и не влетело от взбунтовавшейся жертвы.

Всякий раз, учинив «великий скандал», я испытывал наряду с неприятным ощущением светлое чувство. Я был несправедлив к одному, но зато многих научил великой добродетели — солидарности в несчастье. Маленькие рабы знают, что такое боль.

42. Иногда, выговаривая ребенку, ты читаешь в его взгляде тысячу бунтовщических мыслей.

«Ты, может, думаешь, я забыл? Я все помню».

Неумело изображая раскаяние, ребенок говорит тебе злыми глазами:

«Я не виноват, что у тебя такая хорошая память».

Я: — Я был терпелив. Ждал, может, справишься.

Он: «Эка беда. Не надо было ждать».

Я: — Я думал, ты, в конце концов, возьмешься за ум. Я ошибался.

Он: «Умные не ошибаются».

Я: — Раз я прощаю, ты, поди, думаешь, что тебе все можно?

Он: «Вовсе я так не думаю. И когда это только кончится!»

Я: — Нет, с тобой невозможно выдержать.

Он: «Болтай, болтай, ты сегодня зол, как черт, вот и цепляешься...»

Подчас ребенок во время нагоняя проявляет удивительный стоицизм.

— Сколько раз я тебе повторял: не смей прыгать по кровати! — мечу я громы и молнии. — Кровать-это тебе не игрушка. Хочешь играть — играй в мячик, решай кроссворды...

— А что это такое — «кроссворды»? — спрашивает он с любопытством.

Вместо ответа я дал ему по рукам...

В другой раз, после бурного разговора, у меня спросили:

— Скажите, пожалуйста, отчего, когда кто-нибудь злится, он делается красный?

В то время когда я напрягал голосовые связки и ум, чтобы обратить его на стезю добродетели, он, видите ли, изучал игру красок у меня на лице! Я поцеловал его — он был очарователен.

43. Дети правильно ненавидят огульные обвинения.

«С вами добром нельзя... Опять вы... Если вы не исправитесь...»

Почему за проступок одного или нескольких должны отвечать все?

Если повод к взбучке дал маленький циник, он останется доволен: вместо полной порции гнева ему досталась лишь часть. Честный же будет слишком потрясен, видя столько невинных жертв своего преступления.

Иногда буря разражается над определенной группой детей: «совсем никудышные мальчишки» — или наоборот: «на редкость испорченные девчонки», чаще же всего: старшие, вместо того чтобы показать пример..., смотрите, как хорошо ведут себя малыши.

Здесь, кроме справедливого гнева невинных, мы вызываем смущение у тех, кого хвалим, которые знают за собой много грехов и помнят, как сами стояли у позорного столба. Наконец, мы даем возможность нехорошо торжествовать маленьким насмешникам: «ага... а видите... эге...»

Однажды я хотел особо торжественно прореагировать на невыясненную кражу. Я вошел в спальню к мальчикам, когда они уже засыпали, и, стуча в такт о спинку кровати, громко заговорил:

— Опять кража! С этим надо кончать. Жалко времени и труда на то, чтобы растить воров...

Эту же довольно длинную речь я повторил в спальне девочек. На другой день между мальчиками и девочками шел такой разговор:

— И у вас он орал?

— Ясно, орал.

— Говорил, что всех выгонит?

— Говорил.

— И стучал кулаком по кровати?

— Да еще как, изо всей силы.

— А по чьей он кровати стучал? У нас так по Манюскиной.

Каждый раз, выступая с огульным обвинением, я огорчал наиболее честных, раздражал всех и делал из себя посмешище в глазах критически настроенных: «Ничего, пусть себе немножко позлится — это ему полезно».

44. Разве воспитатель не понимает, что значительная часть наказаний несправедлива?

Драка.

— Он меня первый ударил.

— А он дразнился... Взял и не отдает!

— Я только так, ради шутки (помешал, испачкал)...

— Это он меня толкнул, а не я.

И ты наказал или обоих (почему?), или старшего, который должен уступить младшему (почему?), или того, кто по простой случайности ударил сильнее, вреднее для здоровья. Ты наказал, драться нельзя. А жаловаться можно?

Ребенок пролил, сломал.

— Я нечаянно.

Он повторяет тебе твои собственные слова: ты ведь велишь прощать, если ему причинят вред нечаянно.

— Я не знал... Я думал, можно.

Он опоздал, потому что..., он это умеет делать, но...

Объяснения правильные, а тебе кажутся уверткой.

Это двойная несправедливость: ты и не веришь, хотя он говорит правду, да еще несправедливо наказываешь.

Иногда условное запрещение случайно становится категорическим, а то и вовсе перестает быть запрещением.

В спальне шуметь нельзя, а говорить вполголоса можно. Если тебе весело, ты и сам посмеешься над невинной проделкой, а если устал, прекратишь обычную для спальни болтовню, хотя бы только резко заметив:

«Довольно болтать... Ни гу-гу... Кто скажет хоть слово...»

В канцелярию детям входить не разрешается, но они входят. Как раз сегодня у тебя месячный отчет, тебе нужен покой. Мальчуган не знал, вошел, и ему влетело. Если бы ты его даже не вывел за ухо, если бы только сказал: «Чего прилез? Вон сейчас же!» — твой гнев — незаслуженное наказание.

45. Во время игры в мяч он разбил стекло — ты простил, стекло бьют редко, не знаешь, кто, собственно, виноват, не любишь наказывать.

Но когда разбито уже четвертое стекло, когда разбил его хронический озорник, за которым вдобавок значится в школе плохая отметка, ты наказываешь — криком, угрозой, злостью.

— Я нечаянно, — отвечает он смело, а по-твоему — дерзко.

...Четвертое окно... озорник... плохой ученик... лентяй... еще дерзит... Воспитатель, уверяю тебя, ты дашь ему по рукам. А ведь ребенку не понять, да и не надо ему мириться с тем, что ты его наказал для примера, потому что, как менее впечатлительный, он удобный объект для эффектного наказания; и что ты подверг его наказанию не за один этот поступок, а за всю его деятельность в совокупности.

Он знает только, что детям А, Б, В ты простил, а его вот несправедливо наказал...

Допустим, ты поступил по-другому: отобрал у ребят мяч.

— Играть в мяч нельзя.

И это несправедливо: наказание коснулось десятка невинных ребят.

Еще мягче: ты предупреждаешь, что, если они еще раз разобьют стекло, ты отберешь мяч, то есть применяешь несправедливо наказание — угрозу — ко всем ребятам, хотя виноваты будут только четверо.

И из этих четверых не все виноваты, потому что один разбил стекло, на котором уже была трещина, другой разбил не целиком, а только с уголка, а третий, оно правда, и разбил, но ведь его подтолкнули, и виноват, собственно, только этот четвертый, который всегда сделает что-нибудь такое, из-за чего воспитатель злится.

46. Ты простил безоговорочно. Ты полагаешь, что поступил правильно? Ошибаешься.

«Да, попробуй-ка я это сделать», — думает один.

«Ему все можно, — думает другой, — воспитатель его любит». Опять несправедливость.

Есть дети, для которых насупленные брови, резкое замечание или мягкое: «Ты меня огорчил» — достаточное наказание. Но если ты желаешь такого ребенка простить, другие должны понять, почему ты это делаешь, и он сам должен понять, что ему можно не больше, чем остальным. Иначе ты его избалуешь, распустишь и отдашь на растерзание затронутой в своих правах толпе. Ты совершишь ошибку, и он и остальные дети тебя накажут.

Забудь на минутку о четырех выбитых стеклах, а собственно говоря, о двух, раз на одном уже была трещина, а у второго отбит только уголок. Забудь и погляди, сколько ребят, сбившись в кучки, обсуждают несчастный случай. И в каждой кто-нибудь агитирует за тебя или против.

«Правые» утверждают, что стекло дорогое и что у воспитателя будут неприятности в правлении — слишком, мол, добрый, дети не слушаются. У него всегда непорядок: следовало наказывать строже.

«Левые» (сторонники игры в мяч):

— Ни во что играть нельзя, все запрещают. Сделай что-нибудь, сразу в крик, и пошло: угрозы, скандалы. Нельзя же целый день сидеть, точно кукла какая.

И только «центр» принимает все с доверием и смирением.

Не улыбайся снисходительно — это не шутка, не мелочи; это и есть жизнь в казармах.

Значит, раз и навсегда, принципиально и во всех случаях отказаться от наказаний, предоставив детям полную свободу? А если своеволие ребенка-единицы ограничивает права массы? Своевольный и сам не учится, и другим не дает, и свою постель не постелит, и чужую разворошит, и свое пальто запропастит, да еще чужое возьмет — что тогда?

47. «Некрасиво жаловаться, я не разрешаю жаловаться».

А что делать ребенку, если его обокрали, оскорбили отца или мать, наговорили на него товарищам, если ему угрожают, подбивают на плохое?

Некрасиво жаловаться. Кто установил это правило? Дети ли переняли его от плохих воспитателей или воспитатели от плохих детей? Потому что оно удобно только для плохих и самых плохих.

Тихих и беспомощных будут обижать, эксплуатировать, обирать, а позвать на помощь, потребовать справедливости — нельзя! Обидчики торжествуют, обиженные страдают.

Недобросовестному, неумелому воспитателю удобно не знать, что вытворяют ребята, он машет рукой на их споры, не умея их умно рассудить.

«Лучше всего пускай сами мирятся». И тут, когда дело коснулось его собственного удобства, его вера в них заходит так далеко, что он полагается на их разум, опыт, справедливость и предоставляет в столь важной области свободу действий.

Свободу? Ну нет: драться нельзя, ссориться нельзя, ты даже не разрешишь ему выйти из игры, не дашь устроиться. Ребенок поссорился и не хочет — всего-навсего — рядом спать, сидеть за столом, ходить в одной паре. Такое справедливое, естественное желание — и нельзя.

Дети легко ссорятся? Неправда, они дружны и снисходительны. Попробуй засади человек сорок служащих в одну комнату на неудобные скамьи и держи по пяти часов кряду за ответственной работой под неусыпным надзором начальника — да они глаза друг другу выщарапают!

Вслушайся в детские жалобы и изучай их, и ты найдешь способ во многом им помочь. Сосед задел локтем тетрадку, и попе-

рек страницы поехала некрасивая черта, или перо воткнулось в бумагу, разбрызгивая чернила. Самая частая жалоба в классе.

48. Особый характер носят жалобы на переменах.

— Он не дает играть, он мешает...

Перемена приводит некоторых ребят в дикое, полубессознательное состояние. Носятся, скачут, толкаются, бессмысленные крики, бестолковые движения, безответственные поступки. Вот он бежит куда глаза глядят, наталкиваясь на идущих, размахивая руками, издавая возгласы, наконец, ударяет первого встречного ученика. Обрати внимание, как часто тот, кого толкнули или ударили, сердито обернется и молча посторонится.

А есть дети, которые пристанут ни за что ни про что и не отстанут. «Уйди, оставь» для них сигнал как раз не уходить. Ребята не любят таких, презируют за отсутствие самолюбия и такта и жалуются:

«Мы играем, а он... Господин воспитатель, он всегда... Стоит нам начать играть, как он...»

Жалобщик в гневе («вскипятился»), в голосе отчаяние. Перемена короткая, жалко каждой драгоценной минуты, а тут отравляют, крадут у тебя последние минуты свободы...

Помни, ребенок обращается к тебе только в крайнем случае, выведенный из терпения, беспомощный, не желающий драться. Он зря теряет время и рискует получить небрежный или резкий ответ. У тебя должна быть наготове привычная фраза, это сэкономит тебе работу мысли.

— Мешает? Позови-ка его сюда, — говорю я.

Часто все на этом и кончается. Надо было отогнать нахала, тот, видя, что товарищ пошел жаловаться, спрятался, — значит, цель достигнута.

Если жалобщик возвращается: «А он не хочет идти» — я грозно говорю тогда: «Скажи, чтобы немедленно явился».

Вообще дети жалуются очень редко и неохотно. Если некоторый процент жалуется часто, надо это изучить и подумать почему. Ты никогда не узнаешь детей, пренебрегая их жалобами.

49. «Господин воспитатель, можно? Разрешите? Вы мне позволите?»

Мне кажется, воспитатель, который не любит жалоб, в равной мере не переносит и просьб. Желая, однако, и тут подыскать убедительную мотивировку, он ссылается на принцип, гласящий:

— Все дети на равных правах. Никаких исключений, никаких привилегий.

Справедливо ли это? Или, может быть, только удобно?

Необходимость часто отвечать: «Нельзя. — Не позволяю. — Не разрешаю» — неприятная необходимость. Когда нам кажется, что мы свели запреты и приказы до минимума, нас сердит, если ребята требуют дальнейших уступок. Иногда мы и признаем

справедливость просьбы, да запрещаем, так как одна удовлетворенная просьба вызывает целый ряд просьб других детей. Мы стремимся достичь идеала, чтобы дети знали определенные границы и большего не требовали.

Но если ты взвалишь на себя тяжелую обязанность не просто отклонять детские пожелания, а выслушивать их, если будешь их записывать и разбивать по рубрикам, ты убедишься, что бывают желания повседневные и совершенно исключительные.

Постоянные назойливые просьбы о перемене места за столом. Мы позволили ребятам раз в месяц меняться местами. Об этой незначительной реформе можно было бы написать обширную монографию, столько в ней положительных сторон, а обязаны мы ею исключительно неотвязным просьбам.

Горе ребятам и воспитателю, который умеет подавить каждое не предусмотренное регламентом желание. Благодаря им, как и благодаря жалобам, ты познаешь большинство тайн детской души.

50. Кроме детей, которые обращаются к воспитателю по своему делу, бывают просьбы через послов.

«Он спрашивает, не разрешите ли вы ему? а можно ему?..»

Долгое время этот вид просителей меня злил, и по многим причинам.

Часто послами бывают дети, у которых и своих дел хватает, и уже успели тебе с ними надоеть; приходят обычно они не вовремя, когда ты торопишься, занят, не в настроении; просьбы часто такие, что ответ должен бы быть явно отрицательным; это создает впечатление протекции — а не припишет ли посол себе заслугу благоприятного решения? Наконец, в этом есть вроде как бы неуважение: «Приди-ка сам, изволь побеспокоиться, а не проси через адвоката».

Бесплодность борьбы с такими просьбами заставляла искать более глубокую причину этого явления. И я нашел ее.

Я обнаружил общечеловеческую, а не чисто детскую тонкость души.

Резкий ответ не обижает просящего за другого, лично не заинтересованный проситель не видит недовольного лица, кривой усмешки, нетерпеливого жеста. Ему важен отказ, как таковой.

Мне случалось видеть, как настоящий проситель наблюдал издали, какой эффект вызовет его просьба, готовый по первому зову подойти и дать разъяснения.

Когда мы ввели в Доме сирот систему письменного общения с детьми, количество просьб через послов значительно сократилось, и у нас появился готовый ответ:

«Пусть напишет, чего он хочет и почему».

51. До тошноты часто повторяется *ex cathedra*¹ предписание отвечать детям на вопросы. И, слепо поверив в него, бедный

¹ *Ex cathedra* (лат.) — с кафедры, т.е. особенно авторитетно, непререкаемо.

воспитатель вступает в конфликт с совестью, потому что не может, не умеет, не обладает достаточным терпением непрерывно выслушивать вопросы и вечно давать ответы. И даже не подозревает, что чем чаще он бывает вынужден отделаться коротким «не надоедай» от маленького пристава, тем он лучше как воспитатель.

«Я хорошо написал, вычистил башмаки, вымыл уши?»

Если первый спрашивает, потому что у него есть сомнения, то уже следующие желают только обратить на себя внимание, прервать начатую работу, получить лишнюю похвалу.

Бывают вопросы трудные, на которые лучше не отвечать совсем, чем отделяться поверхностным, непонятным объяснением. Поймет, когда будет изучать физику, космографию, химию. Поймет, когда будет изучать физиологию. А вот этого никто не знает, даже взрослые, даже учитель — никто.

Следует принять во внимание самого ребенка: вдумчивый он или поверхностный, что побудило его спросить — беспредметное ли любопытство или желание разрешить мучающий его вопрос, тайну природы, этическую проблему — и, наконец, возможность ответа. И мое «посмотри в книжке — тебе не понять — не знаю, спроси у меня через неделю» или «не морочь мне голову» будет результатом многих правильно учтенных обстоятельств.

Я смотрю с подозрением на воспитателя, который утверждает, что он терпеливо отвечает детям на вопросы. Коли не врет, он, возможно, настолько чужд детям, что они действительно редко и лишь в виде исключения обращаются к нему с вопросами.

52. Если жалобы, просьбы и вопросы — ключ к познанию детской души, то сделанное шепотом признание — настежь распахнутые в нее ворота.

Вот добровольное признание, сделанное через несколько месяцев после имевшего место факта:

«Мы очень на вас были злы, он и я. Вот мы и уговорились, что один из нас заберется ночью через окно к вам в комнату, возьмет очки и выбросит в уборной, а потом подумали, что ведь жалко выбрасывать, что мы только спрячем. Мы не спали и ждали до двенадцати часов ночи. Когда я уже встал, чтобы идти, один мальчик проснулся и пошел в уборную. Но я потом все равно опять встал. Влез я в окно — сердце во как колотится! Очки лежали на столе. Вы спали. Я их взял и спрятал у себя под подушкой. Потом-то мы испугались. Не знали, что и делать. Потом он сказал: «Надо положить на место». А я ему сказал, чтобы он положил. А он не захотел. Тогда я опять встал, но уже в комнату не влезал, а просто положил и немножечко еще подтолкнул»

Зная обоих, я понимаю, откуда исходила инициатива, как выработывался план действий и почему месть не была доведена до конца.

Одному этому факту можно было бы посвятить целый трактат, такой это богатый материал для размышлений.

53. Улыбаясь ребенку — ждешь в ответ улыбку. Рассказывая что-нибудь любопытное — ждешь внимания. Сердишься — ребенок должен огорчиться.

Это значит, ты получаешь нормальную реакцию на раздражение. А бывает и по-другому: ребенок реагирует парадоксально. Ты имеешь право удивиться, обязан задуматься, но не сердись, не дуйся.

Ты подходишь к ребенку с дружеским чувством, а он отворачивается с досадой, а то и явно тебя избегает: может быть, это ты перед ним виноват, а может быть, это он провинился, сделал что-нибудь плохое и честность не позволяет принять незаслуженную ласку. Возьми это на заметку и через неделю или месяц попроси объяснить: может быть, он забудет, может быть, скажет, а может быть, по его улыбке или смущению, ты поймешь, что он помнит, только не хочет сказать. Воспитатель, отнесись к его тайне с уважением.

Однажды я приструнил ребят:

— Что это за шушуканья по углам? Прячетесь в классной комнате... Вы же знаете, я этого не люблю!

Ответом мне были: стоическая покорность, злостное упрямство, своевольная ясность духа. Мое внимание должно было бы привлечь явное отсутствие раскаяния; я не понял и подозревал преступные козни наших неслухов. А это ребята в секрете репетировали комическую пьеску, которой думали нас порадовать. Еще сегодня я краснею при мысли, как я был смешон в своем ожесточении.

54. «У моего мальчика от меня нет секретов, он делится со мной всеми своими мыслями», — говорит мать.

Я не верю, что это так, но верю, что она этого требует, и знаю, что она делает ошибку.

Пример:

Мальчик видит на улице похороны. Величественная процессия — фонари, торжественность. За гробом следует ребенок: в своем отделанном черным крепком платье он участник исполненного таинственной поэзии обряда. И у мальчика мелькает мысль: должно быть, это приятно, когда мама умирает... И он с ужасом смотрит на мать. Ой, он не хочет, чтобы мама умирала, и откуда только такие мысли?

Ну можно ли, позволительно ли такую мысль высказать? И вправе ли мы тревожить ребенка в момент грозного конфликта с совестью?

Если ребенок поверит тебе свою тайну, радуйся, потому что его доверие — высочайшая награда, лучшее свидетельство. Но не принуждай его к откровенности, у него есть право на тайну; не

принуждай ни просьбами, ни хитростью, ни угрозами, все способы одинаково недостойны и не сблизят тебя с воспитанником, а скорее разъединят.

Надо убедить детей в том, что мы уважаем их тайны, что вопрос «Не можешь ли ты мне сказать?» не значит «ты должен». Пусть на мое почему он ответит искренне, без уверток: «Я не могу вам этого сказать. — Я вам потом когда-нибудь скажу. — Ни когда не скажу».

55. Однажды я заметил, как одиннадцатилетний мальчик подошел к девочке, которую он любил, и что-то шепнул ей. В ответ она покраснела, опустила голову и недоуменно пожала плечами.

Несколько дней спустя я спросил его, с чем он тогда к ней обратился. Никакого замешательства, искреннее желание вспомнить.

— Ах да, я спросил у нее, сколько шестнадцатью шестнадцать.

Я был ему так благодарен — столько он пробудил во мне хороших душевных мыслей.

Другой раз мне стало известно, что с одной девочкой, когда она шла вечером через сад, случилась какая-то загадочная история. Наши ребята ходят в город без провожатых и в одиночку — это входит в программу воспитания, и отказаться от этого было бы очень жаль. Мы решили удвоить бдительность. Случай в саду меня сильно беспокоил. Я потребовал, чтобы она во всем созналась, припугнув, что иначе не буду пускать одну.

Она сказала, что, когда шла по саду, пролетающая птичка испачкала ей шляпку: «сделала мне на голову».

Мне кажется, из нас двоих я был более сконфужен.

Будь мы более деликатны по отношению к детям, как часто нам приходилось бы сгорать со стыда за ту нечистоплотность жизни, которую они застали и от которой мы их не в силах уберечь.

56. Тихий шепот признаний подчас бывает шепотом доносов.

Не возмущайся лицемерно: ты выслушаешь доносчика, твоя обязанность выслушивать.

— Он вас ругает, обозвал нехорошим словом.

— Откуда ты знаешь, что он меня ругает?

— Нас много слышало.

Значит, услышал случайно, не подслушал.

— Ну ладно, только зачем ты мне это говоришь?

Смушение: ну сказал и сказал.

— И что ты хочешь, чтобы я ему сделал?

Смушение: не знает, что он хочет, чтобы я тому сделал.

— Ну а знаешь ты, почему он меня ругал?

— Разозлился, что вы...

Суть доноса — ерундовская, цель — неясная. Наверное, думал заинтересовать воспитателя, импонировала мысль, что вот, мол, владеет великой тайной и делится ею со старшим.

— А ты сам не ругаешься, когда злишься?

— Иногда и ругаюсь.

— Не делай этого, это дурная привычка.

Не читай ему нравоучений, может быть, он хотел тебе добра, а если нет, несколько ставящих в тупик вопросов и отсутствие интереса к сообщению — достаточное наказание.

57. Преступная цель: желал отомстить.

— Старшие мальчики говорят разные свинства, и у них какие-то неприличные картинки есть и стихи.

— Какие такие картинки и стихи?

Не знает. Он спрятался и подслушивал. А говорит потому, что такие картинки иметь не разрешается. Он хочет, чтобы этих мальчишек наказали.

— А ты, случайно, не просил показать тебе картинку?

Просил, да они не захотели, сказали, что он мал еще.

— А я могу им сказать, от кого я узнал?

Нет, нельзя: они его побьют.

— Раз ты мне не позволяешь сказать, от кого я это знаю, то я не могу им ничего сделать. Они могут подумать на кого-нибудь другого и побьют его.

Ну ладно, он не боится: поступайте как знаете.

— Спасибо, что сказал. При случае я поговорю с ними, попрошу больше этого не делать.

Я говорю ему «спасибо»: он заметил то, что я сам обязан был заметить. А разговор о том, что месть уродлива, я откладываю на после. На сегодня довольно, он ожидал другого эффекта — выстрел не попал в цель.

58. Дело, может быть, очень серьезное, цель — благая.

Он был в доме, где скарлатина. — Малыши забиваются в раздевалку и курят, они дом поджечь могут. — Икс подговаривает Игрека украсть. — Зет относит сторожу еду и взамен получает яблоки. — Вчера на улице какой-то господин предлагал девочке пойти в кондитерскую и прокатиться на автомобиле.

Ребенок знает, зачем он это говорит. Заметив опасность или заслуживающий наказания поступок, он колебался, не знал, что делать, и вот приходит посоветоваться, потому что тебе доверяет. Ребята рассердятся, будут избегать его, — что ж, ничего не поделаешь. Он свой долг выполнил: предостерег.

Я должен относиться к нему как к товарищу, который помог мне решить трудный вопрос. Ребенок оказал мне большую услугу. А теперь мы вместе с ним думаем, как быть дальше.

Помни, всякий раз, когда к тебе подходит ребенок с чужой тайной, он тебя обвиняет:

«Ты не выполнил свой долг: не знаешь. А не знаешь потому, что ты пользуешься у детей доверием, да только относительным — дети тебе доверяют, да не все».

59. После того как ты узнал, не спеши. Не давай бесчестному доносчику торжествовать: «Я, мол, обратил внимание, я, мол, выполнил важную миссию». Твой долг защитить честного ребенка от мести — вражды. Откладывая обсуждение дела в долгий ящик, ты получаешь возможность, усилив бдительность, заметить все сам.

Дальше: если, заметив провинность, ты немедленно бьешь тревогу, дети могут быть уверены, что, раз ты молчишь, ты не знаешь.

«Откуда вы знаете, а когда вы это узнали, а почему вы сразу не сказали?» — вот о чем чаще всего спрашивают ребята, когда напоминаешь им старый грех.

Еще раз: не спеши. Выжди удобный момент и поговори с ребенком, когда он дружелюбно настроен, а само дело с течением времени перестало быть важным и актуальным. Ох, это было давно, месяц тому назад. И он тебе откровенно расскажет, что его толкнуло на дурной поступок, и как он его совершил, и что чувствовал до, во время его и после.

Дальше: не рассердишься, у тебя будет время обдумать, взвесить, подготовиться. От разумного решения зависит подчас все твое дальнейшее отношение к ребенку или к группе ребят.

Пользуясь твоим хорошим настроением, он просит у тебя ящик с ключиком.

— С большим удовольствием. Будешь лучше прятать свои неприличные картинки, чтобы малыши не нашли.

Пристыжен, ошеломлен, удивлен.

Теперь он захочет с тобой поговорить. Не спеши! Чуть остыв, он сам отдаст тебе картинку (утратит прелесть новизны), скажет, от кого получил, кому давал посмотреть. Чем ты спокойнее говоришь, тем все проще, чем умнее, тем ближе к сути дела.

60. Мой принцип:

«Пусть дитя грешит».

Не будем стараться предупреждать каждое движение, колеблется — подсказывать дорогу, оступится — лететь на помощь. Помни, в минуты тягчайшей душевной борьбы нас может не оказаться рядом.

«Пусть дитя грешит».

Когда со страстью борется еще слабая воля, пусть дитя терпит поражение. Помни: в конфликтах с совестью вырабатывается моральная стойкость.

«Пусть дитя грешит».

Ибо, если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастает пассивно-нравственным — по отсутствию возможности согрешить, а не активно-нравственным — нравственным благодаря сильному сдерживающему началу.

Не говори ему:

«Грех мне противен».

Скажи лучше:

«Не удивляюсь, что ты согрешил».

Помни:

«Ребенок имеет право солгать, выманить, вынудить, украсть. Ребенок не имеет права лгать, выманивать, вынуждать, красть».

Если ребенку ни разу не представился случай выковырять из кулича изюминки и тайком съесть их, он не мог стать честным и не будет им, когда возмужает.

— Возмутительно!

Лжешь.

— Я тебя презираю!

Лжешь.

— Никогда я от тебя этого не ожидал... Значит, даже тебе нельзя доверять?

То-то и плохо, что не ожидал. Плохо и то, что безоговорочно доверял. Никудышный ты воспитатель: не знаешь даже, что ребенок — человек.

Ты возмущаешься не потому, что видишь грозящую ребенку опасность, а потому, что ребенок может испортить репутацию твоего учреждения, твоей педагогической системы и лично твою: ты заботаешься исключительно о себе.

61. Позволь детям ошибаться и радостно стремиться к исправлению.

Детям хочется смеяться, бегать, шалить. Воспитатель! Если для тебя жизнь — кладбище, позволь им в ней видеть лужайку.

Сам во власянице — банкрот брэнного счастья или кающийся грешник — имей мудрую снисходительную улыбку.

Здесь должна — должна царить атмосфера полной терпимости к шутке, проказе, насмешке и подвоху и наивному греху лжи. Здесь не место суровому долгу, каменной серьезности, железной необходимости, непоколебимому убеждению.

Всякий раз, впадая в тон монастырского колокола, я делал ошибку.

Верь мне, интернатская жизнь потому нам кажется мутной, что мы требуем от нее слишком высокого идейного уровня. В сотый раз повторяю: в казарменной обстановке интерната не воспитаешь ни дивно цельной честности, ни пугливой чистоты, ни девственной невинности чувств, не знающих, что зло существует.

И не потому ли ты так любишь этих своих честных, беззаветных, кротких, что знаешь, как им будет тяжело на свете?

Да и может ли обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по идеалам? Разве, увидав тогда твою первую ложь, не перестанет сразу твой воспитанник верить во все твои правды?

Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность — воспитывать людей, а не овец, работников, не проповедников: в здоровом теле здоровый дух. А здоровый дух не sentimentalен и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безразличности!

62. Дети лгут.

Лгут, когда боятся и знают, что правда не выйдет наружу.

Лгут, когда им бывает стыдно.

Лгут, когда ты их заставляешь сказать правду, которую они не хотят или не могут сказать.

Лгут, когда им кажется, что так надо.

— Кто это пролил?

— Я, — признается кто-нибудь и попытается оправдаться, если знает, что ты ему за это скажешь только: «Возьми тряпочку и подотри» — и самое большее добавишь: «разиня».

Он признается и в серьезном проступке, если будет знать, что воспитатель станет усиленно доискиваться, решив во что бы то ни стало узнать правду. Пример: нелюбимому мальчику налили в постель воды. Никто не признается. Я предупредил, что, пока виновный не сознается, не выпущу никого из спальни. Прошел тот час, когда старшие отправляются на работу; приближается время завтрака. Завтракать ребята будут в спальне. В школу они не пойдут, и так опоздали. В спальне шепот: совещаются. Часть ребят, безусловно, не виновата, остальные в разной степени под подозрением. Ребята уже, наверное, догадываются, кто мог это сделать, возможно, уже знают, возможно, уговаривают сознаться.

— Господин воспитатель...

— Это ты сделал?

— Я.

Наказание было бы излишне: подобный проступок не повторится...

Позволь ребенку хранить тайны: если ты дашь ему право сказать: «Знаю, но не скажу» — он не станет лгать, что не знает.

Позволь ребенку свободно признаваться в чувстве, не отвечающем установленной заповеди.

63. «Как вас дети любят», — говорит какая-нибудь sentimentalная особа.

Бывает, заключенные любят снисходительных надзирателей. Но есть ли хоть один ребенок, который не был бы в обиде на своего воспитателя? Какое-нибудь неприятное распоряжение, какая-нибудь когда-то сказанная резкость, затаенное желание, которое он не откроет, «раз все равно из этого ничего не выйдет». Если ребята думают, что они любят, то потому, что старшие им говорят, что так должно быть; другие не хотят отставать; некоторые и сами в толк не возьмут, любят они или ненавидят; а все они, видя мои недостатки, хотели бы меня

немножко переделать, сделать лучше. Бедняги не знают, что самая большая моя вина — это то, что я перестал быть ребенком.

«Как вас дети любят».

Как ребята подбежали, прильнули ко мне, обступили, когда я пришел с войны! Но разве они не больше обрадовались бы, появившись в зале неожиданно белые мыши или морские свинки?

Мать, отец, воспитатель! Если ребенок полюбил тебя глубоко, всегда одинаково бескорыстной любовью, пропиши ему водные процедуры или даже немного брома.

64. Бывают минуты, когда ребенок тебя безгранично любит, когда ты ему нужен, как никто: когда он болен и когда он испугался ночью страшного сна.

Помню ночь, проведенную в больнице у постели больной девочки. Время от времени я давал ей вдыхать кислород. Девочка дремала, крепко держа меня за руку. Каждое движение моей руки сопровождалось словами: «Мама, не уходи», которые она шептала в полузабытьи, не открывая глаз.

Помню, как, весь дрожа, в приступе безнадежного отчаяния, вошел ко мне мальчик, перепуганный сном о мертвецах. Я взял его к себе в кровать. Он рассказал сон, рассказал о покойных родителях и о своем пребывании после их смерти у дяди. Мальчик говорил задушевым шепотом, может быть, желая вознаградить за прерванный отдых, а может, из страха, что я усну раньше, чем от него отступятся злые видения...

У меня есть письмо мальчика, полное жалоб на меня и на Дом сирот. Мальчик написал его на прощание. В письме он жалуется, что я не понимал его и был к нему злой и несправедливый. В доказательство, что он умеет ценить доброту, приведен пример: он, мол, никогда не забудет, что, когда у него однажды болел ночью зуб, я не сердился, что меня разбудили, и не брезговал, клал ему на зуб ватку с лекарством. За все свое двухлетнее пребывание в Доме сирот он один этот факт счел достойным сердечного упоминания. А воспитатель обязан удалять больных детей из интерната и ночью после целого дня работы спать.

65. Не будем требовать от детей ни индивидуального, ни коллективного самопожертвования.

Папа, у которого много работы, мама, у которой болит голова, усталый воспитатель — все это может тронуть раз или несколько раз; если же это постоянно — утомит, надоест, будет злить. Мы можем запугать детей так, что при первой же нашей гримасе боли или выражении недовольствия они начнут говорить шепотом и ходить на цыпочках, но будут делать это нехотя, с перепугу, а не из чувства привязанности.

Да, дети будут послушные, серьезные — у воспитателя горе. Но пусть это случается редко, как исключение.

А разве мы, взрослые, всегда готовы уступать капризам, причудам и достопочтенным взглядам старцев?

Я думаю, многие дети вырастают в отвращении к добродетели потому, что ее безустанно внушают, перекармливая хорошими словами. Пусть ребенок сам открывает необходимость, красоту и сладость альтруизма.

Всякий раз, указывая детям на их обязанности по отношению к семье, младшим братьям и сестрам, я боюсь, что делаю ошибку.

Ребята сами принесут домой выигранные в лото картинки и конфеты, потому что им приятно видеть радость братишки, — а может быть, это только самолюбие? Что и они дают — как взрослые?

Ребенок берет в сберкассе накопленный им рубль и отдает сестре на башмаки. Прекрасный поступок! Но знает ли ребенок цену деньгам? Может быть, это просто легкомыслие?

Не сам поступок, а побуждение характеризует нравственный облик и потенциальные возможности ребенка.

66. Ребенок подавлен нашим авторитетом, обязанностью быть нам благодарным, уважать нас. Ребенок все это чувствует, но по-другому, по-своему.

Ребята уважают тебя за то, что у тебя есть часы, что ты получил письмо с иностранной маркой, что имеешь право носить при себе спички, поздно ложиться спать, подписываешься красными чернилами, что ящик у тебя запирается на ключ, — за то, что ты обладаешь всеми привилегиями взрослых. Намного меньше ребята уважают тебя за образование, в котором всегда усмотрят недостатки: «А вы умеете говорить по-китайски? А считать до миллиарда?»

Воспитатель рассказывает интересные сказки, а кухарка и сторож знают еще интереснее. Воспитатель играет на скрипке, а товарищ, играя в лапу, подкидывает мяч выше.

Добродушным детям импонируют все взрослые; настроенные же критически не склоняют головы ни перед нашим умом, ни перед нашей нравственностью. Взрослые врут, жульничают, они неискренние, прибегают к некрасивым уловкам. Если взрослые не курят потихоньку, то только потому, что могут курить открыто, ведь они делают что хотят.

Чем больше ты заботаешься о поддержании авторитета, тем больше его роняешь; чем ты осторожнее, тем скорее его потеряешь. Если ты только не смехон до последней степени, не абсолютно туп и не стараешься по-дурацки вкратце в доверие у ребят, заигрывая и делая поблажки, они станут тебя на свой лад уважать.

На свой лад — это как? Я не знаю.

Ребята будут смеяться, что ты худой и высокий — толстый — лысый, что у тебя на лбу бородавка, что, когда ты сердисься, у тебя шевелится нос, а когда смеешься, голова уходит в плечи. И

станут тебе подражать, и захотят быть худыми или толстыми и шевелить носом, когда сердятся.

Позволь им в какую-нибудь исключительную минуту в редкой задушевной беседе сказать тебе по-товарищески, что они о тебе думают.

— Вы такой странный. Иногда я вас люблю, а иногда так просто убил бы со злости.

— Когда вы что-нибудь говорите, кажется, что все это правда. А подумаешь и видишь, что вы ведь это только так говорите, потому что мы дети.

— Никогда нельзя узнать, что вы о нас на самом деле думаете.

— И выходит, что и посмеяться над вами нельзя, раз вы только иногда смешной.

67. Никто не запротестовал, что я в повести «Слава»* позволил одному из героев украсть. Я долго колебался, но не мог поступить иначе: этот паренек, с такой силой желаний и таким живым воображением, должен был один раз украсть.

Ребенок крадет, если ему чего-нибудь так крепко хочется, что он не в силах устоять.

Ребенок крадет, когда чего-нибудь очень много — значит, одно можно взять. Крадет, когда не знает, кто хозяин. Крадет, если у него самого украли. Крадет, раз ему нужно. Крадет, потому что его подговорили.

Объектом кражи может быть камушек, орех, обертка от карамельки, гвоздик, спичечная коробка, осколок красного стекла.

Бывает, что все дети воруют, что детские кражи допускаются. Эти маленькие, не имеющие цены предметы составляют не то личную, не то общую собственность.

— Нате вам лоскутки, играйте.

А перессорятся — что тогда?

— Перестаньте ссориться: вон у тебя сколько, дай и ему.

Ребенок подает тебе найденное им сломанное перышко:

— Возьми и выброси.

Ребенок нашел разорванную картинку, шнурок, бусинку. Если можно выбросить, значит, можно и взять себе?

И мало-помалу перышко, иголка, кусочек резинки, карандаш, наперсток, наконец, каждый валяющийся на окне, столе или на полу предмет становится как бы общей собственностью. И если в семье из-за этого каждый день сотня ссор, в интернате их будут тысячи.

Есть два способа: один — недостойный — не позволять детям держать у себя разный «хлам» и другой — правильный — у каждой вещи есть свой хозяин и все, что найдено, должно быть возвращено по принадлежности. Каждую пропавшую вещь надо немедленно разыскать.

Таким образом, ребенок получает ясное указание; остается только один, первый вид кражи; и поддаются подчас искушению украсть не самые плохие дети.

68. Обман — это только разновидность кражи, кража замаскированная.

Выпрашивание подарков, явно нелепые пари, азартные игры и игры в «зелень» и в «косматое», наконец, выменивание «ценных» предметов (перочинный нож, пенал, коробка из-под шоколада) на предметы, ничего не стоящие. Наконец, долги без указания срока.

Чаще всего воспитатель, заботясь о своем удобстве, запрещает меняться, делать подарки, играть из корыстных соображений. Этот запрет отрезает раз и навсегда пострадавшему путь к жалобе, и так уже преданной анафеме.

Сотни наиболее жизненных, любопытных, своеобразных дел не доходят до воспитателя, а одно, очень уж броское и потому разоблаченное, позволяет ему блеснуть ораторским талантом, проповедью, полной жизненной неправды. Следует запрет еще более решительный — и опять тишь да гладь до следующего скандала. Запрет имеет силу ненадолго — жизнь сметает его.

Сколько же этих отвратительных, деморализующих, обидных дел по поводу невыполненных обязательств, выманенных подарков, сознательно жульнических сделок!

Ребенок, потеряв чужой мяч или перочинный ножик, может стать рабом.

69. Воспитатель, который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в этаким маленький мирок чистых, нежных, открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко снискать, скоро разочаруется. И вместо того чтобы винить тех, кто ввел его в заблуждение, и себя самого, что поверил, он будет дуться на детей, подорвавших его веру в них. А разве они виноваты, что тебе показали заманчивые стороны работы и скрыли шипы?

Среди детей столько же плохих людей, сколько и среди взрослых; только у детей нет то ли надобности, то ли возможности себя проявить.

Все, что творится в грязном мире взрослых, существует и в мире детей. Ты найдешь здесь представителей всех типов людей и образцы всех их недостойных поступков. Дети подражают жизни, речам и стремлениям воспитавшей их среды, ибо имеют в зародыше все страсти взрослых.

И если я завтра встречаю группу детей, я уже сегодня обязан знать, кто они. Там будут ласковые, пассивные, добродушные, доверчивые ребята — вплоть до самых злостных, явно враждебных и полных двуличной инициативы или притворно уступчивых, конспиративно злостных малолетних преступников и интриганов.

Я предвижу необходимость борьбы за режим и безопасность и бездушных и честных. Я призову к сотрудничеству положительные элементы ребячьей толпы, противопоставлю их злым силам. И только после того, как ясно представлю себе границы

педагогических влияний на данном участке, разверну планомерную воспитательную работу.

Я могу внедрить традиции правды, порядка, трудолюбия, честности, искренности, но я не в силах изменить природу ребенка. Береза так и остается березой, дуб дубом, лопух лопухом. Я могу пробудить то, что дремлет в душе ребенка, но не могу ничего создать заново. И буду смешон, если стану сердиться из-за этого на себя или на него.

70. Я заметил у честных воспитателей нелюбовь к неискренним детям. Я хотел бы обратить внимание воспитателей на то, что рабство, в каком мы держим детей, воспитывает в них ложь, умение злоупотреблять нашим расположением, лицемерное угодничество, комедию привязанности из расчета. Поражены этим недугом в разной степени все.

Загляни в души твоих «неискренних». Бедные дети! Иногда это самолюбивые, но без реальных к тому данных (а может, просто непонятые?); иногда это слабые физически и некрасивые, всеми гонимые; иногда это приучаемые на стороне к ханжеству, калечимые и порченные как тобой самим, который их не любит, так и теми, кто, не замечая фальши их привязанности, благодарности и образцовости, наделяет их особыми правами.

Если такой холодный, злой ребенок подошел к тебе и приласкался, ты, хотя и знаешь, что он это сделал из расчета, не вправе его оттолкнуть. Может быть, он просто не умеет по-другому, а может, другие, которые тебя обманывают, привлекательнее и ловчее, еще более лживы, ибо вошли в роль?

Среди тех, кто вертится около тебя больше, чем тебе бы хотелось, может, есть слабые и нелюбимые, желающие, чтобы ты окружил их заботой, защитил от обид?

Может, кто-нибудь им шепнул: будь поприветливее, дай букетик, поцелуй — и попроси. Может быть, ребенок следует указанию машинально, вопреки своей сухой, но искренней натуре, а значит, по приказу, неловко и неумело?

Меня удивило, когда один из мальчиков, сдержанный, старчески сухой, замкнутый в себе мизантроп, стал вдруг со мной душевным — первым смеялся над моими шутками, шел впереди, прокладывая дорогу, предупреждал желания. Делал он это неловко, явно желая привлечь внимание к своим поступкам. Так продолжалось довольно долго, мне было неприятно, но я скрывал. Когда, наконец, он попросил принять в Дом сирот его младшего брата, я почувствовал, как на глаза мои навертываются слезы: бедняга, каких ему стоило усилий быть так долго тем, чем он по существу не был!

71. Ребята, не любимые другими ребятами, и ребята-любимцы, коноводы. Важная тема, разработка ее даст ключ к загадоч-

ным жизненным успехам не за счет душевных качеств или силы, а чего-то неуловимого и нам неизвестного.

У красивых, здоровых, веселых, инициативных, смелых, талантливых ребят всегда есть товарищи, союзники, поклонники; у чересчур честолюбивых бывают и враги. Отсюда враждебные лагеря. В детском коллективе случаются и мимолетные любимцы, дети возвышают их, чтобы потом порадоваться их падению.

Не удивительно, если ребенка, который умеет организовать игры, знает сказки, любит и умеет играть, охотно принимают товарищи; он оделяет своей веселостью и задором, как другой яблоками и грушами. И в конце концов, что и любить детям, как не изобилие сласей или богатство духа, дающего им радость?

Дети не любят размазней и надоед, но кто они, эти размазни и надоеды, как не слабые телом и бедные духом? Вот и идут они к воспитателю: ведь ничего не давая ребятам сами, они ничего и не получают взамен.

Так оно и должно быть, что больше всего на тебя посягают, теснее всего тебя обступают не наиболее стоящие дети. Не требуй для них всей полноты прав, они и сами немногого требуют.

Но и не отталкивай их.

72. Ребенок старается, а я добавлю, и имеет право использовать все свои плюсы, все положительное, что в нем есть, чтобы обратить на себя внимание: приятную внешность, ловкость, память, хорошо подвешенный язык, звучный голос, происхождение. Если, не переубедив, мы станем ему мешать, мы вызовем у него неприязнь, и он усмотрит в нашем поступке придирку, а может, и зависть.

— Это наш певец, это наш гимнаст.

Может быть, это неправильно? Может быть, это портит? А может быть, только придает ребенку храбрости прямо сказать то, что думает: да, он гордится, что лучше всех поет, что он самый ловкий.

Разве не бестактнее грубо сказать:

«Думаешь, раз хорошо поешь, раз у тебя отец войт*, так уж тебе все можно?»

Или:

«Думаешь, обманул своей улыбкой?»

Или:

«Ты целуешь, потому что тебе что-то надо!»

Да, это так, но ты и сам так поступаешь.

Разве не подменяешь ты памятью отсутствие собственных мыслей или способностью логически мыслить отсутствие памяти? Не стараешься добиться послушания с помощью улыбки, так как не умеешь или не любишь прибегать к угрозам? Не хочешь исправить, целуя?

Разве сам ты не скрываешь своих пороков и недостатков?

Почему ты лишаешь ребенка права, которым пользуешься сам, хотя и располагаешь колоссальными преимуществами возраста и власти?

У огромного большинства детей еще нет ума. У них смекалка. Локк называет смекалку обезьяной разума*. Чем более благоприятные условия созревания создашь ты своим воспитанникам, тем скорее твои забавные обезьянки превратятся в людей.

73. Дети, поступившие последними или с запозданием, — вот мерило терпения воспитателя.

Звонок. Непосвященные не знают, сколько нужно усилий со стороны воспитателя и сколько упорства и доброго желания со стороны детей, чтобы эта сотня по данному сигналу явилась в полном составе.

Еще только одна строка не переписанного до конца стиха, один номер в лото, одно слово неоконченного разговора, не до конца главы, а только до точки дочитанная сказка.

Уходя из класса, ты ждешь, чтобы закрыть дверь. Крича и толкаясь, летят сломя голову все, кроме одного или двух, и ты обязан ждать, пока они в последнюю минуту чего-нибудь не наденут или не вынут.

Выдаешь башмаки, пальто — то же самое.

И ты стоишь и ждешь у открытого шкафа — у лампы, чтобы ее погасить, — у ванны, чтобы спустить воду, — у стола, чтобы собрать посуду, ждешь этого одного или двух, чтобы начать или закончить какую-нибудь работу. А у них вечно то затеряется шапка перед самым уходом, то сломается перо в начале диктанта.

«Скорее! Ну, пошевеливайся!.. И долго это будет продолжаться?.. Когда же ты, наконец, соизволишь?..»

Не сердись, такими они и должны быть.

74. Запрещение на первый взгляд не обременительное. Но борешься безрезультатно: ребята не слушаются. Не сердись.

Мы запретили по вечерам разговаривать в спальне.

— Целый день в вашем распоряжении, могли наболтаться. А теперь спать.

Видно, что-то не позволяет подчиниться этому, казалось бы, справедливому требованию, раз ребята разговаривают вполголоса, шепотом. Стоит шум. Прикрикнешь — тишина, но ненадолго. Сегодня, завтра, вчера — то же самое. Значит, осталось только взяться за палку — применить насилие — или дознаться, в чем дело.

— О чем ты вчера разговаривал в спальне?

— Я ему рассказывал, как мы жили дома, когда еще папка живой был.

— Я у него спросил, почему поляки не любят евреев?

— Я говорил, пусть исправится, тогда вы на него не будете литься.

— Я говорил, что, когда я вырасту большой, я поеду к эскимосам и научу их читать и строить дома.

Грубым окриком: «Тихо там» — я прервал бы эти четыре разговора.

Вместо проступка перед тобой раскрылись сокровенные думы и заботы твоих детей. В шуме и ярмарочной суете нет места тихим признаниям, печальным воспоминаниям, дружеским советам, вопросам по секрету. Тебе надоедает шум с утра и до ночи и хочется перед сном хотя бы минуту покоя — того же хотят и дети...

По утрам ты запрещаешь им разговаривать до определенного часа. А что делать тому, кто проснулся раньше, кто каждый день просыпается раньше?

И в этой бесцельной борьбе за утреннюю тишину в спальне одержали победу дети, а я сделал открытие, если и не составляющее эпоху в науке, то уж, во всяком случае, первостепенного значения.

75. Другой пример.

Мне часто случалось задавать детям вопросы:

«Что подельываешь, что у тебя слышно, почему ты такой невеселый, как поживают твои домашние?»

И часто слышать в ответ:

«Да ничего, все в порядке, я не невеселый».

Я был доволен: на то, чтобы показать ребенку, что я им интересуюсь и к нему расположен, я тратил ничтожные доли минуты. Проходя мимо, я часто гладил кого-нибудь по головке.

Через некоторое время я обратил внимание на то, что дети не любят ни эти ласки, ни вопросы. Одни отвечали нехотя, как бы с некоторым смущением; другие с холодной сдержанностью, а то и с иронической улыбкой. Раз ко мне обратился по довольно важному делу мальчик, всего минуту назад давший стандартный ответ на вопрос. От поглаживания по головке дети, в другое время нежные и чувствительные, явно уклонялись.

Признаюсь, это меня раздражало, я сердился и наконец понял.

В этих привычных, небрежно брошенных вопросах ребенок не видит ни искреннего интереса, ни возможности обратиться с просьбой. Он прав: подавая целую коробку конфет, ты рассчитываешь, что гость возьмет одну и не самую большую. Ты потчешь ребенка долей минуты, он дает тебе требуемый ответ: «Все в порядке», но, исполнив долг вежливости, остается в обиде на тебя за притворный интерес к его особе, не желая, чтобы к нему обращались, чтобы только отделаться, мимоходом.

— Ну как, нам лучше? — спрашивает врач на обходе. По тону голоса и движениям больной видит, что врач торопится, и нехотя отвечает:

— Спасибо, лучше.

76. Дети не привыкли к фальши светских условностей и, добавлю, к обычной лжи нашей разговорной речи.

«Просто руки опускаются. — За обедом должно быть тихо, как в церкви. — На нем все так и горит. — Что ни возьмет в руки, все ломает. — Сто раз тебе говорил, больше уже я повторять не стану».

Для ребенка все это ложь.

И как ему только не стыдно говорить, что у него руки опускаются, раз он ими все время двигает? А в церкви вовсе не тихо. Штаны не сгорели, а порвались, когда он лез через забор, и их можно заштопать. Он очень много вещей берет в руки и не ломает, а если одна и сломалась, так это с каждым может случиться. Сто раз не говорили, а самое большее пять, и еще не раз повторяют.

— Ты что, оглох?

Нет, не оглох. Этот вопрос — тоже ложь.

— На глаза мне не показывайся!

И это запрещение — ложь, ведь велят же ему обедать вместе со всеми?

Сколько раз ребенок готов взбунтоваться, предпочитая получить несколько колотушек, «только бы это противное пиление кончилось!».

Быть может, убежденный в том, что воспитателей надо уважать, ребенок страдает, видя, как это уважение рассыпается в прах? Ведь насколько ребенку легче подчиняться, когда он действительно убежден в их моральном превосходстве.

77. Мы ввели в Доме сирот реформу: за завтраком, обедом и ужином ребята получают хлеба сверх нормы, сколько хотят. Нельзя только разбрасывать и оставлять недоеденным. Бери столько, сколько можешь съесть. Ребята не сразу приобретают соответствующий навык, ведь для многих свежий хлеб — лакомство.

Вечер, ужин окончен, малышей послали спать.

В этот момент одна из старших девочек, откусив небольшой кусочек хлеба, демонстративно швыряет остаток порции на стол, за которым я сижу, и идет дальше, шаркая ногами. Я был так изумлен, что не нашелся ничего сказать, кроме: «Гадкая, наглая девчонка». В ответ презрительное пожатие плечами — слезы — обиженная, она направляется в спальню.

Я удивился, когда застал ее вскоре в постели и уже спящей.

Несколько дней спустя я понял причину этого, казалось бы, явно нелепого поступка, когда та же самая девочка заявила, что хочет ложиться спать раньше, вместе с маленькими.

Самолюбивая, она не сразу могла решиться на такое унижение — ложиться спать вместе с малышами. И вот полусознательно или подсознательно спровоцировала меня на вспышку гнева, чтобы иметь повод обидеться, расплакаться и раньше, чем положено, лечь спать...

Несколько слов о ее шаркающей походке.

Ходила она не поднимая ног, а везя их по полу. Некоторым детям это нравилось, и они стали ей подражать. Эта старческая походка у ребенка казалась мне неестественной, смешной, безобразной и, добавлю, какой-то неуважительной. Несколько позже я заметил, что такая походка не только естественна, но и свойственна детям в период интенсивного развития. Это походка усталых.

Когда я занимался частной практикой, я не раз спрашивал:

— А вы не заметили, что у вашего ребенка изменилась походка?

— Да, да, идет, надуется, точно принцесса какая. Ну просто беда, а иной раз и злость разбирает. Волочит ноги, словно столетняя старуха или Бог весть как наработалась.

78. Разве уже этот один пример не доказывает, как тесно связан духовный мир с его физиологической основой?

NB *Именно в этом истоки педагогического реализма Я.Корчака — не мрачного, но трезвого взгляда на пределы собственных и ребячьих усилий в многотрудном деле воспитания и самовоспитания, ибо педагогика, подобно политике и медицине, всего лишь искусство возможного.*

Как ошибаются те, кто считает, что, бросив больницу ради интерната, я предал медицину! После восьми лет работы в больнице я достаточно ясно понял, что все, что не настолько случайно, как проглоченный гвоздь или сбившая ребенка машина, можно познать лишь в результате многолетнего наблюдения, и притом ежедневного, в мирные периоды благополучия, а не изредка, во время болезни-катастрофы.

Берлинская больница и немецкая медицинская литература научили меня думать о том, что мы уже знаем, и постепенно и систематически идти вперед. Париж научил меня думать о том, чего мы не знаем, но желаем, должны и будем знать. Берлин — это будничные дни, полный мелких забот и усилий. Париж — это праздник завтра с его ослепительным предчувствием, могучей надеждой, неожиданным триумфом. Силу желания, боль неведения, наслаждение поисков дал мне Париж; технику упрощений, изобретательность в мелочах, гармонию деталей я вынес из Берлина.

Великий синтез ребенка — вот о чем грезил я, когда, раскрасневшись от волнения, читал в парижской библиотеке удивительные творения французских классиков-клиницистов.

79. Медицине я обязан техникой исследования и дисциплиной научного мышления.

Как врач я констатирую симптомы: я вижу на коже сыпь, слышу кашель, чувствую повышение температуры, устанавливаю при помощи обоняния запах ацетона изо рта ребенка. Одни я замечаю сразу, те, что скрыты, ищу.

Как у воспитателя у меня тоже есть свои симптомы: улыбка, смех, румянец, плач, зевок, крик, вздох. Как бывает кашель сухой, с мокротой и удушливый, так бывает и плач в три ручья, в голос и почти без слез.

Симптомы я устанавливаю беззлобно. У ребенка жар, ребенок капризничает. Я стараюсь снизить температуру, устраняя по мере возможности причину, ослабляю напряжение каприза, насколько это удастся, без ущерба для детской психики.

Когда я не знаю, почему мое вмешательство как врача не приносит желательного результата, я не сержусь, а ишу. Когда я замечаю, что мое распоряжение не достигает цели и приказ не исполняется многими или одним, я не сержусь, а исследую.

Иногда на первый взгляд мелкий, ничего не значащий симптом говорит о великом законе, а изолированное явление глубоко связано с важной проблемой. Как для врача и воспитателя для меня нет мелочей: я внимательно наблюдаю то, что кажется случайным и малоценным. Легкая травма иногда разрушает хорошо устроенные послушные, но хрупкие функции организма. Микроскоп открывает в капле воды заразу, опустошающую города.

Медицина показала мне чудеса терапии и чудеса человеческих усилий подсмотреть тайны природы. Работая врачом, я много раз видел, как человек умирает и с какой безжалостной силой, разрывая материнское чрево, пробивается в мир к жизни созревший плод, чтобы стать человеком.

Благодаря медицине я научился кропотливо связывать разпыленные факты и противоречивые симптомы в логичную картину диагноза. И обогащенный сознанием мощи законов природы и гения научной мысли человека, останавливаюсь перед неизвестным: ребенок.

80. Сердитый взгляд воспитателя, похвала, выговор, шутка, совет, поцелуй, сказка в качестве награды, словесное поощрение — вот лечебные процедуры, которые надо назначать в малых и больших дозах, чаще или реже, в зависимости от данного случая и особенностей организма.

Существуют аномалии, искривления характера, которые надо терпеливо лечить у ортофренолога. Существует врожденная или благоприобретенная душевная анемия. Существует врожденная слабая сопротивляемость моральной заразе. Все это можно распознавать и лечить. Слишком поспешный и потому ошибочный диагноз и несоответствующее или чрезмерно энергичное лечение приводят к ухудшению.

Голод и пресыщение в сфере духовной жизни так же материальны, как и в жизни физической. Ребенок, изголодавшийся по советам и указаниям, поглотит их, переварит и усвоит, а перекормленный моралью — испытает тошноту.

Ребячья злость одна из самых важных и любопытных областей.

Рассказываешь ему сказку — не слушает. Ты не понимаешь почему, но вместо того, чтобы удивиться, как естествоиспытатель, выходишь из себя, сердиться.

— Не хочешь слушать, ладно... Потом и попросишь — не скажу.

— Ну и не надо, — отвечает ребенок.

А и не скажет, так подумает: по жесту, по выражению лица видишь, что он не нуждается в твоей сказке.

Целуя и обнимая маленького сорванца, я просил его исправиться. Мальчуган расплакался и сказал с отчаянием:

— Ну разве я виноват, господин воспитатель, что вы как раз не любите озорных, а только растяп? Вон велите-ка ему стать озорным, он тоже вас не послушает.

Его слезы не означали раскаяния. Он не протестовал против моих ласк и приторных речей, считая их заслуженным суровым наказанием за свои многочисленные прегрешения. Он только думал о своем будущем безнадежно: «Этот симпатичный, но глупый воспитатель не может понять, что я не могу быть другим. Зачем он так строго наказывает меня поцелуями, я ненавижу, когда целуют, дал бы уж лучше подзатыльник или велел бы все лето ходить в рваных штанах».

81. Суммируя результаты, которые дало клиническое наблюдение в больнице, я спрашиваю: а что же нам дал интернат? Ничего.

Я спрашиваю у интерната: сколько часов сна необходимо ребенку? В учебниках гигиены приводится какая-то переписываемая из книжки в книжку неизвестно кем составленная таблица. Таблица гласит, что чем ребенок старше, тем меньше нуждается в сне, — ложь. В общем, дети требуют меньше сна, чем мы привыкли думать и, добавлю, чем мы бы хотели. Количество часов сна колеблется в зависимости от стадии развития, в какой находится ребенок: часто тринадцатилетние ложатся спать вместе с маленькими, а десятилетние в это время бодры и не слушаются книжных предписаний.

Тот же самый ребенок сегодня не может дожидаться звонка, чтобы вскочить с постели, независимо от погоды и температуры в спальне, а через год вдруг становится вялым, просыпается с усилием, потягивается, медлит и от холода в спальне приходит в отчаяние.

Аппетит у ребенка: не ест, не хочет, отдает другим, уваливает, обманывает, только бы не есть.

Проходит год: не ест, а просто пожирает — крадет из буфета булки.

А любимые и ненавистные блюда?

На вопрос, какие у него два самых сильных огорчения, мальчик отвечает: «Первое, что у меня умерла мама, а второе, что меня заставляют есть горошницу».

А бывают дети, которые съедают и по три порции горохового супа.

Но разве можно говорить об индивидуальных особенностях, не зная общих законов?

А эта детская манера горбиться, когда ребята через некоторое время выпрямляются и опять сутулятся? Бледные набирают румянца и снова бледнеют. Уравновешенные становятся вдруг капризными, упрямыми, непослушными, чтобы через некоторое время опять прийти в равновесие — «исправиться».

Сколько мышьякового распутства и ортопедического надувательства исчезло бы в медицине, знай мы весны и осени развития ребенка! Да и где детей исследовать, как не в интернатах? Задача больницы — изучать болезни, резкие изменения, яркие симптомы; вся же ювелирная отделка гигиены, микронаблюдение малейших отклонений должны вестись в интернате.

82. Мы не знаем детей, хуже того — знаем по предрассудкам. Просто стыд берет, когда на какие-то два-три произведения, действительно писавшихся у колыбели, ссылаются все до омерзения. Просто стыд берет, когда первый попавшийся добросовестный работник становится авторитетом чуть ли не во всех вопросах. Мельчайшей детали в медицине посвящена более обширная литература, чем в педагогике целым разделам науки. Врач в интернате почетный гость, а не хозяин. Не удивительно, что кто-то съездив, что реформа интерната — это реформа стен, а не душ. Здесь все еще царит не изучение, а нравочение.

Читая старые клинические работы, мы видим кропотливость исследований, которая вызывает у нас порой смех и всегда удивление: например, подсчитывалось количество сыпинок на коже при сыпных заболеваниях; врач дни и ночи не отходил от больного. Медицина теперь вправе несколько забросить клинику — возложить надежды на лабораторию.

А педагогика, перескочив через клинику-интернат, сразу взялась за лабораторные работы.

Я провел в интернате каких-нибудь три года (за это время можно успеть приглядеться) и не удивляюсь, что собрал целую сокровищницу наблюдений, планов и предположений; в этом эльдорадо еще никто не был, о его существовании не знают.

83. Мы детей не знаем.

«Ребенок дошкольного возраста», «школьный возраст» — это полицейское деление там, где существует школьная рекрутчина. Период прорезывания молочных зубов, постоянных зубов, период полового созревания. Нечего удивляться, что при современном состоянии наблюдений за ребенком мы заметили только зубы и волосы под мышками.

Мы не умеем объяснить даже те противоречия в детском организме, которые бросаются в глаза: с одной стороны, жизнеспособность клеток, с другой — уязвимость. С одной стороны, воз-

будимость, выносливость, сила; с другой — хрупкость, неуравновешенность, утомляемость. И ни врач, ни воспитатель не знают, является ли ребенок существом «неутомимым» или хронически усталым.

Сердце ребенка? Знаю. У ребенка два сердца: центральное, переутомленное, и периферийное, в эластичных сосудах. Поэтому пульс так легко исчезает, но зато и легко восстанавливается.

Но почему у одних детей под влиянием сильного возбуждения пульс замедленный, с перебоями, а у других учащенный и без перебоев? Почему одни бледнеют, а другие краснеют? Кто прослушивал сердце у ребят, перескочивших сто раз через веревочку? Не в том ли причина кажущейся живучести, неутомимости ребенка, что у него нет опыта расходования энергии до предела? Почему пульс у девочек под влиянием сильного возбуждения более частый, чем у мальчиков; и что это значит, когда у мальчика пульс реагирует «по-девчачьи», а у девочки — «по-мальчишески»?

Все это вопросы не интернатского врача, а интернатского врача-воспитателя.

84. Воспитатель говорит: «Мой метод, мой взгляд». И он вправе так говорить, даже если имеет слабую теоретическую подготовку и всего несколько лет работал.

Но пусть он докажет, что этот метод или взгляд подсказаны ему опытом работы в таких-то условиях, в такой-то области, на таком-то материале. Пусть обоснует свою позицию — приведет примеры, подкрепит аргументами.

Даю ему право даже на то, что является самым трудным и рискованным: право предрекать, предсказывать, что выйдет из данного ребенка.

Но пусть его никогда не покидает сознание, что он может ошибиться. Пусть ни один из его взглядов не станет ни непрекращаемым убеждением, ни убеждением навсегда. Пусть сегодняшний день всегда будет только переходом от суммы вчерашних наблюдений к завтрашней, еще большей.

Каждый вопрос и каждый факт должны рассматриваться независимо от общих воззрений. Факты противоречат друг другу, и только по количеству их там и здесь можно делать предположения об общих законах.

Только при соблюдении всех этих условий работа воспитателя не будет ни монотонной, ни безнадежной. Каждый день принесет что-либо новое, неожиданное, необыкновенное, обогатит еще одним данным.

Необычная или редкая жалоба, ложь, спор, просьба, проступок, проявление непослушания, жульничества или геройства станут для него тогда столь же ценны, как для коллекционера или ученого редкая монета, окаменелость, растение, положение звезд в небе.

85. И только тогда он полюбит каждого ребенка разумной любовью, заинтересуется его духовной сущностью, потребностями и судьбой. Чем ближе он станет ребенку, тем больше заметит в нем черт, достойных внимания. И в исследовании найдет и награду и стимул к дальнейшему исследованию, к дальнейшим усилиям.

Пример:

Злая, некрасивая, приставучая девчонка. Принимает участие в игре только для того, чтобы ее расстроить. Задирает, чтобы пожаловаться, когда обидят. Проявишь внимание — наглет. Слабое умственное развитие, стремлений нет, чувствительность отсутствует, никакого самолюбия, бедное воображение.

Я люблю ее как естествоиспытатель, который приглядывается к какому-нибудь жалконькому злобному существу — и поди ж ты, уродился этакий уродец, этакая падчерица природы!

Я строго предупредил:

— Чтобы ты мне не смел вставать с постели!

И вернулся к прерванным вечерним перевязкам.

Когда через минуту в спальне раздалось тревожное: «Господин воспитатель!» — я уже знал, что это значит.

Ясно, не послушался и встал, чтобы свести счеты с приятелем.

Я молча дал ему несколько шлепков по руке и, накинув ему на плечи одеяло, повел к себе в комнату.

Раньше, полгода тому назад, он упирался бы, вырывался, хватался за спинки кровати и дверные косяки. Сегодня у него уже есть опыт нескольких неудачных попыток, и он идет. Удивительно точно размерен шаг: чуть быстрее значило бы, что сдается, чуть помедленнее — было бы уже сопротивлением. Я слегка подталкиваю его ладонью, лишь настолько, чтобы знал, что он идет не добровольно. Он идет, а на его лице тень, словно душу его окутала черная туча и вот-вот прольется ливнем.

...Стоит, опершись о стенку, опустив голову, не дрогнет.

Я кончаю мелкие процедуры: мажу йодом поцарапанный палец, вазелином — потрескавшиеся губы, капля глицерина на руки, ложка микстуры от кашля...

— Можешь идти.

Я иду следом, — а ну как ударит по дороге? Нет, покосился только, замедлив шаг, может быть, дожидаясь, — пусть только тронет, пусть скажет: «Ага, в углу стоял!»

Дошел до своей кровати, лег, накрылся с головой одеялом, может быть, нарочно притих, чтобы я шел к себе.

Я хожу между рядами кроватей.

Малый был уже на пути к исправлению, а сегодня опять плохой день. Хлопнул дверью со зла, а дверь стеклянная. Стекло треснуло. А сказал, что это ветер, сквозняк, — я поверил.

Когда прыгали через веревочку, не хотел соблюдать очередь, а не дали, обиделся, не прыгал и всем мешал. Ребята наябедничали. Ужина не съел: не понравилась булка, а дежурный не захотел обменять.

Трудно объяснить ребятам, что ему следует больше прощать, чем им.

Шум засыпающей спальни стихает. Особенная минута, удивительно тогда легко и хорошо думается.

Моя научная работа.

Кривые веса, графическое изображение развития, данные изменения роста, прогноз соматической и психической эволюции. Столько надежд — какой же результат? А если никакого?

А разве мало с меня испытывать чувство радостной благодарности, что дети растут и крепнут? Разве уже одно это не достаточная награда за труд? Разве не вправе я бескорыстно чтить природу: пусть зеленеют всходы?

Вот журчащий ручей, вот нива, сад, шумящий листвою. И задавать вопросы зернам колосьев, спрашивать капли об их назначении?

К чему обкрадывать природу, пусть хранит свои тайны.

Вот спят дети. И пожалуй, у каждого есть хоть один грех: например, оборвал и не пришел пуговицу. Как все это мелко в перспективе грозного завтра; когда ошибка порой мстит за себя целой разбитой жизнью.

Такие спокойные и тихие...

Куда мне вести вас? К великим идеям, высоким подвигам? Или привить лишь необходимые навыки, без которых изгоняют из общества? Не научив сохранять свое достоинство? Имею ли я право за эти жалкие крохи еды и заботы в течение нескольких лет требовать, приказывать и желать? Может быть, для любого из вас свой путь, пусть на вид самый плохой, будет единственно верным?

Тишину сонных дыханий и моих тревожных мыслей нарушает рыдание.

Я знаю этот плач, это он плачет. Сколько детей, столько видов плача: от тихого и сосредоточенного, капризного и неискреннего до крикливого и бесстыдно обнаженного.

Неприятно, когда дети плачут, но только его рыдание — сдавленное, безнадежное, злое — пугает.

Сказать «нервный ребенок» — этого мало. Как часто, не зная существа дела, мы удовлетворяемся мудреным названием. Нервный, потому что говорит во сне, нервный, потому что чувствительный, — живой — вялый — быстро утомляющийся — не по летам развитый — прогенеге, как говорят французы.

Редко, но бывают дети, которые старше своих десяти лет. Эти дети несут напластования многих поколений, в их мозговых извилинах скопилась кровавая мука многих страдальческих столетий. При малейшем раздражении имеющийся в потенции боль, скорбь, гнев, бунт прорываются наружу, оставляя впечатление несоответствия бурной реакции незначительному раздражению.

Не ребенок плачет, то плачут столетия; причитают горе да печаль не потому, что он постоял в углу, а потому, что их угнетали, гнали, притесняли, отлучали. Я поэтизирую? Нет, просто спрашиваю, не найдя ответа.

Чувства должны быть очень напряжены, если любой пустяк может вывести из равновесия. И должны быть негативными, раз с трудом вызовешь улыбку, ясный взгляд и никогда — громкое проявление детской радости.

Я подошел к нему и произнес решительным, но ласковым шепотом:

— Не плачь, ребят перебудуешь.

Он притих. Я вернулся к себе. Он не заснул.

Это одинокое рыдание, подавляемое по приказу, было слишком мучительно и сиротливо.

Я встал на колени у его кровати и, не обращая ни к какому учебнику за словами и интонациями, заговорил монотонно, вполголоса.

— Ты знаешь, я тебя люблю. Но я не могу тебе все позволить. Это ты разбил окно, а не ветер. Ребятам мешал играть. Не съел ужина. Хотел драться в спальне. Я не сержусь. Ты уже исправился: ты шел сам, не вырывался. Ты уже стал послушнее.

Он опять громко плачет. Успокаивание вызывает иногда прямо противоположное действие, возбуждает. Но взрыв, выигрывая в силе, теряет в продолжительности. Мальчик заплакал в голос, чтобы через минуту затихнуть.

— Может, ты голодный? Дать тебе булку?

Последние спазмы в горле. Он уже только всхлипывает, тихо сетуя пострадавшей, обиженной, наболевшей душой.

— Поцеловать тебя на сон грядущий?

Отрицательное движение головы.

— Ну, спи, спи, сынок.

Я легонько дотронулся до его головы.

— Спи.

Он уснул.

Боже, как уберечь эту впечатлительную душу, чтобы ее не затопила грязь жизни?

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Благодаря теории — я знаю, а благодаря практике — я чувствую. Теория обогащает интеллект, практика расцветивает чувство, тренирует волю. «Я знаю» не значит: «действую сообразно тому, что я знаю». Чужие взгляды незнакомых людей должны преломиться в моем живом «я». Из теоретических посылок я исхожу не без разбора. Отклоняю — забываю — обхожу — увиливаю — пренебрегаю. В результате я, сознательно или бессознательно, получаю собственную теорию, которая управляет поступками. И это много, если что-нибудь, частица теории, во мне приживется, сохранит право на существование; в какой-то мере повлияла, отчасти воздействовала. Отрекаюсь по многу раз от теории, а от себя редко.

Практика — это мое прошлое, моя жизнь, сумма субъективных переживаний, память былых неудач, разочарований, поражений, побед и триумфов, отрицательных и положительных эмоций. Практика недоверчиво проверяет и обличает, стараясь уличить теорию во лжи, найти ошибку. Быть может, у него, быть может, там, быть может, в его условиях так выходило, а у меня в моей работе... всегда по-другому. Рутинная или поиск?

К рутине приводит равнодушная воля, которая всячески старается облегчить, упростить работу, выполнить ее механически, протоптать из экономии времени и энергии самую удобную для себя тропку. Рутинная позволяет эмоционально не включаться в работу, устраняет сомнения, уравнивает — ты выполняешь функции, исправно служишь. Для рутинера жизнь начинается тогда, когда кончаются часы службы. Мне уже легко, нет надобности ломать голову, искать самому и даже где-либо смотреть, я знаю точно и определенно. Я справляюсь. Я знаю свое. Новое, чего я не чаял и не ждал, мешает и сердит. Хочу, чтобы было именно так, как я уже знаю. Право теории — подкреплять мой взгляд, а не опровергать, подрывать, путать. Как-то раз я, еле преодолевая себя, из наметки теории соорудил развернутый взгляд, план, программу. Составил кое-как, была забота! Ты говоришь: «плохо»? Дело сделано, не стану я

опять начинать. Идеал рутины — незыблемость, собственный авторитет, подкрепленный авторитетом подобранных *ad hoc*¹ тезисов. Я, мол, и прочие (ряд цитат, фамилий, званий).

А поиск?

Начинаю с того, что знают другие, строю так, как могу сам. Хочу — основательно и честно — не по наказу извне, не из страха перед чужим контролем, а по своей доброй и вольной воле, под неустанным надзором совести. Не ради удобства, а ради духовного обогащения себя. Не доверяя в равной мере чужому и своему мнению. Не зная, я ищу и ставлю вопросы. В труде я закаляюсь и созреваю. Труд — самое ценное в моей глубоко личной жизни. Не то, что легко, а что наиболее всесторонне действенно. Углубляя, я усложняю. Понимаю, что познавать — значит страдать. Много познал — много перестрадал. Неудачу я оцениваю не суммой обманутых надежд, а добытой документацией. Каждая неудача — новый по-своему стимул работы мысли. Каждая на сегодня истина — лишь этап. Не могу предвидеть, каким будет последний; хорошо, если осознаю первый этап работы. Что же он гласит, каков он, этот первый этап воспитательной работы?

Самое главное, я полагаю, — трезво оценивая факты, воспитатель должен уметь:

Любого в любом случае целиком простить.

Все понимать — это все прощать.

Воспитатель, вынужденный брюзжать, ворчать, кричать, отчитывать, угрожать, карать, — должен в душе, для самого себя, снисходительно отнестись к любому проступку, упущению и вине. Ребенок провинился, потому что не знал; не подумал; не устоял перед соблазном, подговариванием; пробовал; не мог по-другому.

Даже там, где действует злостная злая воля, ответственность несут те, кто эту злую волю пробудил. Мягкий, снисходительный воспитатель должен иной раз терпеливо переждать массовый штурм гневной мести толпы за грубый деспотизм предшественника. Провокационное: «назло» — это пробный камень, проверка, экзамен. Переждать — перетерпеть — значит победить.

Не воспитатель тот, кто возмущается, кто дуется, кто обижается на ребенка за то, что он есть то, что он есть, каким он родился или каким его воспитала жизнь.

Не злость, а печаль.

Печаль, что ребенок идет, плутая, навстречу превратной судьбе. В ярме или в оковах. Бедный, он только еще отправляется в путь.

Каждый вычитанный в газете приговор — тюрьма или смертная казнь — для воспитателя мучительное *memento*².

¹ *Ad hoc* (лат.) — для этого.

² *Memento* (лат.) — помни.

Печаль, а не гнев, сочувствие, а не мстительность.

Но как же тебе не совестно в за правду сердиться? Смотри, какой он маленький, тощенький, слабенький и беспомощный. Не какой он будет, а какой он есть сегодня. На заре веселых возгласов и лазоревых улыбок. Ребенок знает, угадывает важность своей недоразвитости. Пускай забудется, пускай отдохнет! Каким сильным моральным двигателем в его грязной взрослой жизни будет воспоминание подчас лишь об одном этом человеке, кто к нему хорошо относился и в ком он не обманулся. Познал его, знал и, несмотря на это, продолжал любить. Он — воспитатель.

Надо верить, что ребенок не может быть грязным, а лишь запачканным. Преступный ребенок остается ребенком. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Он еще не смирился, он еще сам не знает «почему?» и удивляется, а иногда с ужасом замечает, что он иной, хуже, не такой, как все. «Почему?» Ребенок перестает бороться с собой, когда он смирится или — а это хуже — решит, что люди — общество — не стоят его тяжелой борьбы с собой. Когда скажет: «Я такой, как и все, а может, даже и лучше».

Какой правдивый и достойный труд укротителя диких зверей! Неистовству диких инстинктов человек противопоставляет последовательно непреклонную волю. Господствует силой духа. Воспитатель обязан, затаив дыхание, следить за новыми путями дрессировки — лаской, а не хлыстом и револьвером. А ведь это только тигр или лев!

Диву даешься, как грубиян-воспитатель умеет разъярить даже смиренных детей.

Я не требую от детей исправления, а отрабатываю их поступки. Жизнь — это арена: бывают более удачные или менее удачные моменты. Оценивается не человек, а действия.

ВОСПИТАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЯ РЕБЕНКОМ

Наивно мнение молодого воспитателя, что, надзирая, контролируя, поучая, прививая, искореняя, формируя детей, сам он, зрелый, сформированный, неизменный, не поддается воспитывающему влиянию среды, окружения и детей. Тому, кто, присматривая за вверенными ему детьми, не в силах подойти к себе критически, угрожает большая опасность, на которую я желаю обратить внимание, тем более что профессиональная гигиена души недостаточно широко известна. Воспитатель, работая над пониманием человека — ребенка и над пониманием общества — группы детей, дорастает до постижения важных и ценных истин; пренебрегая неусыпным трудом над собой, опускается. Ребенок обогащает меня опытом, влияет на мои взгляды, на мир моих чувств; от ребенка я получаю приказания — и я требую от себя, обвиняю себя, оказываю себе снисхождение или снимаю с себя

вину. Ребенок и поучает, и воспитывает. Ребенок для воспитателя — книга природы: читая ее, он созревает. Нельзя относиться с пренебрежением к ребенку. Он знает о себе больше, чем я о нем. Он общается с собой все те часы, когда он бодрствует. Я его лишь отгадываю. Поэтому я ошибаюсь: оцениваю его рыночную стоимость и дефекты. Ленивый, недисциплинированный, капризный, врет, ворует — этого мало. Каков его взгляд на себя, отношение к другим детям и к воспитателю; какой он приобрел опыт, на какие способен усилия и компромиссы? Сколько даст на-гора упорства? Нельзя относиться к детям свысока. Среди десятков детей всегда найдутся на редкость разумные, наблюдательные, способные к критике, настороженные, с односторонним опытом, ироничные, склонные к каверзам и мстительные. Группа, обсуждая, дискутируя, делясь и обмениваясь наблюдениями, будет знать воспитателя насквозь. И захочет сделать безвольным инструментом в своих руках. Использует все его недостатки и его нерешительность, слабости и изъяны. Не даст себя ни завлечь, ни обмануть. Подвергнет его суровому следствию, экзамену добросовестному и оценит справедливо. И либо доверится, либо отложит решение, либо замкнется, законспирируется, затаится, либо объявит открытую войну. Горе ему! Он увидит уже только «упрямство», «дурное влияние» отдельных детей, покушения на свой «авторитет», поступки назло, в отместку. Не услышит никаких замечаний о своих распоряжениях и о себе, никакого «вы ошибаетесь — вы не правы». А это голос совести для доброй воли воспитателя. Бывает, что ты сразу попадаешь в атмосферу враждебного недоверия, если твой предшественник — тиран или размазня — ожесточил, разъярил детей. Здесь повредит и сухой приказ, и наивное нравоучение. Надо вооружиться терпением и переждать. Завоевать действиями.

Дети и вознаграждают воспитателя, но они и отчитывают, и наказывают; мирятся, забывают или сознательно прощают — и мстят. Станут травить, высмеют, нарушат покой, взбунтуют вспыльчивого или подставят глупенького (потому так часто страдает невинный). Упорно добиваются: будь образцом. Согласно с главным постулатом педагогики: покажи пример. Не слова, а дела. Перед воспитателем встает дилемма: и он или вступает в желаемую, трудную борьбу, которой и конца не видно, со своим несовершенством, или — это удобнее — предает теорию анафеме. Итак: книги врут, авторитеты — мошенники. Жизнь — не письменный стол ученого. Диплом дал мне права. Я уже теперь сам, своими силами. Потому что — может быть, это и хорошо, но не у нас. Может быть, в других условиях. Может быть, другие дети. Мои же — это банда, шайка, сброд (скоты!). Нужно с ними круто. Следовательно — запреты и ограничения. Полная изоляция собственной жизни от их жизни и переживаний. Только б был порядок. Порядок должен быть — железный регламент! Уже не воспитатель, не поборник вопроса о ребенке, защитник юных,

маленьких и слабых, пастырь неопытных, а надсмотрщик, пристрастный прокурор, ключник, палач. Уже не воспитатель, а интендант — управляющий зданием, канализацией, инвентарем, канцелярией, учетчик штанов и башмаков. Я не недооцениваю администрации, это было бы непростительной ошибкой. Управлять педантично, четко, чтобы не промотать. *Res sacra*¹. И дети должны понимать и чувствовать, что ты это для них в поте лица своего добываешь и экономишь. Ты только тогда вправе наказывать как администратор, когда как воспитатель потворствуешь. Если воспитатель потеряет контакт с детьми, признавая только фаворитов, заушников и доверенных слуг, потому что ему так удобнее, разве он возьмет на себя труд заведовать добросовестно — стоит ли?! Разве он не заключит скорее союз с теми, кто захочет наживаться на бесправных, бессловесных, брошенных на произвол судьбы? Разве не станет он со временем — только сохраняя видимость добросовестного служащего — нечестным хозяином и человеком падшим? Только б полегче, подешевле, с наибольшей для себя выгодой. Амбарная книжка и плетка. И фраза: я закаливаю детей и приучаю к дисциплине. Воспитаваю будущих членов общества.

Путь к самовоспитанию и самоопределению ты найдешь сам и в себе, молодой воспитатель. Путем длинного ряда осенений ты поднимешься на высшую ступень понимания языка шепота, улыбки, взгляда, жеста — слез раскаяния или слез бессилия преступного ребенка.

ВОРИШКА

Деление интернатов на опекунские и исправительные, удобное с административной точки зрения, может ввести в заблуждение не критически мыслящего воспитателя. Оно как бы исключает или отодвигает на задний план задачу исправления в учреждениях первого типа; а в учреждениях второго типа категорическим приказом исправления заглушает проблему опеки. Были «дисциплинарные» интернаты, а теперь лучше — будут «воспитательные».

Воспитывать — растить — хранить под крылышком доброжелательности и опыта, в тепле и в покое, заслонять от опасности, укрыть, переждать, пока не подрастут, возмужают, наберутся сил для самостоятельного взлета?.. Крылья — взлет. Опасные метафоры. Легкая задача для ястреба или курицы, когда те согревают птенцов своим теплом; мне, человеку и воспитателю чужих, разных детей, досталась в удел более сложная задача, не другая — родственная. Я желаю взлетов для моей ребятни, грежу о горных тропах; тоска по их совершенству — грустная молитва моих са-

¹ *Res sacra* (лат.) — святое дело.

мых сокровенных минут, но, отправляясь от действительности, я понимаю, что они станут плестись, копошиться, хлопотать, выискивать, болтаться без дела или обирать — искать пропитание и крохи радостей. Среди этих несмышленишей-птенцов — и будущие ястребы, и куры, а я к ним одинаково расположен. Растет маленький хищник — не моя вина, не я советовал. Неважно, попал он в исправительное или в опекуновское заведение.

Я предчувствую справедливый протест. Нужно самому пройти трудный путь наблюдений и одинокого размышления, кропотливо взглянуть во многие области знаний, честно осознать несовершенство человеческой природы и писаных законов, добросовестно оценить слабые силы и средства, которыми располагает воспитатель, чтобы посмотреть без неприязни или страха на это последнее звено в цепи опыта. Не моя вина — не мой совет — не мои силы. Я должен его только растить, беречь, заслонять, ограждать от несправедливости, укрыть, пока не подрастет. Когда вырастут, пусть суды, полиция, аресты и тюрьмы делают что хотят. Трудно. Я отвечаю за сегодняшний день моего воспитанника, мне не дано право влиять — вторгаться в его будущую судьбу.

А этот сегодняшний день должен быть ясным, полным радостных усилий, ребячий, без забот, без обязанностей свыше лет и сил. Я обязан обеспечить ему возможность израсходовать энергию, я обязан — независимо от громохана обиженного писаного закона и его грозных параграфов — дать ребенку все солнце, весь воздух, всю доброжелательность, какая ему положена независимо от заслуг или вин, достоинств или пороков. Вырывать, истреблять или выхаживать? Сорняки или свободно растут, или их без лицемерия скашивают и сажают полезный картофель. Как воспитателя меня касаются законы природы, Бога, а не чиновника, человека. Как прекрасна, бескорыстна и искренна больница. Врачует раны героя и арестанта — доктору нет дела, идет исцеленный трудиться праведно, обижать людей или на виселицу. Величайшее усилие помочь в борьбе за восстановление нарушенной функции органа. Если я не умею, я не имею претензий к хронически больному пациенту, который покидает больницу, чтобы быть в тяжести семье и обществу. Это не мое дело.

Как же лжив и нечестен интернат, который за ложку еды, крышу над головой, плохонькую одежду и пустяковую опеку — вопреки здравому смыслу напишет на своем знамени: «Исправляю!» В любом случае морально страждущего — вылечиваю. На языке газет: «Обществу — полезного честного работника». Нет! Я не буду тягаться с гробами неизвестной наследственности, ее инстинктами и аппетитами, не берусь вылечить от шрамов и травм самого раннего детства. Я не знахарь и не заклинатель, я только врач-гигиенист. Создаю условия для выздоровления. Много света и тепла, свободы и веселья. Верю, что ребенок сам по себе захочет стремиться к исправлению. Будет бороться с собой, будет

испытывать разочарования и поражения. Пусть возобновляет попытки. Ищет свои способы. Познает радость отдельных малых побед. Я его поддерживаю — здоровой атмосферой моего интерната.

Где исправление приходится вымогать, добиваться, насилуя, там нет места для воспитателя. Это умеет тюремный надзиратель. Лучше, быстрее, прямолинейно и основательно. Исправятся — будут слушаться, не посмеют — пропадет у них охота. Смирно, к добродетели — вперед, марш! Идут — бегут. Под угрозой суровых наказаний — мигом исправились. Все и сразу. Как воспитатель я вижу среди своих правонарушителей столько честных, случайно сюда направленных. Да будет много подобных им на свободе! Я вижу, конечно, и воров — сколько же людей хуже их утопает в достатке и пользуется уважением! Я вижу соблазненных дурным примером, с легким насморком проступка — и с абсолютной предрасположенностью, неизлечимых.

Я уважаю их усилия, сочувствую им, хотя, клянусь правдой и Богом, стоит ли современная жизнь их иногда отчаянных борений с собой, их крестного пути к исправлению, их безнадежных, но упорно возобновляемых попыток?

Видя во мне образец совершенства, стремясь походить на меня, воспитателя, завоевать слово похвалы, поощрения, желая вознаградить меня за мои труды и оказанные им услуги — они наивно и с благодарностью настраиваются в мой тон справедливости, честности, долга. Бедолаги вы мои милые! Хочется, пожалуй, предостеречь: слишком не напрягайтесь. Если даже не говоришь этого, они чувствуют сами.

*

Образцовые исправительные учреждения дают немного больше половины излечений. А остальные? Что ж, идут в жизнь вооруженные воспоминаниями ясного детства, с ладанкой — изображением людей, которые им сочувствовали, не проклинали, не осуждали — благословили на крутой, извилистый, бурный и трудный жизненный путь. Полиции станет легче. Не отупели от наказаний, от них они уже давно успели оправиться, не окаменели в ненависти к человеку, не вынашивают мысли о мести.

Воришка, с которым легко договориться.

К МОЛИТВАМ

*«Есть разные истины: твоя, моя, его.
Наши истины неодинаковы вчера и сегодня.
А завтра и твоя, и моя истины будут другими».*
Я. Корчак

*Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже!
Я не умею молиться, прости мне и помоги...*

Крутится пленка на старой «Яузе». Как и положено по тем временам, на московской кухне вместе с А.Левиним мы слушали запрещенного А.Галича: поэму о Я.Корчаке «Кадиш».

*Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках,
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Катей на руках.*

Профессор оживает: «Я тоже помню эту парализованную девочку, и мне приходилось ее носить...»

*Знаменосец, козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.*

Мы продолжаем старый варшавский спор о мифе, который не должен заслонять человека.

«Едва ли, — говорит профессор, — обессиленный в гетто Корчак был в состоянии построить Дом сирот в колонну и развернуть знаменитое зеленое знамя — символ детства».

Но миф в его высоком значении, обнажающий метафизическую суть трагедии, так просто не отбросить. Послушайте, как точен А.Галич:

*Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет,
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу-вагону
К пахнущему хлоркою вагону,
С песнею подходит «Дом сирот».*

Для этического подвига такого масштаба нужны надежные основания. Не только для того, чтобы достойно испить чашу до дна, в не меньшей мере чтобы жить. Видимо, из тех же источников внятная педагогическая позиция стоического оптимизма Я.Корчака, сохраняемая на протяжении всей жизни, при любых ее драматических поворотах. Печаль и труд — так определил он суть своих воспитательных

усилий. Но это лишь видимая сторона жизни. Куда сложнее экзистенциальное постижение его личности.

В этом смысле «Наедине с Господом Богом (Молитвы тех, кто не молится)» приоткрывает в Корчаке многое. Странная по жанру эта книга.

Детство и старость, бессилие и бунт, жалобы и раздумья, радость и творчество — регистрация состояний человеческого духа? Корчак, как никто другой, обладал чувством эмпатии: умением вжиться, вчувствоваться в другого человека, мог «слышать шепот умерших и живых».

Он сам — целый мир: художник, ученый, простолоудин, но главное — ребенок.

Окликнет это давним прозвищем,
И ляжет свет покровом пряничным,
Когда я снова стану маленьким,
А мир — опять большим и праздничным.

(А.Галич)

Исповедь? Но кто-то из великих сомневался в полной искренности опубликованных откровений. Между тем сознание художника — а Корчак безусловно относится к этому странному племени — всегда раздваивается. Даже в трагические минуты жизни, переживая смерть близкого человека, он неизменно фиксирует свое состояние. Здесь нет отсутствия глубины чувств и, что того хуже, лицемерия, ибо состояние — строительный материал любого творчества, как художественного, так и педагогического. «Слезы мои на продажу», — восклицает Я.Корчак в молитве художника и будто предвосхищает название фильма своего соотечественника Анджея Вайды «Все на продажу». Там есть такой эпизод: главный герой, кинорежиссер, попав в автомобильную аварию, придя в себя от шока, первым делом хватается за камеру, дабы снять свое окровавленное лицо.

Что поделать, спонтанность и сила переживания художника мгновенно включают цепную реакцию, в основе которой миссия, предназначение, талант. Талант же, как известно, — тоже дар Божий. Однако, как ни пытайся объяснять для себя жанровое своеобразие книги, нам не уйти от главного. Молитвы есть молитвы! Не больше и не меньше. Это самый деликатный вопрос, ключ к которому в подзаголовке — молитвы тех, кто не молится. Сегодня в России, в эпоху переживаемого религиозного ренессанса, уже нет нужды скрывать религиозные мотивы любого творчества: художественного или педагогического. Похоже, что очень скоро, перестав иллюминировать эту сферу, мы наконец начнем постигать в полном объеме и своего соотечественника К.Д.Ушинского. Другое дело, что, касаясь вопросов сокровенных, и педагогу и читателю необходимо быть чутким и осторожным, особенно сейчас и особенно у нас, когда в краткие сроки приходится восполнять пробелы, проходить философский, исторический, религиозный ликбез. Но без этой сознательной культурно-философской перестройки, настоящей демократизации личности ни педагога, ни ребенка не произойдет.

Последнее, на мой взгляд, проходит наиболее тяжело. С большей или меньшей легкостью отказываясь по необходимости от привычных постулатов, мы тут же немедленно попадаем подобаяние новых или

основательно забытых старых. Пример тому — взрыв интереса к русской философской школе.

Само по себе стремление познакомиться с работами В.Соловьева, Н.Бердяева, С.Булгакова и других блистательных, оригинальных философов вызывает только уважение. Слишком многие из предчувствия и мысли оказались провидческими. Мучительные размышления Н.Бердяева о смысле истории, С.Булгакова о проблеме «одержимости», утраты духовного центра читаются так, как будто написаны вчера.

Судите сами: «Вопрос этот, который за четверть века до революции с таким изумительным ясновидением поставил Достоевский, можно на языке наших исторических былей перевести так: «представляет ли собою Азеф-Верховенский и вообще азефовщина лишь случайное явление в истории революции, болезненный нарост, которого могло и не быть, или же в этом обнаруживается коренная духовная ее болезнь?»

Или в другом месте: «Шатов поистине оказывается идеологическим предшественником того болезненного течения в русской жизни, в которой национализм становится выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики. Этот уклон был и у Достоевского, который объективировал в образе Шатова соблазн беса национализма, прикрывающегося религиозным облачением. Этот соблазн подстерегает всякого, чье сердце бьется любовью к Родине, ибо национальное чувство неизбежно раздирается этой антиномией — исключительности и универсализма, — и, по совести говоря, кто из тех, в ком оно живо, не знает в тайниках души Шатова?» (Булгаков С. Тихие думы. — М., 1918. — С. 23).

Основания, на которых строили русские философы свои суждения, — величие духа, искренность образа мыслей и образа жизни, — не могут не притягивать сегодня этически ориентированную личность думающего педагога. Смущает другое: известная легкость в восприятии вещей, пребывающих глубокой, сокровенной духовной работы. Мы как бы подтверждаем известное высказывание П.Я.Чаадаева, что каждая новая мысль бесследно вытесняет у нас предыдущую. Нормально — это когда на письменном столе учителя одновременно лежат цитируемая книга С.Булгакова и «Почему я не христианин» Б.Рассела (М., 1987), также мучившего болезненными для культуры XX века вопросами.

Трагическая антиномия исключительности и универсализма обостряется у Корчака культурно-психологической проблемой двойного, если не тройного тождества: европеец — космополит, поляк, еврей.

Может быть, с этим связана его внеконфессиональность, экуменический взгляд и некоторые «еретические» суждения, рассыпанные по многим его книгам.

«Догмой могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех, могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог — Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь» (Корчак Я. Как любить ребенка. — С. 68). Последнее как для педагога важное всего. «Я полагаю, — продолжает Я.Корчак, — корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получить готовыми. Не видит этого мож-

но, если подходить к ребенку с «Я из тебя сделаю человека», а не с пытливым: «Каким ты можешь быть, человек?» (Там же. — С. 69).

С позиции ортодокса, которых немало среди неофитов последних лет, такой подход едва ли допустим.

Между тем известный психолог-гуманист В. Франкл, переживший ужас гитлеровских концлагерей, как бы продолжая мысль Я. Корчака, писал: «В век, когда десять заповедей, по-видимому, уже потеряли для многих свою силу, человек должен быть подготовлен к тому, чтобы воспринимать 10000 заповедей, заключенных в 10000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь. Тогда не только сама эта жизнь будет казаться ему осмысленной (а осмысленной — значит наполненной делами), но и сам он приобретает иммунитет против конформизма и тоталитаризма — этих двух следствий экзистенциального вакуума. Ведь только бодрствующая совесть дает человеку способность сопротивляться, не поддаваться конформизму и не склоняться перед тоталитаризмом» (Франкл. В. Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 39).

Нет, Я. Корчак в поисках свободы, пользуясь его же собственным выражением, не «потерял в давке Бога», но ему в одинаковой степени были чужды и мещанское слишком высокое понятие о человеческой мощи, и властные речения прислужников, посредников, толкователей: «Приди ко мне, ибо только мой Бог настоящий» (Молитвы... — С. 32).

Искусителей во все времена было предостаточно, сегодня у нас им несть числа. Будь бдителен, педагог! Мудрый отец А. Мень как-то заметил: «Звездоносцы — все одинаковы, будь то коммунисты, сионисты или истинно православные». Смирение, стремление укрепить прежде всего себя не по их части. Поиск врага и охота на ведьм — более привычные занятия в нашем истерзанном отечестве. Комиссары в клубках отнюдь не лучше их коллег в пыльных шлемах. Шерсть выпала, а повадки остались... Вчерашние комсомольские секретари, которым внезапно (но очень своевременно) открылась истина, вновь претендуют на чрезвычайно выгодные роли посредников, толкователей, наставников. Их стараниями в некоторых школах вместо привычного «На зарядку становись!» мы рискуем услышать: «На молитву становись!» При всей внешней благообразности и велеречивости они всегда выдают себя одним существенным признаком — пеной у рта. Определение это принадлежит нашему соотечественнику, выдающемуся мыслителю, к сожалению, недостаточно известному педагогам, Г. С. Померанцу: «Дьявол начинается с ангела, который с пеной у рта вступает в борьбу за правое дело». Я. Корчак — человека тонкого, деликатного, в подлинном смысле слова наследника общемировой культурной традиции, разумеется, не могли устроить узость и ригоризм в любом их проявлении. Непостижимым образом он сочетал в себе живую веру и нормальность: «Отринув толпу Твоих прислужников, ...заслоняли, не допускали, — к Тебе я стремился, мой Боже» (Там же. — С. 31). Вот почему эсхатологические предчувствия, которыми наполнены его книги, никогда не убивали в Корчаке веселья и бодрости духа. Личность педагога такого масштаба не пригнешь к земле, но и не оторвешь от нее. Пересечение же земли и неба, как известно, открывает линию горизонта в любой деятельности, включая и наше педагогическое поприще. В этом, если угодно, главный урок книги «Наедине с Господом Богом».

*И все же символом веры, оправданием смысла бытия для Я.Корчака
всегда был и остался ребенок:*

*Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Все я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу: спаси от ненависти,
Мне не причитается она.*

(А.Галич)

НАЕДИНЕ С ГОСПОДОМ БОГОМ

МОЛИТВА МАТЕРИ

Склонилась я над тобой, дитячко родное, отчего ж ты, крошечка, так мне дорога? Знаю, похожа ты на тысячи других, но верю, верю твердо, что ты — единственная, и даже не видя — узнаю тебя по голосу, и не слыша — узнаю по губам, сосущим грудь мою.

Понимаю тебя без слов. Ни звука не издашь, только взглянешь просительно — и я тотчас очнусь, даже если и сплю глубоко.

Дитя мое, ты — подлинный смысл моей жизни, трепетное воспоминание, нежная печаль, надежда и опора.

Будь счастливо, дитячко. Господи, прости, что не к Тебе взываю. Если и молюсь, то из страха, что Ты, ревнивый, можешь мое дитя обидеть. Даже Тебе, Господи, боюсь его доверить — Ты ведь, бывает, отнимаешь у матери дитя и у дитяти — мать. Скажи, зачем Ты это делаешь? Не упрек это, Господи, лишь вопрос.

Прости мне, Господи, что люблю мое дитя больше, чем Тебя. Ведь это я произвела его на свет. Но и Ты, Господи, его сотворил. Мы оба за него в ответе. Оба виноваты, что, едва народившись, дитя уже страдает. И оба заботиться о нем должны.

Страдает — плачет.

Господи, люблю я малютку мою без памяти. А может, я Тебя в ней люблю? Ибо Ты существуешь, существуешь в этой крошке — Господи, Велика Тайна Твоя.

Не верю я, что грешна: когда б грех был, то и любовь моя была бы грешной. Но разве любовь матери к ребенку может быть грешной?

Не трогают меня страдания — знаю, их много на свете. Не трогают слезы — знаю, много их, много. Не трогают — не стану пригворяться. Лишь твои, дитячко, слезы и улыбка — забота моя сердечная.

Ты — мои сладостные оковы из жасмина и звезд, ты — цветок прощения, мой радостный сон об искуплении, моя солнечная вера, кроткая надежда, розовое облако, трель жаворонка.

Господи, дай моей малютке счастья, чтоб не пожалела, что мы с Тобой жизнь ей дали. Правда, я не знаю, что такое счастье, но Ты — знаешь, должен знать. Так дай же!

Склонилась я над тобой, дитятко родное, горячо молю о счастье твоём. Видишь ли ты это, понимаешь ли, поймешь ли когда-нибудь? Ответь! Ответь легким дрожанием век, движением маленькой ручонки, дай знак, которого никто не поймет, кроме нас двоих: Бога и меня — твоей матери. Скажи, что не будешь в обиде на жизнь и на меня, скажи, дитя мое, скажи, молитва моя сердечная!

МОЛИТВА МАЛЬЧИКА

Знаю, просить некрасиво. Но ведь я прошу не Тебя, добрый мой Боже. Ты мне ничего не давай — это дядюшка мой обещал подарить мне часы, если буду хорошо учиться. Ты мне только помоги: напомни дядюшке об обещании. А я постараюсь вести себя хорошо. Дядюшке-то все равно, когда дарить: сейчас или потом. Я уже ребятам сказал, что у меня часы будут, но они не верят. Начнут надо мной смеяться, подумают, что наврал или просто хорохорюсь.

Помоги мне, Боже. Тебе ведь не трудно, Ты все можешь. Боже, дорогой мой, золотой, помоги.

Прости мне мои грехи. У меня их много. Съел украдкой повидло из банки, смеялся над горбуном, наврал, будто мама разрешает мне ложиться спать, когда захочу; я уже два раза курил и ругался. Но Ты — добрый. Ты простишь меня, ведь я раскаиваюсь и хочу исправиться.

Хочу быть хорошим, но не получается. То вдруг кто-то разозлит, то подговорит подраться — а мне неохота, чтобы другие думали, будто я боюсь. То мне просто скучно, то очень чего-то захочется, чего как раз и нельзя. Сдержаться не могу, а потом жалую, что так поступил. Ну, не такой уж я плохой.

Добрый мой Боже, не думай, что я хвалюсь. Ты сам знаешь, что есть и похуже меня. Ты ведь все знаешь. Я изредка совру; а другие — что ни слово, то ложь. Да еще воруют. Два раза у меня пропал завтрак, потом украли хрестоматию, из пенала стянули карандаш. Это они научили меня браниться. Да Ты и сам все это знаешь. Не люблю я жаловаться. Ты сам знаешь, что не такой уж я плохой, хотя часто и поступаю плохо.

Добрый мой Боже, помоги мне не грешить, дай здоровье и долгую жизнь маме и папе, и дядюшке о часах напомни: раз обещал — держи слово.

МОЛИТВА ЛЕГКОМЫСЛЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Боже любимый, давно я с Тобой не говорила. Может, потому редко и молось, что не люблю на коленях стоять. Так и быть, сигарету отложу, но останусь сидеть на диване и буду смотреть на цветы. Ты не разгневаешься, потому что Ты добрый и любимиый. Ни разу меня не обидел. А я так часто бывала злой, непокорной. И столько грешила!

Ну вот. Только решила помолиться, как тут же грешная мысль в голову пришла. Так и хочется сказать Тебе:

— Сядь рядышком, Старичок, да поближе. Не бойся, я Тебе ничего не сделаю, разве что сам меня попросишь.

Такой грех, такая грязная мысль.

Странная я: никогда никому плохого не сделала — разве что случайно. И сразу прощения прошу. А если не могу извиниться, то в слезы, хоть и знаю, что глаза потом будут красные. Ну и пусть, пусть покраснеют, пусть буду уродиной, раз я такая плохая... мерзкая...

Красивая я, правда? Нет в том беды, что говорю с Тобой откровенно? Ты же сам меня создал, а воля Твоя священна. Иногда я даже жалею, что я не дурнушка. Но если честно, то не совсем так. Будь я чуть-чуть некрасивее, наверняка была бы умнее, смиреннее, лучше. Лучше? Нет, это вряд ли. Ну разве не хорошая я, скажи? Жаль, что Ты невидим. Я бы к тебе прижалась, в глаза посмотрела, а Ты бы в ответ улыбнулся и сказал: «Глупышка». Так и сказал бы, правда?

Молчишь... А мне так хочется знать, почему Ты создаешь некрасивых. Будь я на Твоем месте, я бы всех сделала красивыми: и женщин, и мужчин — да, даже их! Но о мужчинах с Тобой говорить не стану — сам знаешь, почему. Видишь, я не завистлива. Ведь если бы все женщины были красивы, мужчины любили бы умных. А я — не умна, знаю. Обидно, но это так.

Читаю только романы, да и те невнимательно. А стихов вообще не люблю. Не из книг ума набираются. Умным надо родиться.

Боже, добрый, любимый, дорогой! Иногда так хочется что-то для Тебя сделать. Милостыню я подаю, но это не то. Помнишь, однажды я навестила больную тифом, хотела доказать, что верую в Тебя. О, как ужасно я боялась. Нет, не смерти — просто после тифа волосы выпадают и в горячке можно лишнего наговорить.

Представляю, как Тебе люди надоели: каждый о чем-то просит, каждому что-то нужно. И как только Ты со всем справляешься! Иногда мне кажется, Ты их и не слушаешь. Нет, пожалуй, это невозможно. А впрочем, откуда мне знать? Небось, и священники не очень-то знают. А я решила никогда ни о чем не просить. Как-то некрасиво: вроде высокие чувства, и вдруг — на тебе — просьбы, делишки. Вот я, вроде ни о чем Тебя не прошу, но втайне надеюсь, что Ты исполнишь мое желание — как раз потому, что я не прошу, как другие.

Скажи, ведь Ты огорчился бы, будь я некрасива? Правда, я Тебе нравлюсь? Наверняка нравлюсь, но иначе, чем людям. Наверно, Тебе самому приятно, когда удастся создать что-то красивое. Что это я говорю, дуреха. Разве может Богу что-то не удалиться? Всё и все таковы, какими Ты их видеть хочешь.

Столько разных цветов Ты придумал. А среди них и цветы греха. Красная, благовонная красная роза — это цветок греха. Может, это не Ты розы создал, а сатана? Нет, быть такого не может. Неужто не станет у Тебя сил сделать так, чтоб увяли цветы греха? Бедный Ты мой, дедуля.

Иногда так хочется помочь Тебе, облегчить Тебе жизнь, немного развеселить. В самом деле, сколько можно печься о бедах, о добродетели, о сиротах. Вот я — терпеть не могу зубы лечить, но все-таки пошла к врачу — в здоровый зуб пломбу поставить. Помучиться захотелось, пострадать. А врач, осел такой, на смех меня поднял. За ним и я начала смеяться, хотя поначалу ужасно разозлилась. Наверное, врач потом об этом всем рассказывал. Трепачи все мужчины. Терпеть их не могу.

Знаю: Ты велишь прощать. Я и прощаю, но это еще хуже. Лгуны, неблагодарные — во сто, в тысячу раз хуже нас, женщин.

Ой, звонят... Это он... Извини... Не сердись... Ведь на все Твоя Господня воля... До встречи. И спасибо Тебе — хорошо поговорили.

МОЛИТВА ПЕЧАЛИ

Такая печаль, Господи Боже, такая печаль.

Невыразимая серая печаль, Господи Боже, печаль серая, невыразимая.

Нет красок, нет звуков, Господи, нет звуков, нет красок.

Печаль, Господи, печаль.

Вынул я сердце из груди, Господи Боже, бьется сердце тихо-тихо.

Господи, тихо-тихо сердце бьется, Господи, из груди я сердце вынул.

Печальное сердце, омытое слезами, сердце печальное, слезами омытое.

Птица черная, белокрылая, Господи, белокрылая черная птица.

Густой туман, белокрылая черная птица, Господи, белокрылая черная птица, Господи.

Печаль, Господи, печаль.

Было солнце, было — и нет его, Господи, нет его, нет, было солнце, было солнце, Господи.

Тихо, тоскливо, тоскливо, тихо.

Тихо, тоскливо, на черной волне гроб колыхнется. Черную росу из черных цветов пьют черные мотыльки. Никогда уже че-

ловек не запоет, ребенок не улыбнется, треснул последний колокол, все часы на свете остановились, последняя башня рухнула, вчера последняя звезда погасла — некому ей светить.

Пусто, Господи, пусто, нет ничего.

Гляжу, гляжу, все глаза проглядел, Господи, нет ничего, ничего не вижу, слушаю и ничего не слышу — ни шепота, ни вдоха.

Господи, Серый Властелин тихого мира, вокруг белые птицы с черными крыльями, черные мотыльки пьют черную росу из черных чашечек цветов.

Так грустно, Господи, так грустно.

Ни красок, ни звуков, Господи Боже, ни звуков, ни красок — ни слез.

МОЛИТВА БЕССИЛИЯ

Сиятельный Господи Боже... Забавно.

Наивно, забавно, наивно, беспомощно, забавно, забавно.

Сиятельный Господи Боже... Да, забавно.

Простодушие в этих словах, но не бессилие, нет.

Нет, не бессилие.

Как Тебя назвать, Сиятельный, как?

Ну как Тебя назвать?

Обращаюсь наивно, беспомощно, по-детски. Я и есть ребенок, я и Ты. Ребенок, который еще не ходит и не говорит.

Обращаюсь к Тебе: Ты. Ну как еще к Тебе обратиться?

Просто — Господи? Бога назвал я Господом. Напишу это слово с большой буквы или придумаю особую большую букву Б только для Бога, для Него.

Говорю Тебе: Ты, Боже. А мальчишкой не молился, потому что слышал: человек от обезьяны происходит. Не молился, потому что уже курил, и слышал, что человек от обезьяны происходит. Просто, по-детски.

Боже, нет у меня даже слова для моего бессилия, нет у меня слова для бессилия моего. Бессилие мое так огромно, что равно Твоему величию, Сиятельный Боже. Беспомощность, бессилие, ничтожность. Даже не червь я и не муравей. Даже не ничто. Не ничто! Ничто — огромно, а я даже не что-то бесконечно малое, ибо огромна бесконечность. Я же — просто нечто.

Боже, Боже, Боже — и больше ничего. Ни раскаяния, ни смирения. Только Ты, Сиятельный Господи Боже. Нечто согбенное, смиренное, раскаявшееся, преклоненное пред Твоим величием. Забавно. Забавно.

Не назову я Тебя Могущественным, Великим, Бессмертным — могут обидеться люди могущественные, великие и бессмертные. Не забывай, Господи, что люди тоже бывают вели-

кие и бессмертные. Погляди на Землю, Ты же должен ее знать! Впрочем, как Ты можешь не знать нашу Землю, ту, что вращается вокруг Солнца?

Мудра молитва на непонятном языке.

Оле тель сольт мин каюсо вит дарту, вақ рубо, вак ристе. Кин браоле.

Оле тель сольт, оле дарту мин вак. Аль вит дарту, аль ма васте, оле вит кин.

Из всех наречий я бы выбрал самые странные слова, рассыпал их, размельчил, размешал и — сложил бы непонятную молитву для людей и для себя.

Оле тель сольт, оле вит, э дарту мин вак.

Это ничего не значит, но я не умею молиться по-другому. Не умею иначе, Сиятельный Господи Боже.

Не умею по-другому и не прошу прощения. Не умею и не прошу прощения. Не умею и не раскаиваюсь. Не умею, и Ты не погневашься. Не умею — и не покараешь.

Прощают, гневаятся и карают люди. А Ты не человек, Сиятельный Боже, хотя это люди Тебя Богом нарекли и каждый выдумывает для Тебя свои наивные забавы и свои благовоения.

Оле дарту, вит тель дарту, оле сольт вак сирте бра оль.

Почему же я уже и не ребенок даже?

Уже, же, даже.

Не умею по-другому, Сиятельный Боже, не умею.

Аба, адда, аббб...

МОЛИТВА РЕБЕНКА

Боженька, Зося написала в штанишки. Плохая девочка Зося — сделала в штанишки. Мамочка сердится на Зося. Плохая, плохая девочка. Мамочка Зося шлеп-шлеп. Плохая мамочка. Не бей, не бей Зося, мамочка, не бей. Ручка — бо-бо.

Зося боится, боится Зося. Боженька, ручка — бо-бо.

Зося боится. Плохая мамочка, плохая девчонка.

Зося любит мамочку и папочку.

Написала? Это животик написал. Мамочка, я больше не буду.

Ну что ты натворила, что?

Ножки — мокрые, погляди. Ну погляди — что это? Фу, какая бяка! Трусички мокрые, чулочки мокрые, туфельки мокрые. Мамочка сердится на Зося.

Плохая мамочка, и куколка плохая, и песик плохой, красивый, но плохой. Эй, песик, послушай, вот горшочек — сейчас же пописай.

Зося — послушная девочка. Не бей Зося, мамочка.

Боженька, где животик? Зося боится... животик... доктор... Зося боится...

Не бойся, Зося, мамочка уже не сердится, мамочка не отшлепает, мамочка что-нибудь Зосе купит, потому что Зося — девочка послушная, самая послушная на свете.

Зося Боженьку любит.

МОЛИТВА ЖАЛОБЫ

Покинул Ты меня, Господи, в чем я провинился? Один я остался — и не знаю дороги.

Сбился с пути в сумерках, сбился с пути в мрачной чаше жизни.

Покинул Ты меня, Господи, чем досадил я Тебе?

Блуждаю во тьме, одинокий и безутешный.

Свет мерцает: может, хата, а может, коварный огонек на болоте?

Вижу родник: не мираж ли это?

Губы мои запеклись, хоть и темно вокруг — то ли тьма печет, как солнце, то ли леденит. А может, то пламя в душе моей противится тьме? Не знаю.

В чем я провинился пред Тобой, Господи, что нет тебя рядом сейчас, когда ноги мои ободраны терновником, а руки и сердце истекают кровью?

Я зову: «Люди». Не слышу ответа. Зову: «Мама». Молчание. Из последних сил призываю: «Господи». И что же? Нет ответа — один я.

Ниспослали мне ангела печали. Не радости у Тебя прошу, не о зеленых вершинах, не о голубых снах, не о крылатых снопах лучей молю. Пусть хоть печаль пребудет со мною — только б не остаться одному. Неужто один-одинешенек и дальше буду блуждать, продираясь сквозь терновник, истекая кровью во мраке?

Себе жалуюсь, своей собственной душе поверяю обиду на Тебя, Господи. Обиду, Господи. И не прошу я Тебя, а спрашиваю.

С Тобой я вышел в путь, но Ты бросил меня. И теперь я, изможденный, усталый, не ведающий дороги, должен шагать в одиночку?

Помнишь ли Ты, Господи, как веровал я в Тебя? Неужто забыл Ты мой наивный шепот, тихие признания, слезы жалоб моих?

Не обида, а удивление, не сомнение, а тревога, не гнев, а благоговение овладели мною, когда я понял, что Ты меня покидаешь, что уходишь, исчезаешь.

Не сказав ни единого слова.

Все думаю — в чем я провинился? Неужто грехи мои столь велики, что Ты не просто выбранил меня, не просто пригрозил, а взял да ушел. Как же теперь вернешься? И как я с Тобой заговорю? И что Ты мне скажешь?

Заблудился я в сумерках, а Бог меня покинул, оставил одного

Жалоба моя повисла меж четок слез на моей груди. Ты виною, Господи.

МОЛИТВА БУНТА

Не будешь Ты смеяться надо мною, Боже Всемогущий, ибо я сам над собой смеюсь. И над смертью своей насмехаюсь, ибо смерть лишь оболочку мою паразит.

Я — несколько ковшей грязной воды, помой в сосуде из кожи. Таким Ты меня сотворил, Боже, себе на потеху.

Но мысль мою Ты окрылил. Только вот жизнь эти крылья пообломала, а кровавые раны перемазала грязью. Эх, коснулся бы крыльями неба, да оно лишь для тех, кто Тебе поклоняется и прислуживает смиренно.

А во мне — ни смирения, ни поклонения. Только бунт. Не дерзкое честолюбие, но гордость.

Гордо расправил я плечи — не жажду я милости и кары не боюсь.

Я — сам себе мир, и в этом мире я — Господь, я — Бог. И лишь я сам себе — повеление, сам себе клич, сам воля: что творить и что разрушать. Свое у меня солнце и молнии свои.

Что пожелаю, то и сотворю.

Захочу — кровь добела раскалю, захочу — ударю в колокола всех страстей, единым громом прогремят грехи и грешки, мысли ядом напою — устрою пожарище на алтаре бунта моего против Тебя — и сам сгорю в пламени. Ибо я того хочу.

Не хочу я старости. Не хочу такого дара, чтоб вратать по частям в могилу, не хочу милости медленного умирания.

Я — взбунтовавшийся раб в последний, единственный миг свободы с единственным словом протеста на устах — нет!

Не хочу, не буду, не уступлю, не подчинюсь.

Дух мой — это часть Тебя. Значит, Ты сам против себя взбунтовался. Я — Бог, бросаю Тебе, Богу, вызов. Как равному Всемогущему Богу-насмешнику я противопоставляю Бога-мстителя: унижу, в клочья раздеру Тебя в себе.

Чтобы Ты от меня отрекся и покарал, и — о себе напомнил властно — и низвергнул в бездну ада.

Всемогущий Ты, а подлость, однако, побеждает, травит бездомное Добро.

Всемогущий Ты, а правда почему-то бессильна в борьбе с бескрайним океаном лжи.

А справедливость на все глаза закрыла.

Все — подлость и ложь в раздвоенном человеке, все — кроме когтей и клыков.

И рычу я на Тебя, как пес хищный, готовый наброситься и загрызть. Ищу налитым кровью взглядом — и поражаю пустоту. И потому верю, что Ты — Творец и Властелин, что могу богохульствовать.

МОЛИТВА РАЗДУМЬЯ

Отче наш, как же странен мир, сотворенный Тобой. Какую странную балладу играет этот мир на арфе моей души. Как странно все на земле, в глуби ее и в выси. Столько странностей... Будь их меньше, все было бы проще, скуднее. И вода — и огонь — и камень — и птица — и цветок — и гад ползучий — и звезда. Столько малых и больших существ. И человек. Так похож он на все другие Твои творения.

Странно, что можно так долго вглядываться в лес, в дерево в лесу, в ветку на дереве, в лист на ветке, в жилки листа — и так странно час за часом пролетает в душе.

Можно долго-долго всматриваться в море или в каплю росы — и так странно пронесется в душе столетия.

Кажется, так много знает человек — ищет, наблюдает, разгадывает, познает тайны тайн Твоих.

Ну и пусть себе...

Знаю: в красках, в движении, в запахах, в щебетании птенца и в молитве звезд Ты сам сказываешь сердечную, простую сказку, которую всяк понимает по-своему — ведь не таишь Ты ничего, не скрываешь.

Я гляжу на неприметную крапиву. Странное растение, ее яркая зелень словно ядовитые стилеты. Зачем ей эта броня, в чем ее надежда, в чем справедливость, какое такое свое право она защищает — от меня, от земли и от солнца?

И что есть крапива, ландыш, малина, яблоня, дуб? Не в том вопрос, почему крапива жжет, ландыш красив, малина сладкая, а дуб — долгожитель, не в том, кто из них вреден, а кто пользу приносит. Нет. В том вопрос, почему мы, друг другу братья, друг друга не понимаем?

Все рождается: я, ландыш, дуб; дышим, едим, растем, любим — все мы: и я, и ландыш, и дуб. И все умираем.

Почему из одной и той же земли: крапива, жасмин, малина, дуб, птица и гад ползучий — и я? Почему лебедь и его пух белоснежный?

Почему пар, вода, лед и снежинки и соли кристалл?

Почему соловей в ночи? И жаворонок, зависший в небе, словно капля солнца?

Или вот еще — что-то странное, на длинных лапках, тащит в панцире тело свое и усами шевелит — зачем мне знать, как называется это малюсенькое смешное создание? Оно живет — и я живу. Братья. Оно живет сейчас, и я — сейчас. Современни-

ки. А если оно одну из своих шести лапок потеряет, то заплачет по-своему. Мы братья по боли. Умрем — братья по смерти. И самец ищет самку. Братья в пламени чувств, в вихре, в угаре страсти.

А вот ползет что-то совсем мельчайшее, зеленое — муравей для него великан. Ползет, спешит, от опасности удирает. Мы с ним — братья по ужасу, что вселяет в нас тайна.

А может, этот старый орех влюбился в березу и там, под землей, ищет ее девичьего прикосновения? Копной своих растрепанных ветвей береза соблазняет его, обольщает, а сама в земле от него уклоняется и изменяет ему, с другим деревом корни свои сплетает.

Многое знает человек. Ну и пусть себе.

Для меня, Отче, истинно то, что все эти странности Твоей сказки не только вокруг меня, но и во мне пребывают. Я сам себе свою сказку рассказываю, вовсе на Твою не похожую.

Я потому всему противлюсь. Ничего без меня не существует.

Волен я вовсе не глядеть, а глядя — не видеть, видя — не замечать, видеть все так, как мне самому хочется. Для Тебя — капля, а мне она кажется океаном. Ты солнце тучей заслонил, а для меня оно ярко светит. Возьму и приделаю человеку крылья. Выпил бесконечность — до дна. А под травинкой раскинул шатер и отдыхаю в тени. Из песчинки слил в кубок столетнего вина. И греюсь себе на леднике.

Ты, Отче, свою сказку рассказываешь, а я из Твоей для себя свою собственную слагаю.

Даже странно, что странности кругом такие странные. И что в миг можно прожить целые эпохи. Благодарю Тебя, Отче, что вечен я и вездесущ и что все оживляю дыханием своим. Благодарю Тебя, Отче, за волшебную тайну Твоей сказки.

МОЛИТВА ПРИМИРЕНИЯ

Я нашел Тебя, мой Боже, и радуюсь, как заблудившееся дитя, вдруг увидевшее родного человека. Я нашел Тебя, мой Боже, и радуюсь, как дитя, которое пробудилось от страшного сна и улыбнулось в ответ на нежную улыбку. Я нашел Тебя, мой Боже, и радуюсь, как дитя, которое убежало от злых попечителей, одолело множество трудностей и, наконец, прижалось к дорогой груди, слушает песнь быющего в ней сердца.

Разве виноват я, что залюбовался веселой игрой и отдалился от Тебя, мой Боже? Что увлекли меня, легкомысленного, ларец с безделушками, громкая музыка, обезьянка на цепи, пестрая ярмарочная толпа?

Разве виноват я, беспечный, что слишком далеко зашел в обманчивый лес в поисках лесной ягоды, веря, что вот сейчас, за этими деревьями, будет ее много, бесконечно много сладкой,

ибо долгожданной, сладкой, ибо добытой своим трудом, своими руками?

Разве виноват я, наивный, что всматривался не в призрачные мерцания, а в быстрое движение жизни, вслушивался не в шепот далеких тайн, а в гул танца, и открывал для радости и соблазнов свои уста и сердце?

Но едва слеза тревоги упала из глаз моих — одинок я в толпе, как Ты уже рядом, Ты со мной, мой Боже.

Темная ночь. Во сне чего только не приснится: рой страшных комет, перекошенные лица, пожары, кровь, вихрь, утопленники; вот я плыву в мутных волнах, вот гонюсь, словно молния, за тучами, а крылья почему-то тяжеленные, вот рыжая девица кусает меня, вот огонек — за ним виднеется лицо друга — увлекает меня в трясину; хочу закричать, но горло перехватывает ледяная рука; один за другим раздаются удары — то ли часы бьют, то ли колокол.

Но едва издал я стон, едва взмолился о помощи — как Ты со мной, Ты рядом.

Разве виноват я, что в безумную минуту поселились во мне бредовые видения?

И самое ужасное: Боже, разве виноват я, что светлый Твой лик заслонили мне тени Твоих лживых толкователей?

Пришлось пробираться сквозь их темную толпу. Сквозь их ложные приказы: «прямо — лечь — трепетать — встать — направо». Тошнотворный запах кадил — прах — дым — свечи — чудеса — хула и грех — каменные стены — пепел — хвала и посулы — скрижали — поучения — дурманивший фимиам. Властные речения: «Приди ко мне, ибо только мой Бог настоящий». Отринув толпу Твоих прислужников, посредников, наместников и мучителей, которые отталкивали меня, отсесняли, заслоняли, не допускали, — к Тебе я стремился, мой Боже.

Потому так поздно — потому только теперь.

Сквозь соблазны жизни, шальные вихри и выюги чувств, отринув ложных пророков, к Тебе.

И радуюсь, как дитя. И не называю Тебя ни Великим, ни Справедливым, ни Добрым, а говорю:

— Мой Боже.

Говорю «мой» — и верую.

МОЛИТВА СТАРИКА

Господи Боже, Судья Справедливый, жаль, но умирать мне пора. Мало осталось ровесников на земле — заселили они погосты. Первыми ушли мастера, учителя, за ними старшие братья, а потом — друзья. Одних гром поразил, у других сон навеки усталые глаза сомкнул. Об одних говорят: «Такова воля Господня», о

других: «Ну что ж, видно, время пришло». Понимаю и я: надо место уступить тем, кто рождается, взрослеет и жаждет дела. А наш стариковский удел — тишина. Но где бывает тише, чем в могиле? Я часто подолгу беседую с ними, ушедшими. Я, живой, с мертвыми говорю о прошлом. Каким оно было? Хорошим ли, плохим? Хотел бы я начать все сначала? Разве что из страха, да не мужское это чувство.

Господи Боже, Судья Справедливый, жаль мне жизни, угасающего тепла и радости. Шаги мои стали мелкие, жую медленно, говорю тихо, кровь еле-еле течет в моих жилах — может, так дольше проживу? А как прекрасно смотреть на зелень и солнце; такое все вокруг глубокое и полное, серьезное и мудрое.

Солнце и зелень — понимают ли это чудо молодые? Им кажется, что так должно быть и не может быть иначе. Не ведают они, что это значит — «смерть косит», не знают смирения, не знают, что значит — «конец». Уже не важны ни стремления, ни обиды, ни хлопоты, ни расчеты; не ведают, что значит — «смерть косит», что значит «конец».

Мы к Тебе ближе, Боже Справедливый. Им, молодым, некогда — торопятся, спешат. Впрочем, и мы, старики, не ведаем, пока Ты не откроешь нам последнюю тайну жизни в первый миг смерти; мы — словно дети пред малюсеньким гробом младенца. Не спешу я эту тайну узнать — сама придет, не долго уже ждать осталось.

И не боюсь, да только жаль: так хотелось бы еще на мир посмотреть, почитать, увидеть, дождаться, так все интересно и ново. И, может, в последний раз. Спасибо Тебе, Судья Справедливый, за мой почтенный век. Познал я прощальные лучи солнца, щебетание птиц, любовь старца и надежду. Да и все бывшее как-то иначе, по-новому видится. И Ты, Боже, — другой, другое благовестие Твое.

Боже, Судья Справедливый, пора мне. Знаю. Только хотелось бы немного продлить прощальные сердечные объятия перед дальней дорогой в неведомое.

МОЛИТВА ДЕВОЧКИ

Боже Всемогущий, обещала я маме, что больше не буду вредничать, обещала, что буду послушной. Обещать легко, но как сдержать слово. Боязно. Буду стараться — очень хочу. Но разве всегда получается так, как хочешь? Столько раз я давала себе слово: с завтрашнего дня все будет по-новому. Может, в этот раз так и будет. Сдержу слово — очень хочу сдержать. А Ты, Боже Всемогущий, помоги мне.

Ты сотворил Землю, что вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца. Ты создал параллели, меридианы, полюса. Полуострова,

мысы, заливы, проливы, горы, плоскогорья и низины. Множество животных, растений, граниты и кварц. По Твоему велению леса заполнились зверьем. Стоит Тебе только кивнуть — и прольются реки, короли соберут дань или сложат оружие. Ничто не происходит без Тебя, на все Твоя воля.

Знаю, трудно Бога объять, скуден ум человеческий — что капля в море. Но для Тебя нет ничего невозможного. Все к Тебе обращаются, а Ты — соглашаешься или нет.

Сердцем верю я в Твой ум и доброту, и если не все мне понятно, так это потому, что я еще маленькая и глупая. Прости мне, Боже, мои сомнения, но я хочу быть с Тобой откровенной — ведь нет тайн от Бога, и Ты все равно знаешь мои мысли. Так вот, Боже Всемогущий, если Ты хочешь, чтобы люди были добрыми и справедливыми, почему бы Тебе не создавать только добрых и справедливых? Почему позволяешь им грешить? Дал бы лучше людям волю посильнее — чтоб они слово держали. Я вот стараюсь, очень стараюсь, а не получается. И маме неприятности, и мне. Иногда и дело-то пустячное, а я не уступаю. Может быть, потому, что и дома, и в школе не все добры и справедливы. Много я видела зла, и не моя в том вина, видела фальшь и грязь, которыми полнится мир. Верно, я только за себя отвечаю, но эта ложь, сплетни, неискренность делают жизнь ужасной.

Боже Всемогущий, не хочу я вредничать, хочу быть послушной — помоги мне, дай волю выдержать, поделись хоть каплей Твоего могущества.

Всего за один день сотворил Ты мир! Что Тебе стоит повелеть, чтобы дети были послушными. И да будет так.

РАДОСТНАЯ МОЛИТВА

Боже Лучезарный!

Расправил я плечи, глаза распахнул, грудь выпятил, улыбаюсь, голову высоко поднял. Смотрю, жду, слушаю. В жилах не кровь бьет. А что? Радость!

Чего Ты хочешь, Боже Лучезарный, за Твои щедрые дары?

Что до меня, то крылья мне не нужны: земля мне в радость. И пусть облака надо мной, а вокруг зелень молодая, чистая, и ручеек пусть журчит.

Пью я воздух: «Твое здоровье, Боже».

Стою пред Тобой в праздничном одеянии, в шелке солнечных нитей, радугой подпоясаясь — все во мне поет.

Но петь я не буду, ибо не знаю песни, которая была бы Тебя достойна.

Безмятежное настроение — я знаю; покой на душе — я владею; блаженное состояние — я чувствую. Сильный я — без колебаний и сомнений — добрый.

Таким и пребуду...

А ты, мой друг, не нашел своего счастья? Ты еще молод, ныряльщик неопытный, не умеешь из глубин выловить свое Солнце — то, что выходит Солнцу Божьему навстречу. Юный рыцарь, ты не слышишь гула битвы Бога, в тебе, за тебя? Услышишь!..

Ты, Боже, брат мне, а не отец.

Вглядываюсь, вслушиваюсь в радостную сказку Твоей жизни. Много путей, всяк волен свой выбирать.

Верую!

Столько новых истин рождается во мне.

Истина, что я вижу. Истина, что есть у меня сердце. Истина, что мыслю и что вишня в цвету. Истина, что запою вполголоса или крикну во всю мощь.

Влюбленным шепотом очей целую рой радостных истин. Твое здоровье, истина!

Чего Ты хочешь, Боже, за Твои щедрые дары? За снежинки и мыльные пузыри, за бездну вечности и бездну неба?

Тук-тук — бьется сердце. В глубине души, куда нет хода мысли, рождается новое чувство.

Радуюсь и рождению, и смерти.

Шаг за шагом восхожу я к Тебе, утомленный и счастливый. А рядом тихая сестра сна, белая смерть, как царевна-девица.

В руки Твои отдаю.

Рой колибри и бабочек, цветы обступили меня. Я, озорник, отгоняю их, в ладоши хлопаю, хочу спугнуть, ловлю и подбрасываю, но крыльев не повреждаю, перышек не гну, лепестков не мну, не стряхиваю цветную пыльцу. Колокольчики и чашечки взлетают, опадают, тут же срastaются с землей, дышат новым пламенем полета.

Расправил плечи, улыбаюсь.

Господи, чего Ты хочешь от нас за Твои щедрые дары?

МОЛИТВА ОЗОРСТВА

Поверь мне, Боже, я хочу быть серьезной, спокойной, внимательной. Может, со временем это и придет, но пока не получается. Не верю я в серьезное, не доверяю — смешит меня оно. Торжественные речи, клятвы, проповеди, даже похороны — Боже, какие мины при этом! Ты только посмотри на них, на эти надутые, фальшивые и глупые рожи. (Прости, что я так выражаюсь.)

То, что я молюсь так редко, — их вина. Бубнят бессмысленно молитву, хитростью хотят подойти к Тебе, провести Тебя хотят, выпросить что-нибудь вздохами да слезами, от которых краснеют носы.

Неискренность — не по мне. Поэтому признаюсь: Господи Бже, я Тебя не знаю. И кажется мне, что прежде Тебя человек

сам себя познать и найти должен. А я блуждаю, не понимаю себя, пытаюсь разгадать себя, как шараду, решить, как трудную задачу по алгебре. То, что я не такая, какой меня считают взрослые и сверстники, это само собой. Но я и не такая, какой сама себе кажусь.

Я веселая и в то же время... Капризная, но тем не менее... Неопытная, наивная — гм, это как сказать. Знаю не много, зато о многом и о многих догадываюсь. И тех, чванливых, прекрасно знаю! Если бы они хоть на малую долю так меня знали, как я их, нам было бы лучше. А может, и хуже?

Хорошая я или плохая? И да, и нет. В чем-то добрая, а в чем-то злая. И добрая, и злая, но по-своему, не так, как они думают. И, наверное, даже не так, как я сама думаю.

Мне кажется, что всю эту любовь: и родительскую, и любовь к Родине, и к ближним, и к Тебе, Господи, — все это почтение и уважение взрослые выдумали для себя. А ведь и мы имеем право на собственные чувства и на собственную любовь. В молитве молодых должны быть смех, танец, шутка, каприз, неожиданность, как в дикие языческие времена. Ведь Ты, Боже, не только в слезе человека, но и в аромате сирени, не только в небесах, но и в поцелуе. Но каждое озорство сменяется грустью, тоской. А в тоске — как во мгле — и лицо матери, и шепот Родины, и беды ближних, и Величие Тайны Твоей.

Подумать только: хочу быть с Тобой искренней, но ясно мне, что всего не скажу, не сумею сказать.

Смотрю на звезды и говорю: миллиарды звезд, миллиарды миль. Что с того, если я этого не чувствую. Знаю, что Ты Великий, Могущественный, Бессмертный и так далее. Знаю — и больше ничего. А я так люблю звезды, как они любить не умеют, даже как бы ни старались, ни дулись, как бы ни пыжились и носом ни сопели. А за что я их люблю, не скажу, да если бы и хотела сказать — не сумею.

Вот моя молитва... Умная ли, глупая ли — какая есть.

Сумбурная она, потому что и я сумбурная. Боже, трудно Тебе со мной. А представь себе, как мне с собой тяжело.

Вот что я Тебе предложу.

Пока оставь меня такой, какая я есть. Не спешి меня переделывать. Ты сам по себе, и я сама по себе, будто мы друг друга и не знаем вовсе. Я постараюсь никого не раздражать, не высмеивать, не подшучивать. Даже стану читать молитвы, только не буду возводить очи к небу и голову склонять, вздыхать и скорбные мины строить, как те, степенные. И не знаю, как скоро снизойдет на меня эта «степенность». И даже не обещаю, что захочу этот миг ускорить. Да и зачем спешить? Сам наступит.

И в один прекрасный день, совершенно неожиданно, мы встретимся. Не знаю, где, как, когда, но знаю: увижу Тебя, кровь потечет быстрее, сердце сильнее застучит и уверую. Уверую, что Ты — другой. Что Ты с ними не якшаешься, что они

и на Тебя тоску нагоняют. Что Тебе они не интересны, а меня Ты понимаешь и хочешь со мной серьезно и откровенно беседовать. Скажешь мне: «Я знал, это они Тебя от меня отвратили. Не хотела ты верить в то, во что они веруют». Скажешь: «Знаю, они Меня обманывают, лгут Мне». Скажешь о себе: «Я одинок, покинут, обижен и полон тоски, но свободен, свободен, как сокол».

И заключим мы союз: Ты и я. И рассмеемся им в лицо. Возьмемся за руки и пустимся наутек. Они рассердятся, будут нас стыдить, что ведем себя неприлично. А мы остановимся, повернемся — и язык им покажем: я и Ты. И с хохотом убежим. И будем снег пригоршнями есть.

Любимый, любимый мой Боже. Ты ведь можешь Себе такое позволить, ну хотя бы один-единственный раз. Ух, ну и нудные они, ну и лживые. И покарает их Господь за грехи их.

МОЛИТВА ПРОСТОЛЮДИНА

О Господи Боже, я делаю все, что могу. Не много могу, ну и не много делаю. Ты ведь знаешь, Боже, все разделено по совести. Не могут все быть умными. Каждому по его силам отпущено, ну и мне тоже, Господи. Думаю, самое главное — совесть и порядочность. Приносить пользу, никого не обижать. Я думаю, если свой долг честно выполнять, Ты будешь доволен, Господи Боже. Знаю я, что не так уж много даю, но и для себя многого не требую. Порой зависть берет, но ненадолго. Тут же мысль ко мне приходит: а Ты хотел бы поменяться? Ты знаешь, что у людей на душе? И, наверное, нет человека, который хотел бы с другим поменяться. Каждый к себе привык. Иногда рассержусь, если мне в чем-то не повезет. Что ж такого? Прощаешь Ты, Боже, большим грешникам, ну и мне, наверное, простишь.

Невелики мои грехи, невелики и добрые дела. Ну, иногда подумаю о чем-то не так, как надо. Но ведь главное: не причинить никому вреда, никого не обидеть. Имей человек больше радостей и меньше тревог, может, и был бы он лучше. Хотя кто знает? Если уж такова на то священная воля Твоя, наверное, так людям и лучше.

Не знаю, хорошо ли молюсь, но ведь не важно, какие слова человек говорит, когда молится, лишь бы говорил, что думает, искренне, правдиво.

Если честно, мне особенно и нечего Тебе сказать. Ну что сказать? Рассказывать о своих трудностях — неприлично. Подумаешь еще, что жалуюсь. Опять же, если попрошу, подумаешь, будто я что-то от Тебя требую. Да и что может сказать Тебе человек, чего бы Ты не знал, Господи Боже!

Вот так и болтаю, чтобы только с кем-то словом перемолвиться. Говорят, гора с горой не сходится, а человек с человеком

встречается. Но с каким человеком? Ведь не с каждым стcит говорить, не с каждым можно говорить. То надо следить, чтобы лишнего не сказать, а бывает, что скажешь одно, а припишут совсем другое, такого напридумывают — с людьми это случается. А с Тобой, Господи Боже, можно говорить прямо и просто. Я даже думаю...

Да может хватит? Сколько можно в уши Тебе жужжать. Верно, надоела Тебе моя болтовня. Да и времени у Тебя нет...

Но как хорошо, о Боже, все Тебе рассказать, все доверить...

МОЛИТВА УЧЕНОГО

Идем мы дорогой истории, несем светильники знаний и свитки законов. Путь держим — вперед. Наш девиз — «Почему?». Волею, мыслью тайну постичь. Ты, Господи, Тайна Тайн.

Мы все — добровольцы!

Впереди юноши поступью твердой идут — знаменосцы. Имя им — поэты. Прекрасные наши жрецы. Своенравны они, своевольны. Скажешь: что с них толку? — первопроходцы они. Жизни кладут на алтарь, неопытные. Смерти в лицо смеются, песнью смерть целуют — призывом: «Ввысь!» Клятвой: «До гроба!»

Мы любим этих юнцов безрассудных. Стихаем, завидя, как они, словно спугнутые птицы, взметнутся и унесутся вдаль. «Что вы там высмотрели?» — «Мало ли что: солнце!» Всяк свое болтает, чудеса рассказывает, соблазняет. «Тихо... Дойдем — увидим». «Скорее, за нами...»

К Тебе, Господи.

Идут математики. Числом мир сковали. Человека опутали. Солнце для них — одно, и песчинка — одна, и любовь — одна, и хлеб — один. Измерили бесконечность пространства и времени, взвесили и атом и Землю. Астроном, неотрывно глядящий в звездное небо, звезду не видит. Ее из бездны извлек он числом: «Бери и читай». И в каббале цифр читает звезду, никогда не виденную, и точкой отмечает на карте.

Химик чувствует дыхание Вселенной, и ароматы роз, и запахи гниения. Физик вслушивается в колебания созвездий и скрепчивает гром своей мысли с громом небесным в смертельной борьбе за Тебя, Господи.

Идут, вооружившись заступами, саперы гор и морей. Роятся в дымящихся чревах вулканов, режут холодные, как скелеты, камни, терзают плоть застывшей планеты, выискивают истоки жизни в миллионах ее сердец. Отгадывают прошлое, прорицают грядущее, по крохам вызнают, как прорастала из жизни смерть и из смерти жизнь — в насекомом, застывшем в янтаре, в алмазах, блеснувших в пепле, на коралловых грядках в море, в соленой крови земного великана. В пещерах и на болотах, на затопленных кладбищах, по черепам и костям изучают санскрит исчезнувших цивилизаций...

А за ними отряд за отрядом идут другие ученые. С головы до пят закованы в сталь мысли. И так их много, и такие разные. А все вместе — братья.

Вот тихий монах Грегор. Из долгих своих наблюдений над зеленым горохом он вывел грозный закон наследственности. Вот странник, чей возглас: «Земля!» — приветствовал новые континенты. А этот победил бытие заклинанием гордым и смелым: «Я мыслю, следовательно, я существую». Другой извлек из земли древнейший закон Хаммурапи. Вот учитель в деревне глухой — на зависть фее — властвует над пестрым царством насекомых. А этот взлететь сотни раз пытался — весь изранен, но своего добился: взял у птиц мощь их крыльев и парит в воздухе. Другой — властелин морского дна. А рядом пивовар, что вывел женщин и детей из охваченных болезнью городов и поразил противника — заразу. И тут же еще один: обрушился на хаос разноязыких слов и взял их в плен единства. А за ним — тот, кто установил иерархию растений, покориł зеленый мир. Другой открыл законы животного мира, сорвал корону с головы Создателя. Вот идет ученый, указавший в мироздании место Солнцу. За ним — его собрат, взявший в плен геометрической формулы божество. Этот вырвал у ведьмы отравленное жало нищеты. А тот триумфально возгласил: «*Omnis e cellula cellula*».

Во славу Твою, Господи.

А за отрядами бойцов тащатся обозы и мародеры. Юристы-буквоеды, эскулапы, разные инженеры да агрономы, политики-крикуны, всякий сброд, мошенники, торгаши.. Из осколков наших побед создают они для людского муравейника богатство, комфорт и силу. Продают за гроши, фейерверками чернь забавляют, девиц соблазняют.

Мы, рыцари Красоты и Истины, и не смотрим на них. А если и взглянет самый печальный из нас, лоцман души человеческой — улыбнется снисходительно.

Идем, избравшие Тебя, священная Тайна Тайн, своим Учителем, а наивный зевака вздохнет: «Бедные солдатики». Видит наши потемневшие лица и согбенные спины, рад бы попотчевать бедных-одиноких, в светлую горницу пригласить — пусть отдохнут.

Это мы — бедные? Это нам нужен отдых? Да мы — самые счастливые! В вихре борьбы, в свободном полете, устремленные в неведомые края, лицом к лицу с враждебной тьмой — наедине с Господом Богом. Ты, Господи, наша отчизна, дом, семья. Ты — награда и радость. Ты — союзник посвященных. На наших глазах восходят и крепнут зори истины и все новые тайны тех истин. Для нас и наследников наших, сынов нашего Завтра.

Примечание: В этой Молитве Корчак перечисляет величайшие открытия Менделя, Колумба, Декарта, Шейля, Фабра, Пастера, Заменгофа, Линнея, Дарвина, Коперника, Вирхова и других.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Прости меня, Боже, что жаловалась.

Говорила: сын мой убит, Отчизна отняла у меня сына, принес он ей в жертву свою жизнь.

Не понимала я. Благодарю Тебя, Боже, что просветил меня.

Теперь говорю: призвал Ты сына моего к Себе, Отчизна усыновила мое любимое дитя, не жизнь у него взяла, а дала, дала ему прекрасную смерть.

Плачу слезами радости и гордости при одной только мысли, что встал пред Тобой мой сын-солдат и сказал:

— Приказывай, Господи Боже.

Смерть прекрасную дала ему Отчизна.

Благодарю Тебя, Боже, что просветил меня.

МОЛИТВА ХУДОЖНИКА

Спасибо Тебе, Создатель, что задумал и сотворил такое странное существо, каков я есмь. Сложный, путанный, противоречивый — и все-таки такой, как надо. Видно, я нужен Тебе, коли сотворил. И чем меньше во мне здравого смысла, тем больше я Тебе благодарен. Я — протест, дерзость, бесстыдство, сам по себе среди Твоей покорной паствы. Я — шалость, Prima Aprilis и древо Аршваттха.

И молитва моя, Создатель, не та, что у всех во все времена. Она — только моя, на сей только день, на тот единственный миг, и он не повторится никогда. Пойми: я Твой шут, и пророк, и брат! Но разве я знаю, каков я? Не знаю. Взорный — степенный, степенный и вновь вздорный, гордый, смиренный, нежный, грозный... То всех презираю, то льну, как кот. Скрытный, а все выбалтываю, слезы мои — на продажу, рассеянный — трости и перочинные ножики без конца теряю... Но едва след рабства замечу — пути не просто срываю — жгу. И лишь в тишайшем шепоте обретаю Тебя, о Создатель. И за это безмерно Тебе благодарен. Не веришь, что буду молиться? Буду! Ты — Бог. Я знаю, что это значит. Наперекор Твоим прислужникам, знаю.

Спасибо Тебе, Создатель, что сотворил Ты свинью, слона с длинным хоботом, что скроил Ты листья и сердца, что негры у Тебя черные, а свекла — сахарная. Спасибо за соловья и клопа, за то, что есть у девушек груди, что рыба на воздухе задыхается, что есть молния и вишня, что Ты повелел нам так странно рождаться на свет, что человека таким глупеньким сделал, и он думает, что иначе и быть не может, и за то спасибо, что одарил мыслью камни, моря и людей.

Мысль вокруг всякий вздор мелет, а себя тщеславными байками тешит. Не у неба, а у мысли самые багровые восходы и закаты. Мысль — орлица, бездельница, лгунья. Как же я люблю ее!

Пойдет шататься и — гадай, где она, пока не вернется. Чумазая, на человека не похожа, но, дрянь, так хитро умеет каяться и с такой готовностью исправиться обещает. Да кто ей поверит! А все равно знает, негодница, что простят ее.

Все чувствую — и ничего не знаю. Глупыми кажутся мне истины, вычитанные из книг. И только те интересны, которые в шелку подсмотрены. Но видно-то плохо — вот и ошибаюсь. Ну и пусть — значит, я существую!

Ничего не знаю — все угадываю. А Ты, Создатель, знаешь, что значит — все!

Нет от меня никакого толку, а ведь должен я, должен быть первым. Надежду теряю лишь на миг, новую жизнь начинаю с понедельника, улягусь на песок животом кверху — греюсь, а то заплачу над высохшей грушей, что стоит, одинокая, в поле, или старца в плечо поцелую. Плюю в небо, кувыркаюсь беззаботно, и мне всегда будет только шестнадцать, буду раздавать тумачи, свистеть, засунув пальцы в рот, и проиграю сверстникам все пуговицы от порток. Вроде бы нет от меня никакого толку, но насколько беднее было бы без меня человечество. Научу людей любить грехи и пожары. И дышать полной грудью, полной грудью.

Над одним моим вопросом сто профессоров всю жизнь головы ломают. Маленьким миленьким девочкам и мальчикам я шепчу на ушко: спокойной ночи. Бальзамом исцеляю всех запаршивевших псов. Прошлое за шкуру вытаскиваю на свет Божий. И из пистолета в будущее стреляю — как в туза. И солнце пью, глаз не шуря, и сдается мне, что Ты нас вместе создал. И земной шар при этом наклонил, озорник. Видно, выпивши был — художника на трезвую голову не создашь. А все прочие один сон видят: о хлебе насущном — да и то по праздникам.

Если я кого и не люблю, так только трезвых. Если кого и боюсь, так только тех, кто знает, чего хочет.

Мгновения моей жизни — все до единого — подкидыши или незаконнорожденные, беспризорные, чудачки, танцуют на проволокe, горящие факелы глотают.

Стащу грушу из чужого сада — не велика провинность — и не убогу, а упорхну. А если когда и выпью, то просплюсь — и снова полный порядок. И Бог на меня не гневается — прощает.

А если и люблю — то радостно, своенравно, безоглядно.

Вроде тертый я калач, а наивный, ровно девица. То умиляюсь, на себя глядя, а то рассержусь и всыплю как следует. То мельчайшие бусинки нанизываю — все глаза проглядел, а то луне в любви признаюсь: «Ты одна умна и прекрасна». Каждый день в привычных вещах что-то новое замечаю — вдруг удивлюсь, что у собаки хвост, что трамвай едет, а у березы кора белая.

Бедненькая божья коровка, глазик у тебя болит — бедная всякая, всякая, всякая земная тварь.

Я родился, Создатель, с опозданием на пять столетий и на пять столетий до срока. Потому я так весел и так печален, что

живу, что уже кончил жить и что еще не начал. Ты и Я, Создатель, и больше никто. А я — это Мы. Мы все. Мы — богохульствующие и Мы у Трона Твоего, *Domine, sanes*.

Мы — радуга в осеннем ненастье, безумные сыны Твои. Мы — июльский снег и красные маки среди ледников. Мы — надутые ветром паруса. Ну и что, если играем клубком бабушкиной пряжи с котенком — мы и деспотов свергаем, одинокие башни возводим. Мы из безумной души извлекаем разумнейшие дела. Мы танцуем под незатейливый вальс шарманки, но мы же пронзаем настоящее гимном будущего, умираем и воскресаем по собственной воле. И на кладбище всего несовершенного мы швыряем наши творения, что становятся памятником всеобщего бессилия.

За это, о Создатель, я славлю Тебя. И с трепетом бросаю карту — Великое Блаженство Жизни.

— *Va banque*. Жизнь за Творчество.

Примечание: Согласно индуистской мифологии, Аршваттха — священное фиговое дерево, смоковница, олицетворяющая незнание; древо неведения.

МОЛИТВА ВОСПИТАТЕЛЯ

Я не возношу Тебе длинных молитв, о Господи. Не посылаю бесчисленных вздохов. Не бью низкие поклоны. Не приношу богатые жертвы во славу Твою и хвалу. Не стремлюсь вкрасться к Тебе в милость. Не прошу почестей.

Нет у моих мыслей крыльев, которые вознесли бы песнь мою в небеса.

Слова мои не красочны и не благовонны — не цветисты. Устал я, измучен.

Глаза мои потускнели, спина согнулась под грузом забот.

И все-таки обращаюсь к Тебе, Господи, с сердечной просьбой. Ибо есть у меня драгоценность, которую не хочу доверить брату — человеку. Боюсь — не поймет, не проникнется, пренебрежет, высмеет.

Всегда пред Тобой я — смиреннейший из смиренных, но в этой просьбе моей буду неуступчив.

Всегда говорю с Тобой тишайшим шепотом, но эту просьбу мою выскажу непреклонно.

Повелительный взор свой устремляю в высь небесную.

Распрямяю спину и требую — ибо не для себя требую.

Ниспосли детям счастливую долю, помощи, благослови их усилия.

Не легким путем их направи, но прекрасным.

А в залог этой просьбы прими мое единственное сокровище: печаль.

Печаль и труд.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Матушка, батюшка, вы мне эти молитвы быстро диктовали. Приходилось с трудом, по памяти, слово к слову, буква к букве складывать их и записывать. Порой я недослышал, порой не понимал, ошибки делал, память подводила, многое пропустил. Вы изредка поправляли, немного — чтобы только было понятней и мне, и другим.

Не знаю, можно ли ваши давние слова, обращенные ко мне, считать моей эпитафией вам. Спасибо вам за жизнь и смерть вашу, и за мою жизнь и смерть. Наши пути разошлись ненадолго — встретимся вновь.

Матушка, батюшка, из окаменелой тоски и боли предков ваших и моих хочу я возвести высокую, стрельчатую, одинокую башню. Число погребенных в земле, гласу которых я вторю под вашу диктовку, — лишь за последние триста лет — целая тысяча, и двадцать, и еще четыре. Разные были у них имена.

И потому в этой маленькой эпитафии я не называю никаких имен. Спасибо, что вы научили меня слышать шепот умерших и живых. Спасибо, что познаю тайну жизни в благословенный час смерти.

Ваш сын.

ПОЧЕМУ ОНИ МОЛЯТСЯ?

Когда собрались все мальчики, которые записались на ежедневную молитву, я спросил, почему они молятся, почему приходят на молитву. Это было давно, и я точно не помню, куда подевалась тетрадь, в которой я записывал их ответы. Но ответы были примерно такие.

Первый сказал:

— Почему бы мне не молиться. Ведь я еврей.

Второй сказал:

— До завтрака мне в комнате делать нечего, а в классе тепло и светло.

Третий сказал

— Я хочу получить открытку в память о 280 совместных молитвах. Мне осталось всего сорок.

Четвертый сказал так:

— Мой товарищ во дворе сказал, что кто не молится, к тому ночью явится дух, посадит в мешок, завяжет и задушит. И мне страшно — вдруг так на самом деле бывает.

— А меня мама попросила, — сказал пятый.

А шестой так сказал:

— Когда я прихожу по субботам к родителям, дед всегда меня спрашивает, набожны ли дети в Доме сирот и молятся ли они. Если б сказал, что нет, ему было бы обидно. А врать — нехорошо.

Седьмой так сказал:

— Когда зимой умер мой отец, мне не хотелось по утрам рано вставать и идти в синагогу. Но однажды отец мне приснился и начал меня корить: «Когда я был жив, я работал ради тебя невзирая на непогоду: в дождь и в мороз, часто ночами, и тогда, когда уже был болен, все равно вставал с постели, если знал, что можно заработать. А тебе лень за меня прочитать кадиш». Проснувшись, я пообещал себе, что буду молиться.

Пан Хойна много лет изо дня в день приходил на молитву. У него был набожный опекун; вначале тот заставлял его придти, а потом он просто привык.

Помню, как они стояли рядом: маленький Хойна и его большой опекун и молились вместе по одному молитвеннику.

Девятый сказал так:

— Каждый день утром я одеваюсь, умываюсь, завтракаю, иду в школу, играю с друзьями. Почему бы еще и не помолиться? Есть люди, которые говорят, что Бога нет; но откуда они знают, что они такие умные? Кто-то ведь должен был все это сотворить. Вот это и был Бог.

Десятый сказал коротко:

— Поляки молятся и ходят в свои костелы, ну и евреи должны быть не хуже.

Одиннадцатый сказал:

— Если еврей не молится, за этот грех расплачиваются все евреи. Потому мы болеем заразными болезнями, потому мы бедны и столько разных бед кругом, что евреи не молятся. А я не хочу, чтобы из-за меня другие страдали.

Двенадцатый вспомнил, что было в хедере.

— Ребе учил нас в хедере, что евреи много страдали за свои молитвы. Их убивали, сжигали синагоги, отбирали молитвенники и бросали в грязь или в огонь, и мучили евреев, не давали работу и не позволяли ходить по городу. Каждый еврей хотел поспеть в пятницу вечером на молитву, иногда он должен был идти через леса, где было полно разбойников и волков. Ребе говорил, что молились все мои деды и бабки, и стыдно, что я лентяй, не хочу просто войти в класс, который рядом, и ничто не мешает молиться, и никто не угрожает.

Тринадцатый так объяснял:

— Когда у меня беда или я поссорился с товарищем, тогда я молюсь. Хорошо рассказать Богу, как все было на самом деле и что товарищ не прав. Когда я так думаю во время молитвы, меня не так пугает несправедливость и наказание.

Четырнадцатый сказал:

— Я заметил, что когда прихожу на молитву, мне легче быть старательным. Тогда я меньше совершаю плохих поступков, и на меня меньше сердятся. И я ничего плохого не делаю ни дома, ни в школе. Молитва очень помогает.

Пятнадцатый сказал:

— Когда я заболею или в доме какая-то беда — мама или брат заболеет, или денег нет, или хозяин донимает, или сосед — мне обидно. А вот помолюсь, попрошу — и сразу успокоюсь, и легче на душе станет.

Шестнадцатый сказал:

— Я сам не знаю, почему прихожу на молитву. Молюсь, потому что молюсь. Я вовсе не задумываюсь, почему. Когда пойму, я вам напишу и ответ в ящик положу.

Семнадцатый сказал:

— Когда я молюсь, я вспоминаю дом, как раньше все было. По субботам я всегда ходил с отцом в синагогу. Здесь, в Доме сирот, тоже субботний ужин устраивают, но по-другому. Мне здесь не плохо, но когда я был дома, я больше любил и меня любили больше. Никто меня не обзывал лизуном или неженкой. В Доме сирот тоже дают конфеты. Но дома их приносил папа и дразнил меня, что не даст, что отдаст маме и сам съест. Это было смешно, потому что я знал, что это шутка. В субботу дома был чолнт. Дома все по-другому.

Пока он это говорил, предыдущий мальчик подумал и сказал:

— Вот, я вспомнил. У меня так же было. Молитва — это словно я в будни пришел домой. Молюсь и вспоминаю то одно, то другое, то третье — как было дома.

Тогда много девочек приходили на молитву. Одну даже прозвали ребецин. Ее любили и поэтому не донимали, да она и не сердилась. Она была старше и работала: училась шить — то ли перчатки, то ли зонтики, что-то в этом роде. Она не могла прийти на молитву на следующий день и пришла в класс вместе с мальчиками. (А я сказал, что все вместе — это, пожалуй, многовато, и мальчики будут молиться сегодня, а девочки — завтра.)

А она так сказала:

— Рядом с нами живет польская семья. Они к евреям хорошо относятся: всегда маме в долг дают, когда ей нужно. Так вот она сказала, что у евреев плохо, так это то, что девочки могут не молиться. Как раз им молитва больше всего нужна, потому что они больше дома сидят и больше времени с детьми проводят.

Регинка сказала в заключение:

— Господь Бог не говорил, что молитва мальчиков важнее. Это выдумали сами раввины, потому что они сами мальчики. У поляков все молятся вместе, а у евреев нет, будто мы для Бога второй сорт.

Когда Регинка закончила свою речь, мальчики ничего не сказали.

И девочки продолжали приходиться на молитву с ними.

Кажется, именно Регина сказала:

— Когда у тебя нет отца, хорошо знать, что Бог — для всех отец, а это значит, что и для меня. Молитву понимать не надо, ее только чувствуют.

Я хотел еще спросить, почему другие не молятся, но началась школа, политика — и все переменилось.

КОММЕНТАРИИ

К стр. 15 Право ребенка на уважение

Впервые опубликовано в Варшаве в 1929 г.
Печатается по изданию: *Корчак Я.* Избранные педагогические произведения. — М., 1966.

Работа занимает особое место в творчестве Я. Корчака. Это его манифест и педагогическая программа. «Каково мое теперешнее отношение к ребенку и детскому обществу — объясняет брошюра «Право ребенка на уважение», — писал Корчак в предисловии ко II тому второго издания книги «Как любить ребенка» (1929).

С. 27. *Arg longa (лат.)* — искусство вечно. Выражение взято из латинской пословицы *Arg longa, vita brevis* (Искусство вечно, жизнь коротка).

С. 30. Речь идет о Декларации прав ребенка, принятой Лигой наций в Женеве в 1924 г.

С. 37. Очевидно, имеется в виду С. Маркевич (1857—1941) — врач и общественный деятель, инициатор организации летних колоний для детей Варшавы.

С. 37. Речь идет об английском генерале Баден-Поуэлле (1859—1941) — создателе системы бойскаутизма.

К стр. 39 Как любить ребенка

Цикл «Как любить ребенка» состоит из четырех самостоятельных произведений: «Ребенок в семье», «Интернат», «Летние колонии», «Дом сирот». Я. Корчак писал эту книгу на фронте в 1914—1918 гг.

Первая часть впервые была опубликована в Варшаве в 1919 г. Полный цикл вышел в 1920 г. под заглавием «Как любить детей». Последующие издания (с 1929 г.) озаглавлены «Как любить ребенка».

Вторая часть цикла («Интернат») была издана в 1922 г. с предисловием Н. К. Крунской.

С. 43. Цитата из новеллы польского писателя Стефана Жеромского (1864—1925) «Забвение».

С. 46. Здесь и далее в работе «Ребенок в семье» петитом выделен текст, включенный Я. Корчаком во второе издание цикла «Как любить ребенка» (1929) спустя 15 лет после написания книги. «Вместо того что-

бы исправлять и дополнять — правильное будет обозначить (петитом) то, что изменилось вокруг меня и во мне», — писал он в предисловии к этому изданию.

С. 54. Каменьский, Станислав (1860—1913) — польский врач-педиатр, специалист в области детской физиологии и гигиены.

С. 54. Брудзинский, Юзеф Поликарп (1874—1917) — польский врач-педиатр и невролог.

С. 65. Цитата из повести французской писательницы Коlette Габриэль Сидони (1873—1954) «Клодина в Париже».

С. 67. Союз польских харцеров был создан в 1909—1911 гг. по образцу скаутских организаций. В настоящее время в Польше такое же наименование носит организация детей школьного возраста, входящая в состав Федерации социалистических союзов польской молодежи.

С. 69. Цитата из рассказа польского писателя С. Виткевича (1851—1915) «Ендрек Чайка».

С. 80. Цитата из повести французского писателя Октава Мирбо (1848 или 1850—1917) «Аббат Жюль».

С. 81. Бжозовский, Станислав (1878—1911) — польский писатель, автор книг, оказавших влияние на развитие польской общественной мысли.

С. 82. Шарко, Жан Мартен (1825—1893) — французский врач-невропатолог.

С. 102. Речь идет, очевидно, о следующем высказывании Л. Н. Толстого: «Всякий замечал, кто немного знает крестьянских детей, что они не привыкли и терпеть не могут всяких ласк — нежных слов, поцелуев, троганий рукой и т.п.» (*Толстой Л. Н. Пед. соч.* — М., 1948. — С. 127).

С. 121. Фрейд, Зигмунд (1850—1939) — австрийский врач и психолог, создатель идеалистической теории психоанализа, суть которой состоит в отрыве психики от материальных условий и причин, ее порождающих.

С. 126. Еллента, Цезарь (1861—1931) — польский литературный критик и писатель.

С. 132. Работа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762) начинается строками: «Все выходит хорошим из рук Творца вещей, все рождается в руках человека».

С. 136. Речь идет о приюте, основанном французским филантропом Жозефом Габриэлем Прево (1793—1875) в 1853 г. С 1880 по 1894 г. руководителем приюта был Поль Робен (1837—1912) — деятель французского рабочего движения, педагог (см.: *Кайданов О. В. Сиротский дом Прево и его создатель Поль Робен.* — М., 1912; *Шильникова М. Е. Из опыта работы Поля Робена в интернате Прево.* — Советская педагогика. — 1956. — № 12).

С. 145. Гваякол — лекарство, которое применялось в медицинской практике для лечения туберкулеза легких.

С. 173. Войт — до 1950 г. глава административного управления гмины, низшей сельской административно-территориальной единицы в Польше.

С. 174. Речь идет, очевидно, о следующем высказывании английского философа Джона Локка: «...хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна...» (*Локк Джон. Пед. соч. — М., 1939. — С. 169*).

К стр. 185 Из педагогической публицистики

В этот раздел включены статьи Я.Корчака, опубликованные в различных журналах в период с 1921 по 1926 г. В них рассматриваются проблемы развития ребенка, его здоровья, воспитания, положения в семье. Особенно тесно сотрудничал Я.Корчак с журналом «Специальная школа».

К стр. 197 Наедине с Господом Богом

Впервые книга издана в Варшаве в 1922 г. В России она переиздана в 1995 г. Российским обществом Я.Корчака. Текст этого издания приводится в Антологии.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Матягин О.П.</i> Евангелие от Корчака	5
От первого читателя	13
Право ребенка на уважение	15
Пренебрежение — недоверие	15
Неприязнь	21
Право на уважение	29
Право ребенка быть тем, что он есть	33
Как любить ребенка	39
Ребенок в семье	39
Интернат	132
Из педагогической публицистики	185
Теория и практика	185
Воспитание воспитателя ребенком	187
Воришка	189
К молитвам	192
Наедине с Господом Богом	197
<i>Комментарии</i>	221

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В «антологию»
используется факте
не применяемы
в практике Российского
учебного книгоиздания
поним фокусирования
на страницах книги
на всегда совладающих
позиции —
автора классического
наследия,
составителя тома,
учебного, излагающего
свои взгляды во вступи-
тельной статье
и комментариев,
и правого читателя,
учителя, сегодня смот-
рящего в глаза своим
ученикам, призванного
сегодня реализовывать
идею гуманной
педагогика.

Януш Корчак
со своими молитвами
о детях, мучительными поисками
сути ребенка,
откровениями о любви к детям
и устремленностью
к утверждению каждого из них,
в своем жертвоприношении
на священный Алтарь
во имя Человека
есть высшее торжество
Гения Чистой
Педагогической Совести.

Шалва Амонашвили